

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫПУСК 3 (25)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

12+

2019

**БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ВЕСТНИК

**Сургутского государственного
университета**

Научный журнал

ВЫПУСК 3 (25)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**Сургут
2019**

Учредитель и издатель:

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет»

Главный редактор

Грошев Александр Романович, д. э. н., профессор

Заместитель главного редактора

Филиппова Наталья Алексеевна, д. ю. н., доцент

Выпускающий редактор

Аширова Анна Владимировна

Редакционная коллегия:

Дядькин Дмитрий Сергеевич, д. ю. н., доцент
Каратаев Алексей Сергеевич, д. э. н., профессор
Кодинцев Александр Яковлевич, д. ю. н., доцент
Крамаров Сергей Олегович, д. ф.-м. н., профессор
Нехайчик Владимир Казимирович, к. ю. н., доцент

Попова Лариса Александровна, к. ю. н., доцент
Чарковская Ноэми Ивановна, к. ю. н., доцент
Чуланова Оксана Леонидовна, д. э. н., доцент
Ямпольская Наталья Юрьевна, д. э. н., доцент

Редакционный совет:

Экономические науки

Бархатов Виктор Иванович, д. э. н., профессор
Владимирова Татьяна Александровна, д. э. н., профессор
Галазова Светлана Сергеевна, д. э. н., профессор
Зырянова Татьяна Владимировна, д. э. н., профессор
Карзаева Наталья Николаевна, д. э. н., профессор

Мильчакова Наталья Николаевна, д. э. н., профессор
Ниценко Виталий Сергеевич, д. э. н., доцент
Сахаров Геннадий Владимирович, д. э. н., профессор
Сверчкова Ольга Федоровна, д. э. н., доцент

Юридические науки

Архипов Игорь Валентинович, д. ю. н., доцент
Белкин Анатолий Рафаилович, д. ю. н., профессор
Борков Виктор Николаевич, д. ю. н., доцент
Дежнёв Александр Сергеевич, д. ю. н., доцент
Жаров Сергей Николаевич, д. ю. н., доцент
Зайцева Лариса Владимировна, д. ю. н., доцент
Зеленцов Александр Борисович, д. ю. н., профессор
Ибрагимов Солидjon Ибрагимович, д. ю. н., профессор
Казанцев Михаил Федорович, д. ю. н.

Руденко Виктор Николаевич, д. ю. н., профессор, чл.-корр. РАН
Саликов Марат Сабирьянович, д. ю. н., профессор
Сергеев Андрей Борисович, д. ю. н., профессор
Фролова Наталья Владимировна, д. ю. н., доцент
Шабуров Анатолий Степанович, д. ю. н., профессор
Шарапов Роман Дмитриевич, д. ю. н., профессор
Ястребов Олег Александрович, д. ю. н., профессор
Яцук Татьяна Федоровна, д. ю. н., профессор

Издается с декабря 2013 года
Выходит 4 раза в год

Решением Высшей аттестационной комиссии с 30 ноября 2017 года журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим группам научных специальностей:
08.00.00 Экономические науки, 12.00.00 Юридические науки.

Полные тексты статей размещаются на странице журнала на сайте surgu.ru в базе данных Научной электронной библиотеки на сайте elibrary.ru, сведения о публикуемых материалах включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Подписной индекс Объединенного каталога «Пресса России» 93533.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.07.2015 г. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-62336

Адрес редакции:
628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1, к. 539.
Тел. (3462) 76-29-88, факс (3462) 76-29-29, e-mail: science.journals@surgu.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка главного редактора</i>	5
---	---

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Казанцев М. Ф.

Мониторинг правотворческих полномочий субъектов Российской Федерации как элемент системы мониторинга регионального законодательства	7
---	---

Чарковская Н. И.

Реформа третейского разбирательства в аспекте развития гражданского общества	13
--	----

Шкаревский Д. Н.

Туземные суды на территории Ханты-Мансийского автономного округа во второй половине 1920-х гг.	18
---	----

КОНСТИТУЦИОННОЕ, МУНИЦИПАЛЬНОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Анриенко А. И.

Сравнительно-правовая характеристика форм поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в субъектах Российской Федерации	24
---	----

Гордеева И. В.

Нормативно-правовое регулирование деятельности территориального общественного самоуправления как некоммерческих организаций в структуре гражданского общества	30
---	----

Липчанская М. А.

Пределы социального государства: конституционно-правовые обоснования	36
--	----

Нагиев Р. С.

Исполнительное производство как особая форма (вид) процессуальной деятельности	42
--	----

Шиндина А. В.

К некоторым вопросам совершенствования Конституции Российской Федерации	47
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Власова Е. А., Кабанов П. А.

«Смеси», содержащие наркотические средства и психотропные вещества: проблемы уголовно-правовой квалификации	50
---	----

Дядькин Д. С., Дядькина С. Б.

Квалификация нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенных несколькими водителями	54
--	----

Ковалев М. В.

К вопросу о совершенствовании законодательства при предоставлении права проживания осужденному за пределами колонии-поселения как способа стимулирования правопослушного поведения	60
--	----

Корнилова Т. В.

Понятие и характерные особенности наказания в виде длительного срока лишения свободы в России	65
---	----

Михайлова Л. В.

Использование морского транспорта и инфраструктуры международных портов в наркотрафике	71
--	----

Силаев С. А.	
Вопросы ответственности за торговлю людьми в целях изъятия у потерпевшего органов и тканей	77
Слободенюк М. А.	
Понятие насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними и молодежью по мотиву национальной ненависти	83
Шаров К. В.	
Тактика допроса потерпевших и свидетелей при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия	89
Сведения об авторах	95
Правила написания, рецензирования и опубликования материалов авторов	98

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели и авторы статей научного журнала
«Вестник Сургутского государственного университета»!

Очередной 25-й выпуск журнала охватывает широкий спектр актуальных исследований в области юридических наук. Предлагаемые читателю статьи объединены редакцией в три тематические рубрики.

Первая рубрика включает вопросы истории и теории права, а также анализ новейших тенденций развития российского гражданского права. В контексте современных подходов к юридической технике предложена теоретическая модель мониторинга правотворческой деятельности субъектов Российской Федерации (Екатеринбург), нацеленная на обеспечение эффективности регионального правотворчества. Тему правовой регионалистики продолжает историческое исследование опыта наделения судебными функциями традиционных (племенных) структур аборигенных народов, проживающих в 20-е годы прошлого столетия на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Сургут). Парадигма правового плюрализма отражена в исследовании развития и национальных особенностей третейских судов в России (Сургут).

Конституционно-правовые аспекты развития гражданского общества рассмотрены в статьях второй рубрики номера, освещающей вопросы российского публичного (государственного и муниципального) права. Авторами из Сургута представлен анализ форм публичной поддержки деятельности социально-ориентированных некоммерческих организаций и территориального общественного самоуправления. Фундаментальная тема социальной справедливости глубоко и полемически остро раскрыта в статье представителя Саратовской юридической школы. Отчасти это исследование продолжает дискуссию об обеспечении конституционных прав граждан России в условиях новейшей пенсионной реформы, начатую в предыдущем номере Вестника. Столь же широкого обсуждения заслуживает прогноз возможных изменений Конституции РФ (Саратов). Отдельной темой раздела стали проблемы административного процесса в рамках исполнительного производства (УФССП по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре).

Третья рубрика номера представлена статьями в области уголовного, уголовно-исполнительного права, криминологии и криминалистики. Традиционно в центре внимания этой рубрики находятся проблемы надлежащего применения норм российского уголовного законодательства. Это вопросы уголовно-правовой квалификации незаконного оборота наркотических средства и психотропных веществ (Тольятти); действий нескольких водителей при наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 264 Уголовного кодекса РФ, в действиях каждого из них (Сургут); оценка правового качества действующей редакции ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ (торговля людьми) и проблем ее применения (Кемерово). Комплексная юридическая характеристика длительных сроков лишения свободы предложена автором из Вологды; способы стимулирования законопослушного поведения

осужденных, отбывающих наказание в колонии-поселении, – коллегой из Брянска. Предметом криминологического анализа стали насильственные преступления, совершенные несовершеннолетними и молодежью по мотиву национальной ненависти (Сургут), и незаконный оборот наркотических и психотропных веществ с использованием международных морских маршрутов (Хабаровск). Криминалистические аспекты расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, раскрыты исследователем из Омска.

Благодарю всех авторов статей этого выпуска журнала и приглашаю к сотрудничеству научных работников и практиков в области экономики и права.

А. Р. Грошев,
главный редактор,
д. э. н., профессор, гл. научный сотрудник научно-образовательного центра
Института экономики и управления,
профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита
Сургутского государственного университета

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА,
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО**

УДК 342.537

*Казанцев М. Ф.
Kazantsev M. F.*

**МОНИТОРИНГ ПРАВОТВОРЧЕСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА
РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**MONITORING OF LAW-MAKING POWERS
OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
AS COMPONENT OF STATE LEGISLATION MONITORING SYSTEM**

В статье раскрыты понятие, объект и содержание мониторинга правотворческих полномочий субъектов Российской Федерации, а также определено его место в системе мониторинга регионального законодательства в целом. Сделан вывод о том, что пользу может принести только хорошо продуманный и организованный правотворческий мониторинг. Такой мониторинг нуждается в серьезном научно-методическом обеспечении, должен отвечать требованиям полноты, системности и регулярности. Эффективный мониторинг возможен при наличии реализуемого на должном уровне научно-методического, организационного, финансового, кадрового и нормативно-правового обеспечения.

The article reveals the definition, object, and content of monitoring of the law-making powers of the subjects of the Russian Federation, and its place in the system of state legislation monitoring in general. The author concludes that only well-structured and organized monitoring could make a positive contribution. Such monitoring is in need of significant methodological support. It should meet the requirements of adequacy, consistency, and regularity. The efficient monitoring is possible when scientific and methodological, organizational, financial, personnel and regulatory support are realized adequately.

Ключевые слова: мониторинг, правотворческие полномочия, субъекты Российской Федерации, региональное законодательство, объект, содержание.

Keywords: monitoring, law-making powers, subjects of the Russian Federation, state legislation, object, content.

Недочеты в правовом регулировании разграничения правотворческих полномочий стали одной из главных причин негативных тенденций в формировании регионального законодательства, которые выразились, например, в издании законов, иных нормативных правовых актов, выходящих за пределы правотворческих полномочий субъектов Российской Федерации.

Принятые федеральным центром меры позволили повысить степень четкости разграничения таких полномочий между уровнями публичной власти, но явно в недостаточной мере. Кроме того, в ходе совершенствования разграничения правотворческих полномочий сфера регионального правового регулирования была значительно сужена, причем до такого уровня, который не вполне соответствует принципам федерализма. Позже федеральные органы власти несколько расширили права российских регионов, однако проблема стабильности региональных правотворческих полномочий субъектов и их согласованности с принципами федерализма осталась. Сохранилась и проблема недостаточно четкого разграничения

правотворческих полномочий. Без их решения нельзя обеспечить достаточный уровень качества и результативности нормативно-правовой системы России, сбалансированности трех ее иерархических уровней – федерального, регионального и муниципального.

Действенным средством повышения уровня качества законодательства субъектов Российской Федерации с точки зрения соответствия его региональным правотворческим полномочиям может служить мониторинг правотворческих полномочий субъектов РФ.

Тема правового мониторинга стала популярной (мониторинг в праве, мониторинг законодательства, мониторинг правового пространства) в последние 10–15 лет [1–3]. Изучается она и применительно к российским регионам [4–7]. При этом непосредственно мониторингу правотворческих полномочий в литературе уделено не так много внимания [8–9].

Эффективный мониторинг правотворческих полномочий субъектов Российской Федерации возможен, только если он имеет под собой серьезную научную основу. Такую основу составляют теоретические положения, которые сформулированы нами ранее [10, с. 252–253] и приводятся здесь с некоторыми уточнениями:

1. Мониторинг правотворческих полномочий субъектов Российской Федерации выступает как элемент системы мониторинга законодательства субъектов Российской Федерации (кратко – регионального законодательства). Поэтому мониторинг правотворческих полномочий субъектов Российской Федерации должен опираться на теорию мониторинга регионального законодательства.

Мониторинг регионального законодательства – это систематическая деятельность по сбору и обработке информации о региональном законодательстве и связанных с ним объектах.

2. Субъектами мониторинга регионального законодательства являются органы государственной власти субъекта Российской Федерации, их подразделения и должностные лица, научные и иные организации, другие субъекты, осуществляющие сбор и обработку информации о региональном законодательстве и связанных с ним объектах.

Объектами мониторинга регионального законодательства являются региональное законодательство в целом, составляющие его нормативные правовые акты, правотворческий процесс в субъекте Российской Федерации, практика реализации регионального законодательства, федеральное законодательство, иные объекты, связанные с региональным законодательством.

Целью мониторинга регионального законодательства является обеспечение создания регионального законодательства, анализ его состояния и реализации.

Элементами (компонентами) мониторинга регионального законодательства должны быть следующие виды мониторинга:

- мониторинг создания регионального законодательства;
- мониторинг состояния регионального законодательства;
- мониторинг реализации регионального законодательства.

3. Мониторинг создания регионального законодательства (правотворческий мониторинг) – это компонент (вид) мониторинга регионального законодательства, направленный на обеспечение правотворческой деятельности субъекта Российской Федерации и отражение данных о такой деятельности.

Элементами (компонентами) мониторинга создания регионального законодательства должны быть следующие виды мониторинга:

- 1) мониторинг правотворческих полномочий субъекта Российской Федерации;
- 2) мониторинг изменений федерального законодательства, влекущих необходимость изменения законодательства субъекта Российской Федерации;
- 3) мониторинг соответствия регионального законодательства федеральному законодательству;
- 4) мониторинг потребности в правовом регулировании;
- 5) мониторинг законодательного процесса.

Для обеспечения правотворческой деятельности субъекта Российской Федерации наряду с результатами мониторинга создания регионального законодательства используются также результаты мониторинга состояния и реализации регионального законодательства, в частности результаты, отражающие состояние полноты, системности и непротиворечивости регионального законодательства, а также практику реализации регионального законодательства (включая практику прокурорского надзора и судебную практику).

Из приведенных теоретических положений следует, что при рассмотрении мониторинга регионального законодательства как четко структурированной системы мониторинг правотворческих полномочий субъектов Российской Федерации является элементом мониторинга создания регионального законодательства, который в свою очередь входит составной частью в мониторинг регионального законодательства. Впрочем, нет методологических препятствий рассматривать мониторинг правотворческих полномочий и как элемент непосредственно мониторинга регионального законодательства. Теоретически и практически возможно идти дальше и мониторинг регионального законодательства рассматривать в качестве компонента мониторинга российского законодательства, а последний – правового мониторинга в целом.

Мониторинг правотворческих полномочий субъектов Российской Федерации – это компонент (вид) мониторинга регионального законодательства, направленный на обеспечение правотворческих полномочий субъекта Российской Федерации и отражение данных о таких полномочиях.

Правотворческие полномочия – это полномочия публично-властного субъекта (субъекта правотворческой деятельности) осуществлять нормативное правовое регулирование по определенным предметам регулирования путем издания нормативных правовых актов с определением их вида (формы) или без такового.

Свойства правотворческих полномочий раскрываются в рамках следующих элементов (характеристик) правотворческих полномочий:

- 1) субъекты правотворческих полномочий;
- 2) предмет правотворческих полномочий;
- 3) содержание правотворческих полномочий;
- 4) правотворческий акт (акт правотворчества; акт, реализующий правотворческие полномочия);
- 5) правовой акт, устанавливающий правотворческие полномочия (правоустановительный акт);
- 6) способы установления правотворческих полномочий;
- 7) виды правотворческих полномочий;
- 8) реализация правотворческих полномочий.

Объектом мониторинга правотворческих полномочий субъекта Российской Федерации должны выступать ранее изданные и вновь издаваемые (текущие) федеральные законы, иные нормативные правовые акты, устанавливающие правотворческие полномочия субъектов Российской Федерации.

Содержанием мониторинга правотворческих полномочий субъекта Российской Федерации должны выступать: 1) выявление содержащихся в федеральных законах, иных нормативных правовых актах нормативных положений, определяющих правотворческие полномочия субъектов Российской Федерации (кратко – нормативных положений о правотворческих полномочиях); 2) учет нормативных положений о правотворческих полномочиях путем их фиксации в специальных формах; 3) систематизация (группировка) нормативных положений о правотворческих полномочиях по предмету правового регулирования (а при необходимости – также по другим основаниям, имеющим значение для правотворческой деятельности); 4) толкование нормативных положений о правотворческой деятельности субъектов Российской Федерации; 5) определение влияния нормативных положений о правотворческих полномочиях на правотворческую деятельность субъектов Российской Федерации, в том числе определение необхо-

димости принятия нового либо изменения или отмены действующего закона субъекта Российской Федерации; б) другие действия (мероприятия, процедуры), направленные на своевременную и правильную реализацию нормативных положений о правотворческих полномочиях.

Систематизация (группировка) нормативных положений о правотворческих полномочиях по предмету правового регулирования должна опираться на отраслевую структуру регионального законодательства, которая в свою очередь должна строиться на основе Классификатора правовых актов, одобренного Указом Президента Российской Федерации от 15 марта 2000 года № 511 [11], так как нормативные правовые акты федерального, регионального и муниципального уровней составляют единую систему нормативных правовых актов в Российской Федерации.

Органы государственной власти всех субъектов Российской Федерации в той или иной мере занимаются отслеживанием своих правотворческих полномочий и делают это в силу необходимости, иначе они не смогут сколько-нибудь сносно осуществлять государственную власть. Вопрос в том, как этим заниматься: интуитивно (как получится) или осознанно, со знанием дела, на научной основе – то есть в форме продуманного мониторинга правотворческих полномочий. Опыт российских регионов, где мониторинг правотворческих полномочий и регионального законодательства в целом уже внедряется, заслуживает изучения, поддержки и распространения. К таким регионам относится Свердловская область, где создана нормативная правовая основа мониторинга своего законодательства, сердцевину которой образует Закон Свердловской области от 17 октября 2013 № 84-ОЗ «О мониторинге законодательства Свердловской области и мониторинге практики его применения» [12]. Названный закон определяет субъекты и объекты мониторинга законодательства Свердловской области и мониторинга практики его применения, а также порядок осуществления такого мониторинга. Характерным образчиком законоположений рассматриваемого правового акта может служить его статья 17, из содержания которой следует, что при осуществлении мониторинга законодательства Свердловской области обобщается, анализируется и оценивается информация о нормативных правовых актах Свердловской области, в частности по следующим показателям:

- 1) реализация правотворческих полномочий Свердловской области (в том числе правотворческих полномочий государственных органов Свердловской области), предусмотренных законодательством Российской Федерации;
- 2) соответствие законодательства Свердловской области законодательству Российской Федерации;
- 3) наличие изменений законодательства Российской Федерации, влекущих возможность изменения законодательства Свердловской области;
- 4) соответствие нормативных правовых актов Свердловской области нормативным правовым актам Свердловской области большей юридической силы;
- 5) наличие изменений нормативных правовых актов Свердловской области, влекущих возможность изменения нормативных правовых актов Свердловской области меньшей юридической силы;
- 6) наличие потребности в правовом регулировании общественных отношений нормативными правовыми актами Свердловской области;
- 7) соблюдение пределов компетенции государственных органов Свердловской области при принятии нормативных правовых актов Свердловской области;
- 8) полнота правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений;
- 9) системность правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений.

В Свердловской области усилиями Уральского института регионального законодательства создана и используется информационно-правовая система «Регион – Закон», которая содержит раздел «Полномочия государственных органов субъектов Российской Федерации», включающий в себя полный перечень полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации, предусмотренных в федеральных законодательных актах, выявленных и

сформулированных создателями системы в результате анализа федерального законодательства, а также характеристики выявленных полномочий. Система «Регион – Закон» в частности:

- позволяет осуществлять сбор, хранение и актуализацию полученных в результате мониторинга данных о полномочиях государственных органов субъектов Российской Федерации, предусмотренных в федеральном законодательстве;
- обеспечивает поиск необходимых данных о полномочиях по различным критериям;
- позволяет отслеживать последние изменения в законодательстве в части полномочий субъектов Российской Федерации (их органов);
- помогает определять приоритетные направления в правотворческой деятельности и разрабатывать предложения для формирования планов указанной деятельности.

Заметная роль в проведении мониторинга законодательства (и правотворческих полномочий в том числе) в Свердловской области отведена ежегодным (начиная с 2009 года) докладам о состоянии законодательства в регионе [13–15].

Практика мониторинга полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации, осуществляемого в Свердловской области с использованием системы «Регион – Закон», описана сотрудниками Уральского института регионального законодательства [8–9].

В заключение следует сказать, что пользу может принести только хорошо продуманный, организованный и регулярный правотворческий мониторинг. Такому мониторингу необходимо серьезное научно-методическое обеспечение. Правотворческий мониторинг должен быть полным и системным. Результативный мониторинг возможен при наличии реализуемого на должном уровне научно-методического, организационного, финансового, кадрового и нормативно-правового обеспечения. Правотворческий мониторинг – дело очень трудоемкое. Поэтому субъекты Российской Федерации могли бы объединить свои усилия по его ведению.

Литература

1. Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. М. : Изд-во МГТУ, 2009. 196 с.
2. Варкова С. А. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 22 с.
3. Желдыбина Т. А. О значении мониторинга как самостоятельного правового института // Актуал. проблемы рос. права. 2016. № 1. С. 34–41.
4. Глазкова М. Е., Горохов Д. Б. Организация правового мониторинга в субъекте РФ: рекомендации по совершенствованию (на примере города Москвы) // Журн. рос. права. 2009. № 1. С. 42–55.
5. Магомедов Ш. Б. Конституционно-правовые проблемы обеспечения единого правового пространства в Российской Федерации: мониторинг регионального законодательства // Конституц. и муниципал. право. 2010. № 5. С. 39–43.
6. Рябов Е. В., Сокол П. В. Мониторинг законодательства на уровне субъекта Российской Федерации // Юстиция. 2006. № 3. С. 97–105.
7. Черепанова Е. В. Осуществление правового мониторинга в субъектах Российской Федерации // Журн. рос. права. 2012. № 2. С. 69–75.
8. Кучин М. В. Мониторинг реализации региональных полномочий // Вестн. Совета Федерации. 2010. № 1–2. С. 110–112.
9. Кучин М. В., Воробьева Э. Л., Щипанов А. В., Хазова Н. Б., Миклашевская Н. И., Васильева М. А. Систематизация полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации: опыт применения в Свердловской области // Евразийский юрид. журн. 2009. № 10 (17). С. 66–69.
10. Казанцев М. Ф. Региональное законодательство России: проблема качества. Екатеринбург : УрО РАН, 2009. 330 с.
11. О классификаторе правовых актов : Указ Президента Российской Федерации от 15 марта 2000 года № 511 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 12. Ст. 1260.

12. О мониторинге законодательства Свердловской области и мониторинге практики его применения : Закон Свердловской области от 17 октября 2013 № 84-ОЗ // Собр. законодательства Свердлов. обл. 2013. № 10. Ст. 1683.

13. Доклад о состоянии законодательства Свердловской области за 1994–2008 годы / Казанцев М. Ф., Руденко В. Н., Киселев К. В., Гайда А. В., Эмих В. В. ; рук. рабоч. группы Казанцев М. Ф. ; Законодат. Собр. Свердлов. обл. Екатеринбург, 2009. 248 с.

14. Доклад о состоянии законодательства Свердловской области за 2009 год / Казанцев М. Ф., Руденко В. Н., Киселев К. В., Гайда А. В., Эмих В. В. ; рук. рабоч. группы Казанцев М. Ф. ; Законодат. Собр. Свердлов. обл. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 284 с.

15. Доклад о состоянии законодательства Свердловской области в 2015 году / Подготовлен Уральским институтом регионального законодательства ; Законодательное Собр. Свердловской области. Екатеринбург, 2016. 398 с.

*Чарковская Н. И.
Charkovskaya N. I.*

**РЕФОРМА ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
В АСПЕКТЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

**REFORM OF ARBITRATION PROCEEDINGS
IN TERMS OF CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT**

В настоящей статье исследованы предпосылки реформы третейского разбирательства и ее итоги к настоящему времени в аспекте развития гражданского общества.

The article examines the background of the reform of the arbitration proceedings and its results so far in terms of civil society development.

Ключевые слова: третейский суд, реформа третейского разбирательства в Российской Федерации, гражданское общество.

Keywords: arbitration court, arbitration proceedings reform in the Russian Federation, civil society.

Третейское разбирательство традиционно рассматривается как альтернативный способ урегулирования споров. Востребованность обществом альтернативных способов разрешения споров, на наш взгляд, свидетельствует о развитости данного общества, о высоком уровне сознания, сформированном правосознании, об уважении к закону, нетерпимости к нарушениям права.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации третейские суды являются институтами гражданского общества, наделенными публичными функциями, а обращение в третейский суд – общепризнанным способом разрешения гражданско-правовых споров. Публичные интересы обеспечиваются законодательными предписаниями, устанавливающими процедуры третейского разбирательства [1].

Некоторыми авторами отмечается корреляция развитого гражданского общества и наличия третейских судов. В частности, Ю. В. Скворцов подчеркивает, что зрелость гражданского общества, выступающая условием развития третейских судов, и сама обеспечивается наличием альтернативных способов разрешения споров, к числу которых также относится третейское судопроизводство [2].

Основу создания современных третейских судов в Российской Федерации положил Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» от 24.07.2002 № 102-ФЗ [3]. Правила создания третейских судов были весьма лояльными, порядок – заявительным. Законодатель весьма высоко оценил развитость гражданского общества, способность его членов самостоятельно разрешать возникающие споры.

Однако следует констатировать, что наряду с третейскими судами, которые действовали в соответствии с требованиями закона и выносили правосудные решения, были созданы также третейские суды, целью которых было принятие «нужных» решений, которые бы позволили приобрести право собственности на недвижимость, вывести активы и т. п. Этим можно объяснить весьма негативное в свое время отношение Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) к третейским судам.

В частности, показателен следующий пример. Третейский суд утвердил мировое соглашение, по условиям которого недвижимое имущество передается в собственность в счет погашения долга организации А перед организацией В. Участник организации А усмотрел в этом вывод активов и обратился в арбитражный суд с требованием отменить решение тре-

тейского суда, указав, что совершенное отступное представляет собой крупную сделку и сделку с заинтересованностью, а согласия, необходимого в соответствии с законодательством на совершение таких сделок, получено не было. Все инстанции в требовании отказали. Высший Арбитражный Суд РФ требование удовлетворил, решение третейского суда отменил. Обоснование свелось к следующему:

1. Вывод активов юридического лица одним из его участников в свою пользу под видом утверждения третейским судом мирового соглашения в обход законодательства о крупных сделках и (или) сделках с заинтересованностью не соответствует основополагающим принципам российского права, противоречит им.

2. Соглашение о третейской оговорке подписано неуполномоченным лицом. Здесь следует сделать ремарку: решение о назначении единоличным исполнительным органом лица, подписавшего это соглашение, было признано недействительным, однако в соответствии с позицией ВАС РФ, высказанной по делу от 10.02.2010 № 11497/08, признание решения о назначении генерального директора само собой не является основанием для признания недействительным всех сделок, совершенных генеральным директором до вступления решения суда в силу. Приведение такого решения в исполнение не соответствует основополагающим принципам российского права, в частности противоречит публичному порядку Российской Федерации.

3. Публичный порядок предполагает добросовестность сторон, вступающих в частные отношения, нарушением чего является создание видимости частноправового спора, в том числе с отнесением его на рассмотрение третейским судом для получения формальных оснований отчуждения недвижимого имущества с целью вывода активов общества одним из его участников [4].

Данное обоснование напомнило достаточно долго существовавшую практику применения ст. 169 ГК РФ (еще в неизменном виде, когда в качестве санкции предусматривалось перечисление в доход государства). Налоговые органы, усмотревшие действия по снижению налогооблагаемой базы, уменьшению суммы налога и т. п., обращались в суд с требованием о признании сделки недействительной как совершенной с целью, противоправной основам правопорядка и нравственности. Суть обоснования позиции была следующей. Обязанность платить налоги установлена Конституцией РФ, которая является Основным Законом страны, а соответственно, устанавливает правопорядок. Нарушение конституционной обязанности представляет собой нарушение установленного правопорядка.

Однако следует отметить, что в этом вопросе ВАС РФ сформулировал совершенно верную позицию, указав что вопросы снижения суммы уплачиваемого налога не относятся к целям совершения сделки и нельзя в таких случаях применять ст. 169 ГК РФ. Если налоговые органы обнаружат нарушения законодательства о налогах, то следует руководствоваться именно нормами Налогового кодекса РФ, доначисляя соответствующие суммы [5].

Таким образом, ВАС РФ указал, что при выявлении обхода закона следует руководствоваться механизмами, зафиксированными в законе, а не прибегать к толкованию, порой весьма расширительному, норм права.

В ситуации же с третейскими судами ВАС РФ пытался бороться с органами, выносящими неправосудные решения, прибегая к достаточно расширительному толкованию, мотивируя свою позицию весьма замысловатыми аргументами. Основные обоснования отмены решения третейского суда или отказа в выдаче исполнительного листа были следующими:

1. Спор неарбитрабелен, так как закон устанавливает по данной категории споров исключительную подсудность, соответственно, передавать в третейский суд такой спор нельзя.

2. Спор неарбитрабелен, так как вытекает из договора присоединения.

3. Имеется нарушение публичного порядка.

4. Имеется нарушение принципа беспристрастности, т. к. суд сформирован при организации, которая является стороной спора или аффилирована с ней.

Следует отметить, что данные обоснования весьма часто применялись очень формально. Но Верховный Суд РФ продолжил практику ВАС РФ. В частности, в одном из слу-

чаев это привело к тому, что на решение третейского суда, созданного при ОАО «Газпром», в соответствии с которым дочерняя компания должна была выплатить учреждению определенную денежную сумму, было отказано в выдаче исполнительного листа, так как был нарушен принцип беспристрастности. И ни одну инстанцию не смутило то обстоятельство, что решение вынесено против аффилированной организации [6].

Представляется, что такая непримиримость ВАС РФ, а потом и Верховного Суда РФ связана с бездействием правоохранительных органов, которые должны были, как представляется, серьезно заинтересоваться третейскими судами, умышленно выносящими незаконные решения с целью привлечения к юридической ответственности. Однако этого не происходило. И в соответствии с законом диалектики, количество неправосудных решений перешло в новое качество третейских судов.

Случилась реформа третейского разбирательства, в результате которой на всей территории Российской Федерации действуют 4 третейских суда. Установлены весьма существенные заслоны к появлению новых организаций, которые могут администрировать третейские споры: 1) количественные и качественные критерии к рекомендованному списку судей; 2) оценочные требования к репутации суда; 3) строгие формальные требования к документам (судя по тому, что очень малому количеству претендентов удается дойти до рассмотрения заявления по существу).

Не вдаваясь в обоснованность и эффективность установленных требований-критериев, посмотрим что происходит с третейскими судами, не получившими необходимое разрешение на администрирование третейских споров. Некоторые законопослушно прекратили свое существование. Но другие продолжают работать, о чем свидетельствуют сайты данных организаций [7–8]. Третейские суды, не получившие разрешение на администрирование третейских споров, создают видимость осуществления деятельности в качестве третейского суда *ad hoc*. Создаются кооперативы арбитров, товарищества арбитров. Они разрешают споры, на их решения выдают исполнительные листы.

На одном из сайтов продолжающего существовать третейского суда, имеется такое сообщение: *«С 01.11.2017 г., в соответствии со вступившим в силу новым ФЗ-382 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ», Суд продолжает осуществлять организационно-представительские функции (формирование штата судейского состава; подтверждение квалификации судей; научно-методическое и материально-техническое обеспечение судебных процессов; получение исполнительных листов на третейские решения; работа с судебными приставами; информационно-просветительская работа со СМИ, вузами, органами власти, а также с юридическим и бизнес-сообществами), не связанные с администрированием споров. Администрирование каждого конкретного спора (рассмотрение иска, направление корреспонденции, получение арбитражного сбора) осуществляет единолично Третейский судья, разрешающий спор»* [9].

Таким образом, можно резюмировать, что фактически ничего не изменилось, и, строго говоря, цель реформы – избавиться от карманных судов (при том, что карманность, исходя из сложившей практики, следует понимать не как аффилированность, а как вынесение «нужных» решений) – не достигнута. При этом часть гражданского общества, вместо проявления уважения к закону, стала искать пути его обхода.

Кроме того, следует обратить внимание на еще одно обстоятельство. Третейские суды, получившие право администрировать третейские споры, расположены в столице.

Если вернуться к тезису, что третейское разбирательство свидетельствует о развитии гражданского обществе, то получается, что гражданское общество территориально дифференцировано.

Интересной представляется позиция В. В. Чубарова, вице-президента Торгово-промышленной палаты РФ, озвученная в одном интервью. Высказана позиция, что Торгово-промышленная палата РФ в некоторой степени может компенсировать отсутствие арбитражных учреждений в регионах путем создания отделений Международного коммерческого суда РФ.

Однако такое возможно только в «основных регионах», так как отсутствует смысл создания таких учреждений, если в год они будут рассматривать десять дел [10].

Если подходить к третейскому разбирательству как бизнесу, то позиция весьма понятна и убедительна. Если же рассматривать возможность разрешения споров третейскими судами как один из аспектов развития гражданского общества, то возникает вопрос: а какие регионы являются основными, достойными получить возможность третейского разбирательства? А как быть в неосновных регионах? Или там развитие гражданского общества не есть необходимость?

За Уральскими горами даже региональные центры весьма удалены от населенных пунктов. Одно из преимуществ, которое всегда называлось при третейском разбирательстве, – территориальная близость, удобство. Сторонам не требуется тратить время и финансы для поездки в арбитражный суд. Видимо, данное преимущество нивелируется.

Реформа третейского судопроизводства произошла, но от незаконно действующих третейских судов не избавились. Однако прекратили свое существование третейские суды, которые, действуя на принципах законности, имели мизерный процент неустоявшихся решений, в связи с чем обладали хорошей репутацией.

Представляется необходимым признать, что состояние гражданского общества на сегодняшний день таково, что определенная его часть ищет обходы закона. И если правоохранительные органы не будут жестко пресекать такие обходы, то пока еще законопослушная часть может последовать примеру первых. Представляется, что именно контроль за законностью решений и понимание неотвратимой юридической ответственности являются гарантией развития третейского разбирательства.

Нельзя не согласиться с мнением В. И. Крусса: «Возобладавшая консервативная модель арбитража, реализующая идею патернализма, обосновывается необходимостью государственного реагирования на имевшие место злоупотребления в третейской сфере в условиях незрелости субъектов экономической и юридической жизни. Философско-мировоззренческим основанием этого подхода является представление о том, что именно государство является основным, главным субъектом, ответственным за обеспечение экономического правопользования; перспективы же расширения инструментов корпоративного саморегулирования, в том числе в целях разрешения правовых споров, нельзя не увязывать с качественными показателями реального развития гражданского общества, которое пока не демонстрирует стойкой верности принципам добропорядочности и социальной ответственности» [11, с. 593–594].

Основной Закон Российской Федерации не закрепляет напрямую право разрешения гражданско-правовых споров третейским судом. Вместе с тем Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26 мая 2011 № 10-П отметил, что такая возможность основана на положениях Конституции РФ, а именно ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 45 [1].

Примечательно, что Конституционный Суд РФ подчеркнул право законодателя определять, исходя из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов, перечень видов споров, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда, в зависимости от их социальной значимости, конкретных условий развития гражданского оборота и социально-экономической системы в целом, укоренения правовых начал рыночного хозяйства, правовой культуры и других факторов и вносить в этот перечень изменения [12].

На основании изложенного полагаем, что законодателю следует быть честным, и если он считает, что третейское разбирательство в условиях современного развития гражданского общества может быть предоставлено весьма ограниченно и избранно, то это так и следует формализовать, прямо закрепив в законе. Оставить возможность администрировать только международные коммерческие споры организациям, которые соответствуют установленным высоким требованиям.

Конечно, тогда будет возникать вопрос: а как же развиваться, как проявлять себя гражданскому обществу? Видимо, используя иные альтернативные способы урегулирования споров, например, медиацию.

Литература

1. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Скворцов О. Ю. Проблемы третейского разбирательства предпринимательских споров в России : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2006. С. 9.
3. О третейских судах в Российской Федерации : федер. закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30, Ст. 3019.
4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.06.2011 № 1884/11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 апреля 2008 г. № 22. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Верховного Суда РФ от 14 августа 2014 г. по делу № 304-ЭС14-495, А67-1587/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Международный третейский суд Липецкой области при АНО по оказанию правовой помощи гражданам и организациям : офиц. сайт. URL: <http://www.olts.su/oferta> (дата обращения: 14.03.2019).
8. Арбитражный третейский суд города Москвы : офиц. сайт. URL: <http://www.at-sm.ru> (дата обращения: 14.03.2019).
9. Первый Арбитражный третейский суд : офиц. сайт. URL: <http://treteiskiy-sud.ru/> (дата обращения: 14.03.2019).
10. Реформа показала, что в России пока не так много третейских судов, готовых работать на высоком уровне // Закон. 2017. № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Крусс В. И. Право на предпринимательскую деятельность – конституционное полномочие личности / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Юристъ, 2003. 672 с.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2015 г. № 5-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

**ТУЗЕМНЫЕ СУДЫ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.***

**NATIVE COURTS IN THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG IN
THE SECOND HALF OF THE 1920s**

В статье автор анализирует процесс становления и деятельности туземных судов на территории Ханты-Мансийского автономного округа во второй половине 1920-х гг. Статья основана на неопубликованных архивных материалах. По мнению автора, создание туземных судов преследовало две основные цели – политическую и экономическую, однако туземные суды не продемонстрировали высокую активность в своей деятельности.

The article analyzes the process of formation and activity of the native courts in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the second half of the 1920s. The article is based on unpublished archival materials. According to the author, the creation of the native courts pursued two main objectives namely political and economic. However, the native courts have not demonstrated high activity in their work.

Ключевые слова: советская юстиция, туземные суды, национальные суды.
Keywords: Soviet justice, native courts, national courts.

Во второй половине 1920-х гг. советское руководство приступило к созданию национальных органов юстиции на территории целого ряда северных административно-территориальных единиц. Однако пристального внимания исследователей к изучению данного вопроса не наблюдается. Советская историография рассматривала проблемы, связанные с этой темой, с позиций филиоэпического описания [1–2]. Некоторые работы представляют компиляцию различных нормативных правовых актов без использования архивных источников [3]. Хотя в последнее время появились исследования, которые пытаются дать взвешенную оценку и основаны на широком привлечении неопубликованных материалов [4–6].

Основная задача данной работы состоит в том, чтобы выявить особенности деятельности туземных судов на территории ХМАО во второй половине 1920-х гг.

Отметим, что в июне 1927 г. на органы власти северных окраин были возложены судебные функции [7]. Вполне вероятно, что подобный шаг преследовал две основные цели. Во-первых, широко обсуждалась необходимость защиты населения Севера от «эксплоатации богачей, спекулянтов, мошенников ..., которые вымогали за бесценок пушнину, а также от хулиганов, воров, покупателей краденного, мошенников, растратчиков и вредителей чужого имущества» [8, Л. 31].

Во-вторых, этот шаг, по мнению руководства, должен был привести к снижению количества дел в народных судах и определенной экономии средств на судебной системе, «кудешевлению аппарата» [9, Л. 36].

В развитие постановления ЦИК СССР от 01.06.1927 были изданы Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР» [10] и Временная инструкция «О суде в туземных местностях Сибирского края» [11, Л. 1–4 об.].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в рамках научного проекта № 18-49-860012.

Последняя уточняла постановление от 14.10.1927. Инструкция состояла из 11 разделов, среди которых были: вводный, состав суда, о подсудности, о подготовке уголовных дел к заседанию и порядке рассмотрения, об обжаловании решений и приговоров, о порядке приведения и исполнения решений и приговоров, представительство по гражданским делам и др.

Инструкция уточняла существенные моменты. Например, ст. 4. Постановления от 14.10.1927 указывала, что в туземные суды могут обращаться лишь представители одного племени. Инструкция подтверждала это положение (п. 4), но уточняла, что «если спорящие принадлежат к разным племенам (например, тунгус с якутом или остяк с самоедом), то истец или потерпевший может обратиться по своему выбору или к туземному совету по месту жительства противной стороны или к народному суду» [11, Л. 1].

В статьях 6–9 Инструкции конкретизирован состав суда: председатель и два члена суда (сотрудники органов туземного управления). В случае отсутствия трех членов суда разрешалось привлекать в состав суда народных заседателей (нарзаседателей), которые избирались родовыми собраниями туземцев. Допускалось избрание заседателей на каждое судебное заседание. В состав народных заседателей не допускались: лица лишенные избирательных прав, лица с непогашенной судимостью, исключенные из общественных и профессиональных организаций в течение 3 лет после исключения. После избрания нарзаседатели должны были дать торжественное обещание (рис. 1) «судить по справедливости».

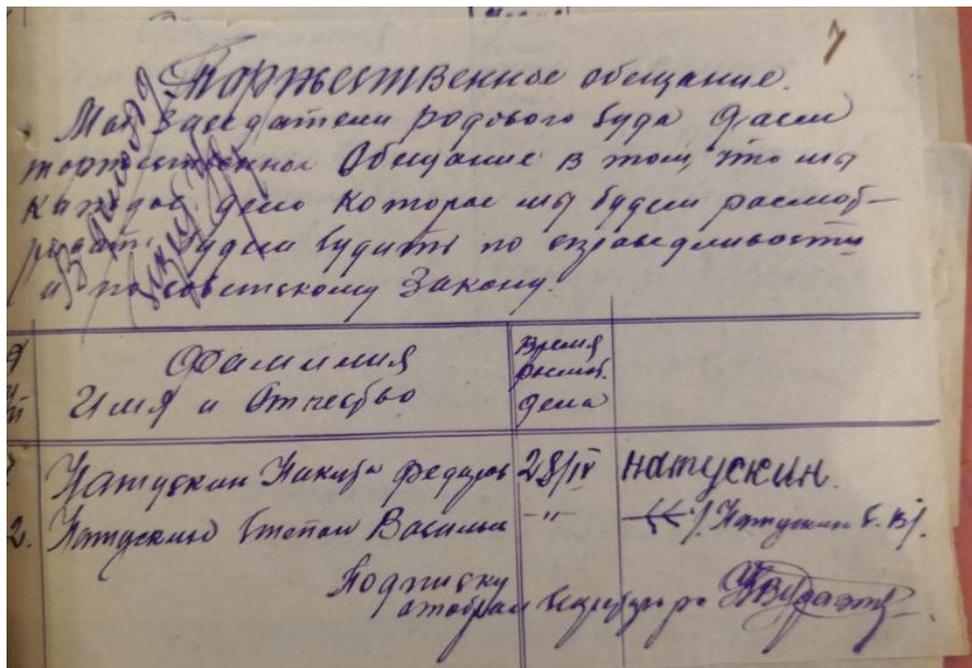

Рис. 1. Торжественное обещание народных заседателей судить по справедливости и по советскому закону [12, Л. 7]

В статье 19 Инструкции были даны определения гражданским и уголовным делам, приведены примеры подсудных туземным судам дел. Туземный суд принимал устное или письменное заявление о возбуждении гражданского дела. Вызов в суд осуществлялся также устно (через посыльных) или повесткой. Разрешалось объявить о дне и месте разбора дела истцу во время подачи заявления. Истец и ответчик могли известить или привести с собой свидетелей. Неявка в суд истца или ответчика не была препятствием для рассмотрения дела.

Стороны могли заявить отвод составу суда в случаях заинтересованности судей в разрешении дела («например, когда член может получить выгоду или ущерб от судебного решения» [11, Л. 3]) или если член суда являлся близким родственником одной из сторон («например, братом, сестрой, отцом, матерью, дочерью, мужем, женой, дедом, бабушкой,

внуком» [11, Л. 3 об.]). Суд должен был не допускать кабальных условий для бедняка или батрака в случае примирения сторон.

Суд принимал решение большинством голосов, данное решение оглашалось и записывалось в книгу судебных решений. В случае отсутствия грамотного члена туземного суда разрешалось пригласить для записи в книгу грамотного человека «даже из другого стойбища» или сделать «понятную отметку для памяти» [11, Л. 4].

Истец и ответчик могли вести гражданские дела лично или через представителя, который уполномочивался на это либо устным заявлением истца (ответчика) в судебном заседании или письменной доверенностью (ст. 50).

Согласно ст. 27, уголовные дела могли рассматриваться по заявлению потерпевших или преступников («явка с повинной»); по заявлению лиц или организаций, знающих о преступлении, по предложению прокурора или народного суда, по усмотрению туземного суда. Исключение было сделано для дел о клевете и оскорблении, которые могли рассматриваться только на основании заявления потерпевшего или его законных представителей. По ряду уголовных дел, перечисленных в ст. 29, допускалось примирение сторон даже после вынесения решения суда (по делам об оскорблении, о клевете, о присвоении чужого или покупке краденого имущества). Порядок вызова в суд по уголовным делам был аналогичен порядку по гражданским делам. К уважительным причинам неявки относились: «неполучение вызова на суд, задержка сильным бураном, болезнью и т. п.» [11, Л. 4 об.].

В случае неуважительной неявки обвиняемого дело рассматривалось без него. В случае неявки потерпевшего суд должен был либо прекратить дело (по причине примирения сторон), либо рассмотреть дело без него. Инструкция раскрывала такие виды наказаний (мер социальной защиты), как конфискация («отобрание имущества виновного бесплатно в пользу государства») и общественное порицание («выговор от имени суда на собрании или в заседании туземного совета» [11, Л. 2]).

В ст. 35 специально оговаривалось, что к лишению свободы следует приговаривать лишь в крайних случаях. Осужденных к принудительным работам рекомендовалось использовать в качестве пастухов, на полевых работах, на работах по подвозу грузов. Конфискацию имущества следовало назначать лишь «по делам о мошенничестве, ростовщичестве и покупке заведомо краденного» [11, Л. 2 об.]. Размер штрафа не должен был превышать 500 руб. Возмещение ущерба рекомендовалось применять в основном как дополнительное наказание.

При определении меры наказания суд должен был учитывать опасность преступления для общества, мотив совершения преступления. К смягчающим вину обстоятельствам были отнесены: совершение преступления впервые, если «осужденный был чем-либо взволнован», «голод и нужда», «не сознательность, подсудимый совсем не предвидел всех последствий совершаемого поступка» [11, Л. 2 об.]. Специально оговаривалось, что совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения («в пьяном виде») не является смягчающим вину обстоятельством.

К отягчающим обстоятельствам были отнесены: совершение преступления «из корыстных целей и мести», неоднократное совершение преступления, особая опасность преступника для общества.

Также этот документ призывал «особо осторожно подходить к наложению мер социальной защиты на туземцев-бедняков» и не налагать взысканий, если выяснится, что преступление совершено им «в силу нужды, бедности, голода» [11, Л. 2]. В то же время, инструкция предписывала более строго судить преступников из зажиточных туземцев, которые нанимают работников-батраков, а также частных торговцев, спекулянтов.

Согласно ст. 38, стороны могли обжаловать решение туземного суда в вышестоящий орган. Жалоба подавалась устно или письменно. В случае наличия в туземном совете грамотного сотрудника жалоба записывалась и передавалась в вышестоящую инстанцию. В случае отсутствия такой возможности «в туземном совете вывешивалась бирка с штампом

РИКа (Районного исполнительного комитета) [12–14], жалобщик ставил на этой бирке свою тамгу (именную печать), а туземный совет направлял ее РИКу» [11, Л. 4]. После этого РИК назначал дату и время судебного заседания и разбирал дело в том же порядке, что и нижестоящий суд.

Приведение в исполнение решений и приговоров должно было происходить в двухмесячный срок или немедленно. В качестве обеспечения требования истца туземные органы юстиции могли наложить арест на имущество ответчика или обвиняемого. Арест производился членом суда или судебным исполнителем, который либо составлял опись имущества (если был грамотным), либо ставил на вещах отметки и объявлял об аресте (если не был грамотным). Также эти вещи могли быть переданы на хранение другому лицу («соседу»).

Запрещено было налагать арест: на жилища (чум, юрта и т. п.); необходимые для промысла одежду, орудия, материалы промысла, скот (олени, собаки); предметы, необходимые для поддержания хозяйства и передвижения (упряжь, лодки и т.п.); продукты для семьи на 1 год. Количество необходимых предметов устанавливалось туземным РИКом.

Однако деятельность туземных судов высокой активностью не отличалась. Обследование работы Сигильетовского родового совета Ларьякского РИКа, проведенное в декабре 1929 г. народным судьей 16/17 участка Томского округа Вольхиным, за период с 1 ноября 1928 г. по 1 января 1930 г. показало следующее. Всего за обследуемый период в данный туземный суд поступило 26 дел. Из них 4 (15,3 %) – это уголовные дела («драки» – 3, «самогонварение» – 1); 22 (84,6 %) – гражданские дела («причинение вреда» – 6, «возвращение калыма» – 1, «долги» – 3, «зарплата» – 3, «дело за оленя» – 7, «дело за белок» – 2). Из 26 поступивших дел было рассмотрено лишь 7 дел (26,9 %), да и то «за примирением сторон». При этом сроки такого «рассмотрения» составляли от 3 дней до 1 года.

Проверяющий нарсудья Вольхин отмечал, что «дела заведены, аккуратно сшиты, с соответствующей надписью на обложке», однако ряд дел не содержали постановлений или заявлений о прекращении за примирением сторон. В качестве положительных сторон деятельности туземного суда нарсудья отмечал состояние делопроизводства и «быстрое рассмотрение уголовных дел» [15, Л. 6 об.]. В качестве недостатка – накопление нерассмотренных гражданских дел (19 при среднемесячном поступлении – 2 дела в месяц).

Также Вольхин предложил немедленно назначить к слушанию все дела; оформить все дела, оконченные за примирением сторон; назначать дела к слушанию в момент подачи заявления; добиться остатка дел на первое число каждого месяца не более 5 дел; проработать инструкцию о суде в туземных местностях Сибирского края [15, Л. 6–6 об.].

В январе 1930 г. он же обследовал судебную работу Прасинского родового совета Ларьякского РИКа за период с 10 июня 1928 г. (с момента организации) по 1 января 1930 г. Всего за этот период поступило 7 дел, из которых только 3 дела были рассмотрены (42,8 %). Из поступивших дел 2 – «иск за оленя», 1 – «выдел имущества», 1 – «о востребовании ребенка», 1 – «долг», 1 – «причинение вреда», 1 уголовное дело о «нанесении побоев». Срок рассмотрения дел составил от 2 до 9 дней.

Вольхин отметил недостатки делопроизводства в данном суде (оконченные дела подшивались в наряд, отсутствовала книга регистрации поступления дел), а также ошибки судопроизводства (отсутствие уголовного преследования). Предложения Вольхина были аналогичны: немедленно назначить дела к рассмотрению, завести книгу учета поступления дел, «ни в коем случае не затягивать дела» [16, Л. 7–7об.].

Отметим, что местные власти не всегда оперативно выполняли предписания центра. Так, в 1932 г. Больше-Тарховский и Больше-Ларьякский туземные советы не выполнили указание об избрании народных заседателей [17, Л. 1, 2].

В начале 1930-х гг. количество дел, поступающих в туземные суды ХМАО, продолжало оставаться небольшим. Так, за 1931 г. в туземные суды Ларьякского района поступило 26 дел (из них 22 было рассмотрено, а 4 прекращено) [17, Л. 4].

Итак, формирование туземных судов на территории ХМАО явно затянулось вследствие удаленности данной территории, плохой связи с центром. Органы туземного управления сформировали данные суды лишь через год после издания постановления ЦИК от 1.06.1927 г.

Создание туземных судов вполне вероятно преследовало две основные цели. С одной стороны, это политическая цель – пропаганда защиты интересов коренных малочисленных народов Севера советской властью и реализация идеи классовой борьбы в этой среде. С другой стороны, экономическая: снижение затрат на организацию и деятельность судебных органов.

Однако активность данных органов на территории ХМАО оказалась невысокой. Подготовленные кадры отсутствовали. Количество дел было небольшим, сроки рассмотрения – длительными. Суды испытывали недостаток литературы, а также были слабо обеспечены в материально-техническом отношении.

Судьи в основном стремились закончить рассмотрение дел с помощью примирения сторон. Поэтому политическая цель, которую преследовало государство при введении туземных судов, явно не была достигнута. Вероятно, поэтому в 1933 г. данные органы юстиции преобразовали в общественные кочевые суды, которые имели статус сельских общественных судов, а в 1959 г. ликвидировали [16, 18].

Литература

1. Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917–1932 гг.). Томск : Изд-во Томского ун-та, 1968. 334 с.
2. Позан Ю., Темеров Н. Туземные суды Туруханского края. (По материалам обследования) // Советская юстиция. 1931. № 10. С. 22–25.
3. Онищук Н. Т. Создание советской национальной государственности народностей Севера. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1986. 156 с.
4. Кодинцев А. Я. Туземное правосудие на Тобольском Севере в первой четверти XX века // Северный регион: Наука. Образование. Культура. 2014. № 1. С. 16–21
5. Исаев В. И., Михеев Д. Ю. Становление судоустройства и судопроизводства у малых народов Севера Сибири во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2018. № 3 (18). С. 97–106.
6. Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг. Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед.ин-та, 2002. 264 с.
7. О возложении судебных функций на туземные органы управления северных окраин : постановление ЦИК СССР от 01.06.1927 // СЗ СССР. 1927. № 32, ст. 330.
8. ГА Югры. Ф. 138. Оп. 1. Д. 5.
9. ГА Югры. Ф. 138. Оп. 1. Д. 24.
10. О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 14.10.1927 // СУ РСФСР. 1927. № 111, ст. 746.
11. ГА Югры. Ф. 138. Оп. 1. Д. 16.
12. Об утверждении Временного Положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР : декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 25.10.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 73, ст. 575
13. Шкаревский Д. Н., Кодинцев А. Я. Деятельность туземных общественных судов на современной территории ХМАО – Югры в 1920-е гг. // Право и государство: теория и практика. 2018. № 7 (163). С. 54–59
14. Шкаревский Д. Н. Формирование и деятельность кочевых общественных судов на территории ХМАО-Югры в 1930-е гг. // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8 (164). С. 21–25.
15. ГА Югры Ф. 138. Оп. 1. Д. 18.

16. Об утверждении Положения о кочевых общественных судах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 16.10.1933 // СУ РСФСР. 1933. № 54, ст. 241.
17. ГА Югры. Ф. 132. Оп. 1. Д. 32.
18. О признании утратившими силу постановлений ВЦИК, ВЦИК и СНК, указов Президиума Верховного Совета РСФСР : указ Президиума ВС РСФСР от 16.02.1959 // Ведомости ВС РСФСР. 1959. № 8, ст. 160.

КОНСТИТУЦИОННОЕ, МУНИЦИПАЛЬНОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 346(470)+347.471(470)

Андрюенко А. И.
Andrienko A. I.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМ ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS OF SUPPORT FORMS FOR SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье проведен сравнительно-правовой анализ правовых актов субъектов Российской Федерации, определяющих меры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций органами власти. Даны рекомендации для правотворческих и правоприменительных органов власти регионов.

The article provides a comparative legal analysis of the legal acts of subjects of the Russian Federation, which determine the measures of support for socially oriented non-profit organizations by the authorities. Recommendations for law-making and law enforcement bodies of the states are made.

Ключевые слова: некоммерческая организация, социально ориентированная некоммерческая организация, грант, субъекты Российской Федерации, региональное законодательство.

Keywords: non-profit organization, socially oriented non-profit organization, grant, subjects of the Russian Federation, state legislation.

За девять лет существования такого субъекта права, как социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНКО), было принято большое количество правовых актов, регулирующих деятельность СОНКО и их взаимоотношения с государством. Во всех 85 субъектах Российской Федерации приняты региональные правовые акты, так или иначе касающиеся СОНКО, которые в зависимости от социальных, экономических и иных особенностей детализируют федеральное законодательство применительно к конкретному субъекту Российской Федерации. Наличие большого объема федеральных и региональных правовых актов, регулирующих взаимоотношения СОНКО и государства, создает предпосылки и условия для систематизации законодательства в рассматриваемой сфере.

Целью данной работы является анализ и сравнение правовых актов субъектов Российской Федерации, регулирующих вопросы поддержки СОНКО органами власти субъекта. Данное исследование будет полезно для правотворческих и правоприменительных органов регионов.

Сравнение форм поддержки СОНКО проводилось в последние годы в основном с позиции государственного управления, экономики. Так, например, А. С. Артамонова анализировала состояние и функционирование СОНКО в российских регионах по состоянию на 2016 год. Она пришла к выводу, что «в России складывается четкая правовая основа их функционирования, принимаются меры государственной поддержки СОНКО в регионах, которая осуществляется под пристальным вниманием федерального центра» [1, с. 64]. Ссылаясь на мнение историка и политолога Я. Пляйса, А. С. Артамонова считает, что нельзя давать негативную оценку данному факту. Государство, передавая свои функции «сверху вниз» третьему

сектору, в конечном итоге развивает социальную сферу, что ведет к улучшению качества социальных услуг.

А. С. Артамонова также отмечала, что «развитие социально ориентированных некоммерческих организаций идет довольно быстрыми темпами. Преобладающими сферами деятельности СОНКО являются образование, здравоохранение и социальное обслуживание, однако в разрезе субъектов РФ имеются определенные различия как по составу, так и по объему оказываемых услуг. Вместе с тем пока сложно говорить о значительном и достаточном вкладе организаций «третьего» сектора в социально-экономическое развитие» [1, с. 64].

В 2018 году Министерство экономического развития Российской Федерации (далее – Минэкономразвития РФ) в рамках исполнения п. 3 Распоряжения Правительства Российской Федерации от 19 июня 2017 г. № 1284-р представило рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства (далее – рейтинг). Из 85 субъектов Российской Федерации в первую пятерку лидеров рейтинга вошли: Ханты-Мансийский автономный округ (1 место; 42,84 балла), Хабаровский край (2 место; 37,24 балла), Республика Саха (Якутия) (3 место; 35,23 балла); Самарская область (4 место; 34,67 баллов), Пермский край (5 место; 32,72 балла) [2]. Неутешительным кажется тот факт, что даже лидер рейтинга не набрал и половины от возможного количества баллов. С другой стороны, развитие «третьего сектора», вовлеченного в сферу оказания социальных услуг, началось недавно – в 2015 году. Требуется время как для государства, так и для СОНКО, чтобы выстроить работающие схемы оказания услуг, отработать механизмы поддержки государством поставщиков социальных услуг из «третьего сектора».

Для сравнительного анализа региональных правовых актов о СОНКО прежде всего определим критерии сравнения. Основываясь на нормах Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ (далее – Закон № 7-ФЗ) [3], определяющего порядок и условия поддержки СОНКО, представляется необходимым сравнить региональное законодательство по следующим основаниям:

1. Виды деятельности, при условии осуществления которых некоммерческая организация признается органами власти субъекта РФ социально ориентированной.

2. Формы поддержки СОНКО органами государственной власти субъектов Российской Федерации:

- финансовая поддержка;
- имущественная поддержка;
- информационная поддержка;
- консультационная поддержка;
- поддержка в области подготовки, дополнительного профессионального образования работников и добровольцев (волонтеров) СОНКО.

Виды деятельности, при условии осуществления которых некоммерческая организация признается органами власти субъекта РФ социально ориентированной. Органы государственной власти в соответствии с установленными федеральными законами полномочиями могут оказывать поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям при условии осуществления ими в соответствии с учредительными документами видов деятельности, определенных ст. 31.1 Закона № 7-ФЗ. Также законами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться другие виды деятельности, направленные на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в государстве.

Проанализировав законы субъектов о поддержке СОНКО в части установления дополнительных видов деятельности, мы пришли к следующим выводам.

В законодательстве 63 субъектов Российской Федерации предусматриваются другие виды деятельности, помимо предусмотренных федеральным законодательством. В 22 субъектах не приняты законы субъектов о СОНКО (Республика Татарстан, Тыва, Марий Эл, Севастополь; Магаданская, Челябинская, Еврейская автономная области и т. д.).

В основном виды деятельности СОНКО, определенные федеральным законодателем, дополняются на региональном уровне такими, как укрепление межнациональных, межэтниче-

ских и межконфессиональных отношений; защита семьи, материнства, отцовства и детства; развитие детского и молодежного общественного движения; охрана общественного порядка; тушение пожаров; поддержка территориального общественного самоуправления и т. д.

В регионах, на территории которых проживают коренные малочисленные народы, отдельно выделяются виды деятельности по поддержке данных народов. Например, деятельность по защите исконной среды обитания, сохранению и развитию традиционного образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры коренных малочисленных народов Севера (Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ).

Среди уникальных видов деятельности, определенных только одним субъектом, можно выделить: деятельность по сохранению здоровья и жизни граждан во время купания и массового отдыха на водных объектах (Республика Мордовия); содействие развитию краеведения и поисковых работ, исследованию истории становления и развития Калининградской области; осуществление деятельности, направленной на содействие в организации и развитии художественных промыслов и ремесел на территории Ульяновской области; содействие развитию садоводства, огородничества и дачного хозяйства (Ярославская область); допризывная подготовка молодежи (Кабардино-Балкарская республика) и т. д.

Таким образом, можно констатировать, что в региональном законодательстве установлен широкий круг видов деятельности СОНКО, которые поддерживаются на региональном уровне в приоритетном порядке наравне с видами деятельности, определенными федеральным законом. Виды деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, определяемые законодательством субъекта Российской Федерации, отражают специфику данного региона, но в целом формулировки региональных законов повторяются и отражают проблемы, характерные для всего государства.

На наш взгляд, оптимальной является формулировка, используемая в ст. 3 Закона Тюменской области «О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Тюменской области» от 18 февраля 2016 года № 2: «1. Виды деятельности некоммерческих организаций, осуществляемые ими в соответствии с учредительными документами, для признания некоммерческих организаций социально ориентированными устанавливаются в соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». 2. Наряду с установленными Федеральным законом «О некоммерческих организациях» видами деятельности социально ориентированными признаются некоммерческие организации, осуществляющие в соответствии с учредительными документами деятельность в сфере ...» [4]. Она позволяет не зависеть от федерального законодателя, могущего изменить виды деятельности, определенные статьей 31.1 Закона № 7-ФЗ.

Финансовая поддержка. Согласно Закону № 7-ФЗ оказание финансовой поддержки СОНКО может осуществляться в соответствии с законодательством Российской Федерации за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации путем предоставления субсидий [3].

Финансовая поддержка предоставляется СОНКО во всех субъектах Российской Федерации. Среди особенностей данного вида поддержки в регионах можно выделить:

1. Гранты в форме субсидий, которые предусматриваются некоторыми правовыми актами субъектов (например, в Тверской и Тульской областях).

Уникальным примером порядка предоставления гранта является Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Он стал первым субъектом Российской Федерации, оказывающим финансовую поддержку путем выделения гранта Губернатора по аналогии с так называемым Президентским грантом. Новацией является подача заявки в электронном виде. Условия и порядок предоставления гранта регулирует Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «О грантах губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на развитие гражданского общества» от 31.10.2018 № 108.

Отметим, что гранты Губернатора предусмотрены, например, и в Алтайском крае (Указ Губернатора Алтайского края от 6 марта 2014 г. № 16 «О грантах Губернатора Алтай-

ского края в сфере деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций). При этом подача заявки на участие в конкурсе в этом регионе осуществляется в порядке подачи документов в бумажном виде.

В Томской области предусмотрена финансовая поддержка как в форме предоставления субсидий, так и путем предоставления на конкурсной основе грантов в форме субсидий для реализации социальных проектов СОНКО в соответствии с решениями Губернатора и Администрации Томской области.

2. Финансовая поддержка определяется либо в целом, без разделения конкурсов на предоставление субсидий по сферам общественных отношений, либо разделяется:

- на общую поддержку для всех СОНКО;
- поддержку СОНКО, действующих в определенной области.

Второй вариант более распространен. Поддержка оказывается либо в рамках программ широкой направленности (например, поддержка гражданского общества), либо в рамках программ, направленных на поддержку СОНКО, осуществляющих деятельность в определенной сфере (например, поддержка детских и молодежных объединений). В Республике Мордовии, Республике Татарстан, Удмуртской республике, Пермском крае, например, приняты специальные акты по поддержке СОНКО в определенных отраслях – науке, культуре, экологии, развитию детей и молодежи, патриотическом воспитании, социальной адаптации инвалидов и др.

Имущественная поддержка. Закон № 7-ФЗ определяет, что оказание имущественной поддержки СОНКО «осуществляется органами государственной власти путем передачи во владение и (или) в пользование таким некоммерческим организациям государственного имущества» [3].

В части правового регулирования имущественной поддержки СОНКО органами власти субъектов РФ можно выявить несколько вариантов: 1) определение условий и порядка имущественной поддержки в законе о поддержке/взаимодействии с СОНКО и принятом в соответствии с ним региональном нормативном правовом акте (например, в Томской области); 2) регулирование имущественной поддержки СОНКО законом субъекта об имуществе (например, в республике Татарстан); 3) определение порядка имущественной поддержки только подзаконным актом органа исполнительной власти субъекта (например, в Амурской области).

Информационная поддержка. Оказание информационной поддержки СОНКО осуществляется органами государственной власти субъектов РФ на основании общего закона субъекта о поддержке СОНКО либо лишь на основании Закона № 7-ФЗ. В некоторых субъектах Волго-Вятского макрорегиона приняты специальные акты по информационной поддержке СОНКО (Удмуртская, Чувашская Республики, Пермский край).

Поддержка в области подготовки, дополнительного профессионального образования работников и добровольцев (волонтеров). Вопросы профессиональной подготовки работников СОНКО и добровольцев не получают детального регулирования в региональных правовых актах. Чаще всего в законах субъектов о поддержке СОНКО содержатся общие нормы о возможности оказания поддержки либо не содержится никаких.

Минэкономразвития России сформирован список образовательных программ дополнительного образования для специалистов СОНКО по вопросам оказания услуг в социальной сфере, в котором представлены образовательные программы в 33 субъектах Российской Федерации из 85 [5], что свидетельствует о непопулярности данной формы поддержки. На наш взгляд, это связано со сложностью процедуры обучения, но не со спросом на данный вид поддержки. В этой связи хотелось бы обратить внимание регионов на необходимость детального правового регулирования профессиональной подготовки работников СОНКО и добровольцев.

Ранее в исследованиях автора, посвященных социально ориентированным некоммерческим организациям, уже был сделан вывод о том, органы власти субъектов Российской Федерации, реализующие полномочия в сфере поддержки СОНКО, могут составлять список

необходимых курсов повышения квалификации для сотрудников и волонтеров СОНКО и рекомендовать муниципальным образованиям использовать данный список при составлении плана мероприятий по поддержке СОНКО в муниципальном образовании [6].

В связи с большим объемом региональных правовых актов, не представляется возможным в рамках данной статьи отразить все особенности правового регулирования форм поддержки СОНКО в субъектах Российской Федерации. Учитывая, что одна из основных задач, решаемых в том числе путем включения СОНКО в число поставщиков социальных услуг, – это экономическое развитие, обратимся к Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года, которая была утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации 13 февраля 2019 года № 207-р [7] (далее – Стратегия).

Социально-экономическое положение регионов отличается друг от друга, поэтому результаты сравнения правовых актов субъектов друг с другом будут неэффективны. Деление Российской Федерации на 12 макрорегионов, определенных Стратегией, позволяет сравнить правовые акты субъектов внутри макрорегионов. Так, например, в Урало-Сибирском макрорегионе, в который входят Курганская, Тюменская, Свердловская, Челябинская области, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ, в соответствии с рейтингом Минэкономразвития РФ регионами-лидерами стали: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (1 место) и Ямало-Ненецкий автономный округ (10 место). Регионы со средним уровнем – Тюменская область (32 место), Свердловская область (35 место). Все четыре субъекта имеют законы о поддержке СОНКО и принятые в соответствии с ними подзаконные акты. В состав регионов, делающих первые шаги к успеху, попала Челябинская область (76 место), а субъекты, имеющие наибольший потенциал роста, замыкают список рейтинга, среди них – Курганская область (80 место). В данных субъектах специальные законы о поддержке СОНКО пока не приняты.

В заключение отметим, что субъекты Российской Федерации, имеющие систему правовых актов, регулирующих вопросы поддержки СОНКО (закон субъекта и принятые в соответствии с ним правовые акты), чаще оказываются в начале рейтинга Минэкономразвития РФ. Регионы, не имеющие специального закона о СОНКО либо распределяющие нормы, касающиеся поддержки СОНКО, по различным правовым актам общего характера, находятся в рейтинге на низких позициях. Это позволяет говорить о необходимости специального правового регулирования поддержки СОНКО в субъектах Российской Федерации.

Социально-экономическое положение регионов сильно отличается друг от друга, поэтому нецелесообразно предлагать практику поддержки СОНКО одного из субъектов в качестве модельной. Но наличие специального регионального законодательства о поддержке СОНКО способствует увеличению показателей развития региона в данной сфере.

Литература

1. Артамонова А. С. Функционирование социально ориентированных некоммерческих организаций в российских регионах // Проблемы развития территории. № 5 (97). 2018. С. 55–67.
2. Евлампиева Т. Результаты рейтинга субъектов РФ по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства // Портал некоммерческих организаций Мин-ва эконом. развития Рос. Федерации. URL: <http://nko.economy.gov.ru/> (дата обращения: 01.08.2019).
3. О некоммерческих организациях : федер. закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996 г. № 3. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc> (дата обращения: 01.03.2019).
4. О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Тюменской области : закон Тюменской области от 18 февраля 2016 года № 2 : принят Тюменской областной Думой 11.02.2016 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Евлампиева Т. Список программ дополнительного образования для специалистов СОНКО по вопросам оказания услуг в социальной сфере // Портал некоммерческих организаций Мин-ва эконом. развития Рос. Федерации. URL: <http://nko.economy.gov.ru/> (дата обращения: 01.08.2019).

6. Андриенко А. И. Передача полномочий по оказанию социальных услуг социально ориентированным некоммерческим организациям: некоторые вопросы правового регулирования // Правовая политика и правовая жизнь. № 1. 2019. С. 124–130.

7. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347.471

Гордеева И. В.
Gordeeva I. V.

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
КАК НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

**LEGAL REGULATION OF ACTIVITIES
OF TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT
AS NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN CIVIL SOCIETY STRUCTURE**

В статье предложен сравнительный анализ нормативно-правового регулирования деятельности территориального общественного самоуправления на федеральном, региональном и местном уровнях. Рассмотрены актуальные проблемы правового регулирования деятельности территориального общественного самоуправления, сформулированы предложения по его совершенствованию.

The article proposes a comparative analysis of the legal regulation of the territorial public self-government on the federal, regional and local levels. The current topics of the legal regulation of activities of the territorial public self-government are considered. Recommendations for improvement of the legal regulation of the territorial public self-government are formulated.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, вопросы местного значения, гражданские инициативы.

Keywords: territorial public self-government, local issues, citizens' initiatives.

Глава 5 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131) предусматривает формы участия населения в осуществлении местного самоуправления [1]. Одной из наиболее востребованных для населения форм гражданского участия в решении вопросов местного значения является территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС). Согласно ч. 1 ст. 27 указанного закона, ТОС – это самоорганизация граждан по месту жительства для самостоятельного осуществления под свою ответственность собственных инициатив по вопросам местного значения.

Данная форма гражданского участия в решении вопросов местного значения оказывает большое влияние на социально-экономические процессы, происходящие на территории города. Заметную роль ТОС (при финансовой поддержке Администрации города) стало играть в благоустройстве и уборке территорий города, организации досуга населения, развитии физической культуры и массового спорта.

В связи с этим особое значение в развитии ТОС приобретет надлежащее нормативно-правовое регулирование деятельности ТОС как некоммерческих организаций, в том числе на муниципальном уровне.

Нормативно-правовое регулирование деятельности ТОС включает в себя три уровня: 1) федеральный (федеральное законодательство); 2) региональный (законодательство субъектов РФ); 3) муниципальный (муниципальные правовые акты).

С принятием ФЗ № 131 ТОС получило прямое федеральное регулирование своей деятельности. Данный закон содержит отдельную статью 27 «Территориальное общественное самоуправление», которая регулирует:

- 1) понятие ТОС и порядок установления его границ (ч. 1 и 3 ст. 27);

2) формы осуществления ТОС (собрания и конференции граждан, органы ТОС, ч. 2, 4, 6 ст. 27);

3) основные требования к регистрации уставов ТОС в органах местного самоуправления (ч. 3, 9, 10 ст. 27);

4) компетенцию собраний и конференций ТОС, полномочия органов ТОС (ч. 8 ст. 27).

Необходимо отметить, что до принятия ФЗ № 131 вопросы организации ТОС в большей степени регулировались законодательством субъектов РФ.

Например, в ХМАО действовал закон от 19.03.2001 № 26-оз «О территориальном общественном самоуправлении в Ханты-Мансийском автономном округе» [2], который был отменен с 01.01.2006 года в связи с введением в действие ФЗ № 131.

Тем не менее это не означает, что субъекты РФ полностью исключены из числа субъектов правового регулирования вопросов ТОС. Согласно ч. 2 ст. 33 ФЗ № 131 государственные органы обязаны содействовать населению в участии в осуществлении местного самоуправления, что позволяет субъектам РФ принимать законы о государственной поддержке ТОС. Такие законы приняты в Московской [3], Архангельской [4], Ульяновской [5] областях, Ненецком автономном округе [6].

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре действует лишь Концепция развития ТОС до 2025 года [7], а основное бремя по оказанию поддержки ТОС, в том числе финансовой, несут органы местного самоуправления.

Особенностью нормативно-правового регулирования деятельности ТОС на федеральном уровне является двойственная природа ТОС. Как пишет А. О. Стрельников, «с одной стороны, ТОС рассматривается как часть системы местного самоуправления, а с другой – в качестве системы самоорганизации граждан, гражданского общества» [8, с. 42].

Так, согласно абз. 2 ч. 5 ст. 27 ФЗ № 131, ТОС в соответствии с его уставом может являться юридическим лицом и подлежит государственной регистрации в организационно-правовой форме некоммерческой организации. Статьей 50 ГК РФ для ТОС предусмотрена государственная регистрация в качестве юридического лица в организационно-правовой форме общественной организации [9].

В этом случае ТОС со статусом юридического лица проходит «двойную» регистрацию.

На первом этапе уставы ТОС регистрируются в органах местного самоуправления в соответствии с требованиями ст. 27 ФЗ № 131. Именно с момента регистрации устава ТОС в местной администрации оно считается учрежденным как форма самоорганизации граждан в целях решения вопросов местного значения (ч. 5 ст. 27 ФЗ № 131). С этого момента ТОС может осуществлять все свои функции (представлять интересы населения, вносить проекты муниципальных правовых актов, инициировать публичные слушания и т. д.), за исключением осуществления хозяйственной деятельности.

На втором этапе ТОС как юридические лица (общественные организации) регистрируются в территориальных органах юстиции в соответствии с требованиями ст. 27 ФЗ № 131, а также требованиями законодательства об общественных организациях. В этом случае на ТОС распространяются требования не только ст. 27 ФЗ № 131, но и положения гражданского законодательства о юридических лицах, Федеральных законов «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ [10], «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ [11], а также ст. 78.1 Бюджетного кодекса РФ (в части предоставления ТОС субсидий и грантов) [12].

Необходимо отметить, что двойственный статус ТОС (как формы участия граждан в местном самоуправлении и как общественной организации) урегулирован федеральным законодательством недостаточно, а порою противоречиво. Так, в действующем законодательстве отсутствуют пределы распространения на ТОС как юридических лиц положений Федеральных законов от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Очевидно, например, что к ТОС не применимы положения законодательства о членстве в общественной организации (в т. ч. регулирование в уставе ТОС условий и порядка приобретения, утраты членства). Исходя из содержания ч. 1, 3, 6 ст. 27 ФЗ № 131, участниками ТОС являются все лица, проживающие на соответствующей территории и достигшие 16-летнего возраста.

Минюст России уже констатирует сокращение числа ТОС по стране, поскольку им отказывают в регистрации в качестве юридических лиц на том основании, что они не предусматривают в своих уставах членство и среди документов, представляемых на регистрацию, нет списка членов. ТОС, разумеется, не способны представить поименный список своих участников, т. е. всех лиц, проживающих на локальной территории [13].

Само по себе придание на федеральном уровне ТОС, зарегистрированному в качестве юридического лица, статуса общественной организации умаляет значение ТОС как формы участия граждан в местном самоуправлении. Фактически ТОС приравниваются к статусу обычной социально ориентированной некоммерческой организации, которая имеет право на получение имущественной и финансовой поддержки со стороны органов местного самоуправления согласно ст. 31.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», однако не может осуществлять публичные полномочия.

Так, ФЗ № 131 и отраслевое законодательство (земельное, градостроительное и т. д.) не предусматривают возможность передачи отдельных публичных полномочий органов местного самоуправления ТОС. Как отмечает А. В. Мадьярова, «в связи с этим, на сегодняшний день недопустимы случаи передачи некоммерческим организациям – ТОС таких полномочий, как решение вопросов отвода земельных участков и выдача разрешений на строительство, установку временных конструкций, предоставление мест под сезонную торговлю на территории ТОС и т. д.» [14].

Тем не менее из содержания ст. 27 ФЗ № 131 следует, что органы местного самоуправления могут предусматривать механизмы взаимодействия на договорной основе с органами ТОС для осуществления некоторых полномочий органов местного самоуправления по вопросам местного значения с участием ТОС.

Исходя из вышеизложенного, необходимо различать понятия «передача полномочий органов местного самоуправления ТОС» и «привлечение ТОС к реализации полномочий органов местного самоуправления». На сегодняшний день федеральное законодательство ориентировано именно на второй вариант понимания природы ТОС.

В настоящее время Министерством юстиции РФ разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей регулирования деятельности территориального общественного самоуправления как некоммерческой организации». Законопроект предусматривает исключение ТОС из числа некоммерческих организаций, на которые распространяется специальный порядок государственной регистрации и контроля. Однако в остальной части федеральный законодатель продолжает рассматривать ТОС в качестве общественной организации [15].

Представляется, что внесение изменений в Федеральные законы «Об общественных объединениях» (от 19.05.1995 № 82-ФЗ) и «О некоммерческих организациях» (от 12.01.1996 № 7-ФЗ) в части определения конкретных норм (статей, пунктов), распространяемых на ТОС, а также установление особенностей регистрации ТОС в качестве юридических лиц в органах юстиции только усложнит нормативную базу и не решит принципиального вопроса о правовой природе ТОС.

Более правильным представляется принятие отдельного федерального закона об общих принципах организации ТОС, который регулировал бы ТОС прежде всего как публичную форму участия граждан в решении вопросов местного значения. В данном законе необходимо урегулировать статус ТОС не только как юридического лица, но и как самоорганиза-

ции граждан в целях решения вопросов местного значения, закрепив в том числе круг полномочий органов местного самоуправления, которые последние вправе делегировать ТОС.

Анализ правовых актов на уровне муниципальных образований автономного округа по вопросам организации ТОС показывает, что они в целом носят унифицированный характер. Во всех городских округах и муниципальных районах автономного округа приняты муниципальные правовые акты представительных органов о порядке организации ТОС, которые регулируют вопросы деятельности ТОС как самоорганизации граждан:

- 1) порядок установления и изменения границ территории, на которой осуществляется деятельность;
- 2) порядок создания и ликвидации;
- 3) порядок регистрации устава;
- 4) порядок осуществления деятельности, включая условия и порядок выделения ТОС средств из местного бюджета.

Различия в правовом регулировании деятельности ТОС в муниципальных образованиях автономного округа незначительны и касаются следующих моментов:

1. Регистрация уставов ТОС. В одних муниципальных образованиях регистрация уставов ТОС и вносимых изменений оформляется муниципальным правовым актом (распоряжением, постановлением) местной администрации (г. Сургут [16], Сургутский район [17], г. Нижневартовск [18]). В отдельных муниципальных образованиях муниципальный правовой акт о регистрации устава ТОС не издается, вместо этого выдается свидетельство о регистрации, подписанное главой муниципального образования (г. Ханты-Мансийск [19], г. Радужный [20]).

2. Установление границ ТОС. Согласно ч. 1 ст. 27 ФЗ № 131, границы ТОС устанавливаются представительным органом по предложению населения, проживающего на соответствующей территории.

В одних муниципальных образованиях предложение населения по границам ТОС оформляется на собраниях (конференциях) граждан и фиксируется в соответствующем протоколе собрания (конференции) (г. Сургут, Сургутский район). На наш взгляд, такой подход является правильным, так как именно собрание (конференция) граждан в правомочном составе может выражать мнение населения, проживающего на соответствующей территории.

Однако в некоторых муниципальных образованиях для внесения предложения населения по границам ТОС в представительный орган достаточно обращения инициативной группы граждан численностью не менее 3 человек, проживающих на той территории, где предполагается осуществлять территориальное общественное самоуправление (г. Нижневартовск, г. Урай [21], г. Ханты-Мансийск). Данный механизм установления границ ТОС является спорным, поскольку вряд ли инициативная группа из нескольких человек вправе выражать мнение всего населения, проживающего на соответствующей территории.

В городе Сургуте деятельность ТОС, в том числе его финансовая поддержка, регулируется следующими муниципальными правовыми актами:

- 1) Устав городского округа город Сургут Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ст. 16) [22];
- 2) решение городской Думы от 26.10.2005 № «Об утверждении Положения о территориальном общественном самоуправлении в городе Сургуте»;
- 3) постановление администрации города Сургута от 13.04.2018 № 2565 «О порядке определения объема и предоставления субсидий территориальным общественным самоуправлениям города Сургута на осуществление собственных инициатив по вопросам местного значения» [23];
- 4) постановление администрации города от 19.02.2014 № 1127 «Об утверждении порядка предоставления грантов в форме субсидий по результатам городского конкурса «Лучший совет ТОС», проводимого в рамках реализации муниципальной программы «Развитие гражданского общества в городе Сургуте на 2014–2030 годы» [24].

В вышеупомянутой Концепции развития территориального общественного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре до 2025 года отмечено, что общий охват населения в автономном округе границами ТОС составляет 275 700 тыс. человек, из них 251 983 человека приходится на г. Сургут. Такой высокий показатель развития ТОС был достигнут в том числе и благодаря своевременному принятию в городе соответствующих муниципальных правовых актов.

Между тем в настоящее время остается неурегулированным вопрос оценки эффективности деятельности ТОС при реализации собственных инициатив по вопросам местного значения. На сегодняшний день уже недостаточно просто сформировать нормативную базу для создания ТОС, необходимы правовые инструменты для повышения эффективности его деятельности. ТОС должны создаваться не для «статистики органов местного самоуправления», а для повышения реальной роли в удовлетворении запросов (потребностей) жителей в границах ТОС.

При этом ключевыми критериями оценки деятельности ТОС должны являться такие показатели, как, например, охват населения деятельностью ТОС, количество удовлетворенных запросов жителей с участием ТОС, увеличение количества благоустроенных территорий с участием ТОС, снижение количества нарушений Правил благоустройства в границах деятельности ТОС.

Представляется, что именно в этом ключе (повышение эффективности деятельности ТОС) должно развиваться дальнейшее нормативно-правовое регулирование, в том числе на муниципальном уровне.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 06 окт. 2003 г. № 131-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 6 сентября 2003 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 сентября 2003 г. // Рос. газ. 2003. 08 окт.
2. О территориальном общественном самоуправлении в Ханты-Мансийском автономном округе : закон Ханты-Мансийского автономного округа от 19.03.2001 № 26-оз : принят Думой Ханты-Мансийского автономного округа 2 марта 2001 // Новости Югры. 2001. 26 апр.
3. О поддержке территориального общественного самоуправления в Московской области : закон Московской области от 08.11.2017 № 187/2017-ОЗ : принят Московской областной Думой 26 октября 2017 // Ежедневные Новости. 2017. 28 нояб.
4. О государственной поддержке территориального общественного самоуправления в Архангельской области : закон Архангельской области от 22.02.2013 № 613-37-ОЗ : принят Архангельским областным Собранием депутатов 13 февраля 2013 // Волна. 2013. 26 февр.
5. О государственной поддержке территориального общественного самоуправления в Ульяновской области : закон Ульяновской области от 28.06.2017 № 74-ЗО : принят Законодательным Собр. Ульяновской области 21 июня 2017 // Ульяновская правда. 2017. 07 июля.
6. О государственной поддержке территориального общественного самоуправления в Ненецком автономном округе : закон Ненецкого автономного округа от 13 марта 2015 № 56-ОЗ : принят Собранием депутатов Ненецкого автономного округа (Постановление от 5 марта 2015 года № 25-сд). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.08.2019).
7. Концепция развития территориального общественного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре до 2025 года : распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 6 апреля 2018 г. № 151-рп // Собр. Законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2018. 15 апр. Ст. 336.
8. Стрельников А. О. Правовое регулирование деятельности территориального общественного самоуправления // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 41–48.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. 1 : федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 54-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 окт. 1994 г. // Рос.газ. 2003. 08 дек.
10. Об общественных объединениях : федер. закон Рос. Федерации от 19 мая 1995 № 82-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 14 апреля 1995 // Рос.газ. 1995. 25 мая.
11. О некоммерческих организациях : федер. закон Рос. Федерации от 12 янв. 1996 № 7-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 дек. 1995 // Рос.газ. 1996. 24 янв.
12. Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17 июля 1998 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 17 июля 1998 г. // Рос. газ. 1998. 12 авг.
13. Щепачев В. А. Проблемы правового регулирования территориального общественного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 6. С. 26–31.
14. Мадьярова А. В. Территориальное общественное самоуправление в Российской Федерации: некоторые проблемы организации и деятельности. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Чеботарев Г. Н. Особенности регулирования деятельности территориального общественного самоуправления как некоммерческой организации // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 7. С. 33–37.
16. Об утверждении Положения о территориальном общественном самоуправлении в городе Сургуте : решение городской Думы от 26.10.2005 № 513-III ГД // Информационный бюллетень Думы и администрации г. Сургута. 2005. 31 окт.
17. Об утверждении Положения о территориальном общественном самоуправлении в Сургутском районе : решение Думы Сургутского района от 28.06.2010 № 633 // Приложение «Официальный выпуск» к газете «Вестник». 2010. 02 июля.
18. О Положении о порядке организации и осуществления территориального общественного самоуправления в городе Нижневартовске : решение Думы г. Нижневартовска от 22.02.2018 № 304 // Варта. 2018. 03 марта.
19. О Положении о порядке организации и осуществления территориального общественного самоуправления в городе Ханты-Мансийске : решение Думы г. Ханты-Мансийска от 22.12.2017 № 200-VI РД // Самарово – Ханты-Мансийск. 2017. 28 дек.
20. О Положении о порядке организации и осуществления территориального общественного самоуправления в городе Радужный : решение Думы г. Радужный от 30.11.2017 № 292. Доступ из СПС «Гарант».
21. О Положении «О порядке организации и осуществления территориального общественного самоуправления в городе Урай» : решение Думы г. Урай от 21.09.2006 № 48. Доступ из СПС «Гарант».
22. Устав муниципального образования городской округ город Сургут Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : решение Сургутской городской Думы от 18.02.2005 № 425-III ГД // Сургутская трибуна. 2005. 22 марта.
23. О порядке определения объема и предоставления субсидий территориальным общественным самоуправлениям города Сургута на осуществление собственных инициатив по вопросам местного значения : постановление Администрации города Сургута от 13.04.2018 № 2565 // Сургутские ведомости. 2018. 21 апр.
24. Об утверждении Порядка предоставления грантов в форме субсидий по результатам городского конкурса «Лучший совет ГОС», проводимого в рамках реализации муниципальной программы «Развитие гражданского общества в городе Сургуте на 2014–2030 годы : постановление Администрации города Сургута от 19.02.2014 № 1127 // Сургутские ведомости. 2014. 01 марта.

**ПРЕДЕЛЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА:
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОБОСНОВАНИЯ**

**LIMITS OF SOCIAL STATE:
CONSTITUTIONAL AND LEGAL REASONING**

В статье рассмотрена сущность социального государства и поставлен вопрос о его пределах (объеме гарантированных социальных прав). Отмечено, что недопустимыми являются как чрезмерное расширение пределов социального государства (что влечет за собой формирование потребительского отношения граждан, а также риск перерастания подобного государства в патерналистское), так и чрезмерное их сужение вплоть до полной ликвидации некоторых социальных прав, как предлагают некоторые специалисты. Сделан вывод о необходимости закрепления минимальных финансовых норм – гарантий реализации конституционно-правовых положений российской Конституции о социальном государстве.

The article considers the essence of the social state and addresses the question of its limits (the extent of the guaranteed social rights). The author notes that excessive extension of the social state (which involves the formation of the consumer relations of citizens and risk of development of that state into paternalistic), as well as its excessive narrowing up to complete elimination of some social rights, is unacceptable. At the same time, the author concludes about a need for establishing the minimum financial norms that would guarantee the realization of constitutional legal statuses of the Russian Constitution on the social state.

Ключевые слова: социальное государство, социальные права, патерналистское государство, социальное обеспечение, финансовые гарантии.

Keywords: social state, social rights, paternalistic state, social security, financial guarantees.

Конституция Российской Федерации в ст. 7, относящейся к основам конституционного строя, провозглашает Российскую Федерацию социальным государством. Таким образом, социальный характер России закреплен на самом высоком из возможных уровней и в рамках существующего конституционно-правового пространства подвергнут сомнению быть не может. Вместе с тем вполне очевидно, что подобная конституционная норма может остаться простой декларацией, если не будет сформировано четкое понимание того, что такое социальное государство, каковы критерии признания государства социальным и, наконец, какой объем социальных прав позволяет говорить о социальном характере государства. Актуальность данных вопросов для России возросла в последние годы в условиях постоянно снижающегося уровня жизни населения при одновременном снижении некоторых социальных прав и гарантий. Для ответа на эти вопросы представляется необходимым обратиться к сущности социального государства.

С исторической точки зрения социальное государство – это феномен отчасти XIX и, в большей степени, XX столетий. Концепция социального государства возникла, с одной стороны, как результат развития буржуазных отношений, повышения производительности труда, позволивших создавать избыточный продукт, который мог быть направлен на социальное обеспечение нуждающихся слоев населения, а с другой – как ответ на мировое революционное и стачечное движение, а также появление целого ряда социалистических государств (которые, кстати, далеко не все и не всегда были социальными).

В этом разрезе классическое определение социального государства выглядит следующим образом: конституционным социальным государством является вид буржуазного, демократического, правового государства, которое выражает интересы широких слоев общества и по воле этого общества оказывает помощь отдельным гражданам, не способным по объективным причинам обеспечить свое благосостояние [1, с. 3]. В рамках такого подхода социальная сущность государства сводилась исключительно к поддержке социально незащищенных слоев населения.

Вместе с тем понимание государства как социального не оставалось неизменным с момента его зарождения. Развитие современной концепции прав человека привело к постепенному включению в число социальных прав, помимо права на социальное обеспечение (социальную поддержку), прав на получение бесплатного образования, медицинских услуг, гарантированную (в той или иной степени) возможность свободно трудиться и отдыхать и т. п. При этом процессы социализации продолжаются в большинстве стран мира и в настоящее время. По мнению И. А. Алебастровой, данный процесс непоследователен, причем не только в России, но и в других странах, носит волнообразный характер, на него оказывают влияние различные субъективные и объективные факторы [2, с. 3], но он идет и по крайней мере в обозримом будущем необратим.

Как результат, в современных условиях понятие социального государства трактуется уже, как правило, намного шире. Так, вышеупомянутая ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации не просто указывает на социальный характер российского государства, но и подчеркивает, что его политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Таким образом, данная политика выступает целью существования социального государства [3, с. 98]. Соответственно, «социальным является государство, которое берет на себя обязанность заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, их социальной защищенности» [4, с. 34]. Вполне очевидно, что в рамках подобной трактовки функции социального государства не сводятся к предоставлению только мер социальной поддержки, а включают в себя реализацию гораздо более широкого спектра социальных услуг – в области образования, здравоохранения, культуры и т. д. Социальная поддержка (социальная защита) выступает лишь одной из составляющих социального государства, что, собственно говоря, непосредственно вытекает из ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации, согласно которой в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей; устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда; обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб; устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Однако даже определившись таким образом с сущностью социального государства, мы все еще не можем в полной мере выявить его пределы. Каковы должны быть объемы, предоставляемой социальным государством социальной поддержки? Должна ли она предоставляться только нуждающимся либо всем гражданам страны в гарантированных минимальных пределах (так называемый «безусловный базовый доход»)? Должны ли услуги в области здравоохранения предоставляться всем в полном объеме на бесплатной основе, либо должен существовать какой-то их максимальный предел? Какой уровень образования – начальный, общий, высший и т. д. – должен гарантироваться всем гражданам страны без исключения? Ответы на подобные вопросы могут очень существенно менять границы социального государства.

Здесь необходимо отметить, что как политиками, так и специалистами в области юриспруденции зачастую высказываются противоположные позиции по поводу пределов социального государства. При этом в данном аспекте можно выделить две основные позиции. Первая заключается в том, что социальное государство не должно быть чрезмерно велико и всеобъемлюще, следовательно, границы его в современной России необходимо

сужать. Вторая – в том, что объем социальных услуг (в широком смысле этого слова), предоставляемых гражданам Российской Федерации, напротив, в настоящее время слишком мал и требуется его существенное расширение. При этом представители обеих позиций, как правило, ссылаются на опыт различных зарубежных государств.

Что касается первой позиции, то, например, И. А. Алебастрова указывает, что «бедная жизнь на пособия весьма достойного размера неизбежно становится привлекательной для все большего количества людей, в том числе вполне трудоспособных. Государство же, с одной стороны, вынуждено ориентироваться на реципиентов пособий как на значительный слой избирателей, давая им все больше и больше обещаний, а с другой – социальная перераспределительная деятельность становится привлекательной и для государственного механизма, так как усиливает его роль в обществе, выступая поводом и к его количественному разрастанию и к укреплению его полномочий» [2, с. 4].

Показательно в связи с этим, что схожие доводы высказывались и различными политиками и иными специалистами в Швейцарии, где в 2016 году был поставлен вопрос о закреплении за всеми ее гражданами безусловного базового (основного) дохода, однако по результатам референдума он был отвергнут [5].

Более того, при чрезмерном увлечении социальной функцией государство может перерасти из социального в так называемое патерналистское – вид административного (бюрократического) государства, в котором господствующий класс управленцев отнимает у общества часть производимого им продукта и распределяет его по своей воле между населением, обеспечивая себе экономическое, политическое и духовное господство над обществом [6, с. 147–164]. Патерналистское государство вполне может обеспечивать достаточно высокий уровень социальных гарантий своим гражданам (хотя и не обязательно будет это делать), но платой становится, как правило, ограничение личных и особенно политических прав и свобод, запрет на свободное предпринимательство и т. п.

Патерналистскими по своей сути являлись социалистические государства Варшавского блока и, прежде всего, Советский Союз. В настоящее время явно патерналистский характер имеет Китайская народная республика, отличающаяся высоким уровнем контроля за своими гражданами, однако при этом далеко не совершенной (и, самое главное, не всеобъемлющей) системой социального обеспечения. Напротив, такие государства, как Швеция, Норвегия, Финляндия и другие, отличаются высочайшими стандартами социального обеспечения без чрезмерной опеки своих граждан. Все вышеуказанное свидетельствует, что государства патерналистического (социалистического) типа никак не могут рассматриваться в качестве некоего «утраченного идеала» социального государства, как это имеет место в представлении некоторой части российских граждан.

С приведенными выше доводами нельзя не согласиться. Однако, с нашей точки зрения, не менее опасным выглядит и противоположный подход – отказ от безусловного признания государством социальных прав. Такой позиции придерживаются прежде всего сторонники так называемых либеральных теорий. Касс Р. Санстейн отмечает, что «если позитивные права начинают рассматриваться гражданами как неотъемлемые права, даруемые им государством, это может оказать негативное влияние на личную инициативу и предприимчивость» [7, с. 21]. В. А. Четвернин называет социальные права «юридически бессмысленными декларациями о правах человека и гражданина» и «условными социальными правами», которые не образуют безусловных притязаний индивидов на социальные блага. По его мнению, условные социальные права и «права» на предоставление привилегий произвольно устанавливаются в зависимости от благосостояния общества и политики конкретного правительства [8, с. 233].

Вышеприведенную позицию разделяют и другие отечественные специалисты. Более того, некоторые представители отечественной правовой науки допускают отказ от гарантирования каких-либо, даже минимальных, выплат и иных социальных благ со стороны российского государства, если этого не позволяет финансовое состояние страны.

К примеру, К. В. Арановский, С. Д. Князев и Е. Б. Хохлов полагают, что в настоящее время «Россия не в том положении, чтобы обнадёживаться затратными социальными правами» [9, с. 90]. При этом в качестве доводов в пользу данной позиции они отмечают наличие серьезных финансовых проблем в стране и, в частности, значительный дефицит Пенсионного фонда Российской Федерации, требующий, по их мнению, не просто повышения пенсионного возраста (статья была опубликована в 2012 году), а полного перекармливания пенсионного бремени на самих граждан [9, с. 84].

Такая позиция уважаемых специалистов видится нам отнюдь не бесспорной. Сама по себе привязка объема социальных прав к финансовым возможностям государства видится нам весьма и весьма опасной. Как в таком случае мы сможем определить, имеются ли у государства «необходимые» для обеспечения определенного объема социальных прав финансовые ресурсы или нет? Особенность российской финансовой системы, как известно, заключается в том, что максимальный объем всех доходов государства сосредотачивается в федеральном бюджете и затем перераспределяется между бюджетами нижестоящих уровней [10, с. 239–240]. Таким образом, вся полнота финансовой власти сосредоточена в настоящее время на федеральном уровне, при этом федеральный центр с начала нулевых годов демонстрирует стремление перекармливать наиболее финансовоемкие обязательства (прежде всего социального характера) на субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, не всегда обеспечивая их достаточными ресурсами [11, с. 25–26]. В таких условиях федеральному центру несложно создать, к примеру, искусственный дефицит финансовых средств, выделяемых на образование (просто не выделяя в достаточном объеме их в виде межбюджетных трансфертов), и на этой основе уменьшить предоставление соответствующих социальных услуг. Соответственно, закрепление в рамках законодательства и проводимой государственной политики подхода, согласно которому объем предоставляемых гражданам социальных прав определяется объемом «свободных» финансовых ресурсов, способно в итоге не просто выхолостить идею социального государства, но вообще свести её к нулю.

Между тем в упомянутой выше работе К. В. Арановский, С. Д. Князев и Е. Б. Хохлов прямо утверждают, что происхождение, состав и объем социальных прав «не просто допускают их сокращение вплоть до "ничего", но и понуждают себя сократить, когда исполнение их невозможно или нецелесообразно, когда это будет решено в правомерной законодательной, бюджетной, договорной или в административной процедуре» [9, с. 87]. Остается непонятным, как указанные авторы представляют себе реализацию подобной меры в Российской Федерации в соотношении с социальным характером российского государства? Возможно, они полагают, что для решения проблемы достаточно будет лишь указать в законе о бюджете на соответствующий год, что «в связи с отсутствием необходимых финансовых ресурсов действие ст. 7 Конституции Российской Федерации на год приостанавливается»? Конечно, вышеупомянутая конструкция является не более, чем доведением ситуации до абсурда. Однако нельзя не отметить, что она тем не менее напрямую вытекает из приведенных выше рассуждений.

Нет сомнений, что в современном мире экономическое положение страны действительно может существенно меняться под воздействием различных экономических факторов. Тем более это относится к России, которая является шестой экономикой мира по паритету покупательной способности и объективно вовлечена практически во все мировые экономические процессы. С другой стороны, она уже не один год находится под незаконно введенными экономическими санкциями, что также оказывает на нее негативное влияние.

В то же время нельзя забывать, что помимо данных объективных факторов экономический рост напрямую зависит и от принимаемых руководством страны решений, которые могут быть не до конца продуманными, а то и вовсе ошибочными. К примеру, на момент подготовки данной статьи появилась информация о приближающейся уже в 2019 году в экономике Российской Федерации технической рецессии [12]. Новостью в данном случае явля-

ется лишь приближение ее срока, в то время как сам факт рецессии был очевиден для специалистов еще в 2018 году. Причины вполне очевидны: «Малый и средний бизнес в России сокращается – снижается и количество работников, и число предприятий» [12]. Данная проблема – стремительное уменьшение числа мелких и средних предпринимателей (по крайней мере, работающих легально) – была предопределена принятым в 2018 году Правительством Российской Федерации решением о повышении НДС с 18 до 20 %, что повлекло за собой падение рентабельности бизнеса [13]. Вполне логично, что в результате резкого сокращения количества предпринимателей-налогоплательщиков Федеральная налоговая служба зафиксировала в 2019 году после кратковременного (в начале года) повышения объема сбора НДС, ближе к середине года – его падение [14].

Что должна делать государственная власть при принятии решений о распределении финансовых средств по расходным статьям бюджета в 2020 году, если указанная тенденция продолжится, а пессимистические прогнозы (техническая рецессия) сбудутся? По мысли К. В. Арановского, С. Д. Князева и Е. Б. Хохлова, нужно, по-видимому, сократить объем расходов на «социальные» статьи бюджета, ведь социальные права, по их мнению, вообще и не права, а некие «гарантии», следовательно, их можно уменьшать, когда это вызвано «объективными» – уменьшение государственных доходов – причинами. Однако не правильнее было бы в таком случае вместо очередного урезания пределов социального государства в России ставить вопрос об ответственности власти за решения, вызывающие спад в экономике и невозможность реализации социальных прав граждан? Вопрос этот, впрочем, риторический.

С учетом указанных обстоятельств, с нашей точки зрения, не финансовые возможности государства должны определять его параметры как социального, а ровно наоборот. Совершенно верно В. В. Невинский и Н. Я. Гринчинко указывают на необходимость постановки вопроса на современном этапе в Российской Федерации *о финансово-правовых основах реализации конституционных норм* [15, с. 17]. Конституционные нормы, устанавливающие социальные права, *должны обеспечиваться* соответствующими финансовыми ресурсами, в противном случае, при формальном их сохранении в правовом поле, они превращаются в декларативные.

Конкретные объемы их наполнения, безусловно, могут различаться, однако они не должны быть менее определенных установленных минимальных параметров. При этом сами эти параметры должны базироваться на рекомендациях международных организаций и быть сопоставимы с ведущими по уровню социального развития государствами мира*.

А вот в чем мы не можем не согласиться с К. В. Арановским, С. Д. Князевым и Е. Б. Хохловым, так это в том, что «российская Конституция (не в пример некоторым) не предрешает ни точного их (*социальных прав – прим. авт.*) содержания, ни объема» [6]. Противоположен лишь наш вывод из этого тезиса: если указанные авторы полагают, что он позволяет российскому государству сколь угодно уменьшать объем социальных прав, то, по нашему мнению, он свидетельствует о необходимости изменений и конкретизации соответствующих норм российской конституции в перспективе.

Литература

1. Денисов С. А. Социальное или патерналистское государство // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 3–9.
2. Алебастрова И. А. Социальное государство: белые одежды голого короля или платье для Золушки? // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 20. С. 2–12.

* Сопоставимость в данном случае не означает точного соответствия. К примеру, расходы на образование в бюджете Российской Федерации на 2019 год составляют 4,1 %, что значительно меньше, чем в развитых государствах мира. При закреплении в российском законодательстве нормы, что расходы на образование не могут составлять, к примеру, менее 10 %, их реальный объем мог бы увеличиваться и уменьшаться в зависимости от экономической ситуации в стране, но не был бы ниже указанного предела.

3. Авдеенкова М. П., Головистикова А. Н., Грудцына Л. Ю. и др. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев, науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М. : Статут, 2013. 688 с.
4. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. 272 с.
5. Почему Швейцария отказалась от безусловного основного дохода. URL: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/217915-switzerland-vs-bod> (дата обращения: 03.08.2019).
6. Денисов С. А. Общая теория административного государства : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2010. С. 147–164.
7. Санстейн К. Р. Против позитивных прав // Российский бюллетень по правам человека. 1995. Вып. 6. С.19–22.
8. Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / отв. ред. В. А. Четвернин. М., 1997. 702 с.
9. Арановский К. В., Князев С. Д., Хохлов Е. Б. О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 61–91.
10. Пешкова Х. В. Теоретико-правовые основы бюджетного устройства государства. Монография. М. : Инфра-М, 2018. 315 с.
11. Липатов Э. Г., Чаннов С. Е. Конституционно-правовое регулирование разграничения полномочий в РФ как способ реализации распределительной политики // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 7. С. 22–27.
12. Поздеев А. «Взрыв» в экономике, обещанный России, произойдет уже в этом году. URL: <https://yandex.ru/> (дата обращения: 03.08.2019).
13. Что ждет малый бизнес после повышения НДС. URL: <https://www.dp.ru/> (дата обращения: 03.08.2019).
14. Федеральная налоговая служба. Официальный сайт. URL: <https://www.nalog.ru/rn77/> (дата обращения: 03.08.2019).
15. Невинский В. В., Гринчинко Н. Я. К вопросу о «двойных» стандартах финансово-правового регулирования реализации конституционных норм в социальной сфере // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 15–18.

УДК 347.9

*Нагиев Р. С.
Nagiev R. S.*

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК ОСОБАЯ ФОРМА (ВИД) ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ENFORCEMENT PROCEEDINGS AS SPECIAL TYPE OF CRIMINAL PROCEDURE

В статье исследован категориальный аппарат развивающегося правового института исполнительного производства. Цель работы – проведение системного анализа научных идей и взглядов на проблему совершенствования института исполнительного производства, установление взаимосвязей категориального аппарата и определение места специфической деятельности исполнительного производства в правоприменительной деятельности.

The article considers the categorical framework of the developing law institution of the enforcement proceedings. The aim of the study is a systematic analysis of scientific ideas and views of a problem of institution improvement of enforcement proceedings. The research task is the interconnection of the categorical framework and position determining of enforcement proceedings in the law-enforcement activity.

Ключевые слова: процессуальная деятельность, административное производство, исполнительное производство, форма и вид процессуальной и административно-процессуальной деятельности.

Keywords: criminal procedure, administrative procedure, enforcement proceedings, forms and types of criminal and administrative procedure.

В истории развития государственности исполнительная власть в России претерпевала постоянные изменения. Менялись цели, задачи, функции и формы осуществления деятельности ее органов. На всех этапах становления российской правовой системы была актуальной проблема совершенствования государственного управления, эффективности деятельности его органов, в том числе органов исполнительной власти. С формированием в 90-е годы новой российской государственности и основных институтов права получил свое обоснование и институт исполнительного производства, а в системе государственной службы была создана структура (подсистема) судебных приставов, подразделяющихся на судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов и судебных приставов-исполнителей.

Несмотря на подробную и всесторонне разработанную теоретическую основу представляемого института, ученые обращают внимание на то, что до сих пор нет целостной доктрины, способной дать широкое представление о вопросах места исполнительного производства в системе права, а также места специфической профессиональной деятельности судебных приставов в системе юридической деятельности. К числу последних наиболее полноформатных работ по рассматриваемой проблеме можно отнести диссертационные исследования И. Б. Гобеева и П. В. Уварова, посвященные проблемам исполнительного производства как разновидности административного процесса и рассмотрению механизмов его правового регулирования [1–2].

В юридической науке и в учебном процессе в последние годы предпринимаются активные попытки объединить институт исполнительного производства и служебную деятельность судебных приставов, урегулированные соответствующим законодательством, в новую межотраслевую юридическую дисциплину, дав ей название «Исполнительное право». В свя-

зи с этим издаются учебники и учебные пособия как по общему исполнительному праву, так и отдельно по уголовно-исполнительному и гражданско-исполнительному праву для обеспечения учебных курсов юридической подготовки бакалавров и магистров. В своей основе данные курсы читаются как специальные процессуальные дисциплины. Однако следует отметить, что Е. Г. Лукьянова выражает свое несогласие с выделением отдельных частей из действующих процессуальных кодексов и использованием их в качестве отраслей права, поскольку их отношения, регулируемые правом, не всегда относятся к тем отраслям, которые выделяются как самостоятельные. При этом автор вполне позитивно относится к выделению отрасли «Исполнительное право». Эта отрасль процессуального права имеет собственный специфический предмет, метод регулирования, обладает самостоятельностью и представляет собой логически построенную систему [3].

Выделению новой общей отрасли права, обеспечивающей все виды судопроизводства, выделенных в ст. 118 Конституции РФ, исполнению принятых государственными органами актов способствовало и учреждение органами юстиции академического журнала «Исполнительное право».

Поддерживая в целом концепцию общей отрасли «Исполнительное право», считаем недостаточным отражение в ней административно-правовой составляющей – специфической административной деятельности, которую осуществляют судебные приставы-исполнители, а также ее административно-процессуальной стороны [4]. На наш взгляд, осуществление судебными приставами-исполнителями отдельных форм и методов административной (исполнительно-распорядительной) деятельности должно найти в этой отрасли свое место. В этой связи важно разобраться в особенностях существа публичной административно-правовой деятельности, с одной стороны, осуществляемой органом исполнительной власти – службой судебных приставов, с другой – характеризующейся использованием этой службой такой специфической формы деятельности, которая именуется исполнительным производством. Потребуется изучение целей, задач, функций и принципов форм деятельности, в соответствии с которыми она осуществляется. Исследование в данном направлении считаем необходимым начинать с выяснения места исполнительного производства, используя системно-деятельностный подход. В целях проводимого исследования необходимо также вначале разобраться с понятийным аппаратом.

С учетом выработанного юридической наукой общего определения исполнительного производства как совокупности процессуальных и фактических действий специализированного государственного органа, направленных на принудительное исполнение актов-решений судебных и иных органов, необходимо рассмотреть категории, имеющие отношение не только к процессуальной стороне рассматриваемой деятельности, но и к материальной – фактической. В связи с этим для установления места административной деятельности службы судебных приставов большое значение может иметь такое понятие, как «правоприменительная деятельность» и ее основные формы: оперативно-исполнительная, правоохранительная.

Среди категорий, имеющих значение для понимания сущности административно-процессуального исполнения судебных решений (актов), важными являются такие, как «процесс» и «производство», «административный процесс» и «административное производство», «правоприменительный (правоисполнительный) процесс» и «исполнительное производство». Для правопонимания названных категорий важно рассмотреть их соотношение. В этой связи следует отметить, что в теории права вообще и в теории административного права в частности давно сложился устойчивый взгляд на понимание и практическое использование понятия «производство» как на некую часть в структуре более широкого юридического понятия «процесс». Другими словами, юридический процесс и его разновидности (гражданский, арбитражный, уголовный, управленческий, административный и др.) по своему содержанию и структуре давно принято рассматривать через совокупность «производств» как некие процессуальные институты [5–10].

Следует отметить, что тенденция соотносить понятия «процесс» и «производство» как общее и частное не потеряла своей устойчивости в современных научных исследованиях при изучении проблем содержания и структуры административного процесса, а также при формировании самостоятельной отрасли административного процессуального права [11–13].

Данная тенденция позволяет сконцентрировать внимание на такой части административного (управленческого) процесса, как административное производство, рассмотреть его видовые характеристики. Опираясь на точки зрения современной административно-правовой науки, административное производство, на наш взгляд, можно рассматривать как замкнутый цикл взаимосвязанных однородных правовых действий административно-процедурного характера и принятий обоснованных правом решений уполномоченными субъектами публичной администрации и ее должностными лицами с целью разрешения (выполнения) конкретных административных дел. Административное дело в современной административно-процессуальной науке в общих чертах понимают как возникшую «юридико-фактическую ситуацию», требующую правового разрешения в публичных интересах с применением административно-правовых мер субъектами публичной администрации, уполномоченными на их использование. Под термином «мера» в административно-правовой науке и административном нормотворчестве, как правило, понимают административно-правовые формы воздействия [12].

Подчеркивая административно-процедурный характер правовых действий, мы склоняемся к точке зрения, что административная процедура является структурным элементом более общего понятия «административный процесс». Как отмечает большинство ученых-исследователей, производство коротко можно определить как совокупность и систематизированную последовательность процедур [5–6, 13].

В административном процессе, в рамках общей его разновидности административного производства, самостоятельной частью и достаточно обособленным административным процессуально-правовым институтом является исполнительное производство, осуществляемое особыми субъектами, наделенными административно-правовым статусом, – судебными приставами-исполнителями.

Мнение о том, что «в правоприменительном процессе определяющая, решающая роль принадлежит специально уполномоченным органам и должностным лицам», поддерживается и в формирующейся доктрине современной отрасли административно-процессуального права [12].

Здесь вполне уместно, на наш взгляд, отметить, что разновидностями данного процесса являются оперативно- или правоисполнительный и правоохранительный процессы. Отсюда становится определенным и место исполнительного производства как составной части административного процесса и формы оперативно-исполнительной процессуальной деятельности.

Учитывая особенности производства по исполнению правоприменительных решений, в теории права уже предлагалось такого рода правоисполнительную деятельность «рассматривать как особую разновидность правоприменительного процесса» [7].

В этой связи любопытным представляется предложение Н. Н. Бакуровой о широком понимании концепции административной юрисдикции, когда исполнительное производство возможно рассматривать не только в качестве заключительной стадии и части административного процесса, но и как самостоятельный вид административного юрисдикционного производства, наряду с иными производствами государственного принудительного характера исполнения актов правосудия [11].

В содержание правоприменительной деятельности, наряду с правонаделительной и административно-юрисдикционной деятельностью, отдельные ученые включают и исполнительное производство. Возможность такого включения объясняется, во-первых, тем, что для этого сегодня существуют соответствующие правовые основания в виде Федеральных законов от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» и от 21.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [14–15], и во-вторых, тем, что исполнительное производство «протекает вне рамок судебного процесса» [16].

Определяя исполнительное производство составной частью правоприменительной деятельности, ученые склоняются в правоприменительном процессе к выделению также его самостоятельной процессуальной разновидности – исполнительного процесса, который характеризуется не только производством организационно-технических действий, но и собственным правоприменением, требующим соответствующего документального оформления (закрепления) [16].

Характеризуя особенности такой разновидности юридического процесса, как административное исполнительное производство, В. Д. Сорокин выделяет два основных его направления. К первому автор относит осуществление специфической административной (исполнительно-распорядительной) деятельности, реализацию особых задач исполнительного производства, среди которых обеспечение принудительного исполнения судебных решений и актов иных органов государственной власти. Особенности другого направления данного вида административного производства состоят в составе и правовом статусе самих участников административного исполнительного производства, главными среди которых, безусловно, в соответствии с действующим законодательством являются судебные приставы-исполнители [10].

Подводя некоторые итоги проведенного исследования проблемы соотношения категориального аппарата, используемого при осуществлении исполнительного производства, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, формирующееся исполнительное право, регулирующее рассматриваемую государственную функцию, требует комплексного межотраслевого подхода к изучению предмета и методов правового регулирования. Для этого юридической наукой должны быть предложены объективные критерии выделения исполнительного производства в самостоятельную отрасль права [2].

Во-вторых, развитие и совершенствование института исполнительного производства не могут осуществляться без учета рассмотрения ее административно-правовой составляющей, опираясь только на гражданско-правовой опыт. В свою очередь административно-правовая составляющая должна опираться на стройную теоретическую и правовую основу, требующую не только выработки общей доктрины, но и принятия давно обсуждаемых общих законов об административной деятельности и административных процедурах.

В-третьих, анализ действующего законодательства института исполнительного права и нового законопроекта о судебных приставах обращает внимание на то, что специфическая профессиональная деятельность судебных приставов (по своей сути правоприменительная) может осуществляться лицами, не имеющими юридического образования. В соответствии с действующим законодательством и по новому законопроекту судебные приставы-исполнители, осуществляя, по сути, правоохранительные функции, почему-то относятся не к правоохранительной службе, а к гражданским служащим. При этом в обсуждаемом законопроекте о судебных приставах, разработанном Министерством юстиции, предлагается в закон о системе государственной службы внести ее новый вид – федеральную службу судебных приставов. На наш взгляд, это происходит потому, что не справившись с общими вопросами, в данном случае – законодательного регулирования правоохранительной службы, мы по-прежнему «натываемся» на их частности.

Литература

1. Гобеев И. Б. Исполнительное производство в механизме правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Гобеев. М., 2012. 153 с.
2. Уваров П. В. Исполнительное производство как разновидность юридического процесса : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Тамбов, 2009. 172 с.
3. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М. : Изд-во Норма, 2003. С. 129–131.
4. Бакурова Н. Н. Сущность исполнительного производства // Административный процесс Российской Федерации / Андрюхина Э. П., Бакурова Н. Н., Галкина М. В. [и др.] : учеб. / отв. ред. Л. Л. Попов. М. : Проспект, 2018. С. 352 с.

5. Глазунова Н. И. Государственное (административное) управление : учеб. М. : ТК Велби, Проспект, 2004. С. 337–353.
6. Кивич Ю. В. Структура административного процесса // Административно-процессуальное право : курс лекций / под ред. проф. И. Ш. Килясханова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 23–28.
7. Леушин В. И. Юридический процесс // Теория государства и права : учеб. / отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1996. С. 393–398.
8. Панова И. В. Административно-процессуальная деятельность в Российской Федерации. Саратов, 2001. 452 с.
9. Салищева Н. Г. К вопросу об административном процессе в СССР // Вопр. административ. права на современ. этапе. М., 1963. С. 136.
10. Сорокин В. Д. Структура административного процесса. Виды производств // Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень) / В. Д. Сорокин. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 271–280, 411.
11. Бакурова Н. Н. Административный процесс: содержание и новые подходы к структуре // Административ. право и процесс. 2015. № 4. С. 51–55.
12. Зеленцов А. Б. Административно-процессуальное право России : учебник для бакалавриата и магистратуры / А. Б. Зеленцов, П. И. Кононов, А. И. Стахов. М. : Юрайт, 2016. С. 39–40.
13. Нехайчик В. К. Административный процесс: структура и проблемы законодательного оформления // Актуальные проблемы административного права и процесса: теория и практика законодательного регулирования : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию проф. В. Е. Севрюгина, 17 апреля 2015 г. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т ; Тюмен. обл. Дума, 2015. С. 77–83.
14. О судебных приставах : федер. закон от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ : принят Государственной думой 04.06.1997 г. : одобрен Советом Федерации 03.07.1997 г. // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3591.
15. Об исполнительном производстве : федер. закон от 21.10.2007 г. № 229-ФЗ : принят Государственной думой 14.09.2007 г. : одобрен Советом Федерации 19.09.2007 г. // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
16. Труфанов М. Е. Правоприменительная деятельность органов исполнительной власти и ее виды // Административное право России. Общая часть : учеб. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. А. Старостина. М. : ИНФРА-М, 2010. С. 211.

*Шиндина А. В.
Shindina A. V.*

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TO SOME ISSUES OF IMPROVING THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассмотрены вопросы усиления статуса Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также взаимодействия органов исполнительной и законодательной ветвей власти. Представлены суждения автора по ряду актуальных вопросов о совершенствовании полномочий нижней палаты Парламента. В частности, проанализировано взаимодействие Правительства Российской Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

The article discusses the issues of strengthening the status of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, as well as the interaction of the executive and legislative branches of government. Representations of the author on several topical issues in improving the powers of the lower house of Parliament are presented. In particular, the interaction of the Government of the Russian Federation and the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation was analyzed.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, органы государственной власти, система разделения властей, государственное устройство.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, government bodies, system of separation of powers, state structure.

Конституция Российской Федерации – это основной закон нашего государства, обладающий учредительной функцией и закрепляющий основы территориального устройства государства, функционирования органов государственной власти и правового статуса личности. Главный закон нашей страны был принят в непростой исторический период и явился правовой скрепляющей базой для строительства нового государства [1, с. 139; 2, с. 131]. Позитивную «изменяемость» Конституции подчеркивают российские конституционалисты: данный подход полностью соответствует распространенной в мировой конституционной практике доктрине «живой Конституции» [3]. Конституция – не только основной закон страны, но и живой механизм, который требует изменений при происходящем развитии общества или же при необходимости дополнений государственного регулятивного механизма. «Для России каждая буква в этом документе имеет огромное значение. За каждой нормой – миллионы человеческих судеб, которые защищает, поддерживает или обязывает Конституция Российской Федерации», – отметил Председатель Правительства Российской Федерации Дмитрий Медведев во вступительном слове для юбилейного издания Конституции Российской Федерации [4].

Действующая Конституция уже более 25 лет является гарантом прав и свобод человека и гражданина, но необходимость преобразований Основного Закона назрела уже давно. Об этом также говорил председатель Конституционного Суда Российской Федерации Валерий Зорькин, который в своей статье «Буква и дух Конституции» [5] затронул вопрос недостаточного баланса ветвей власти, наличия сбоев в работе системы сдержек и противовесов, отметил крен в пользу исполнительной власти. Идентичную проблематику в формировании современного государственного аппарата поднимает и спикер Государственной Думы Феде-

рального Собрания Российской Федерации Вячеслав Володин, отмечая, что менять положения Конституции нужно ни в коем случае не замахиваясь на ее основополагающие положения. По его мнению, пришла пора «оценить потенциал» для улучшения Конституции – повысить эффективность работы ее принципов и норм [6].

Предлагаем обратить особое внимание на возможность совершенствования Конституции Российской Федерации в части достижения необходимого баланса в деятельности законодательной и исполнительной ветвей власти. Отметим, что мы не ставим задачу «уравнять» в полномочиях ветви власти, поскольку цель создания системы разделения властей, системы сдержек и противовесов – построение качественного взаимодействия и согласованность работы государственного механизма, качественного демократического правления.

Руководствуясь положениями ст. 10 Конституции, а именно заложенным принципом разделения властей, мы подчеркиваем их самостоятельность. Для полного понимания совершенствования взаимодействия рассматриваемых ветвей власти отметим, что определенные действия ранее были предприняты. Самым ярким примером является введение в 2008 году обязательного отчета Правительства перед депутатами о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой.

Анализируя полномочия исполнительной и законодательной ветвей власти в первую очередь следует подчеркнуть их самостоятельность, наличие исключительных полномочий. Указанные полномочия не соотносятся, так как не являются частью друг друга, трансформируются в определенную систему сдержек и противовесов.

Говоря о совершенствовании взаимодействия ветвей власти, целесообразно дополнительно детализировать отдельные полномочия нижней палаты парламента. Данное предложение подтверждает анализ ч. 1 ст. 111 Конституции Российской Федерации: «Председатель Правительства Российской Федерации назначается Президентом Российской Федерации с согласия Государственной Думы». Но работает ли данная норма в полной мере? «Положение части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации о трехкратном отклонении представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации Государственной Думой во взаимосвязи с другими положениями означает, что Президент Российской Федерации при внесении в Государственную Думу предложений о кандидатурах на должность Председателя Правительства Российской Федерации вправе представлять одного и того же кандидата дважды или трижды либо представлять каждый раз нового кандидата» – указанное положение нашло свое отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» [7]. Можно поразмыслить над использованием в норме права одновременно единственного и множественного числа слова «кандидат», что позволяет говорить о том, что первоначально законодатель предполагал необходимость представления новой кандидатуры на пост Председателя Правительства при повторном представлении кандидатуры на вакантный пост. Понимаем, что указанное Постановление Конституционного Суда принято в сложный этап развития России – 1998 год ознаменовал не только экономический, но и политический кризис. В настоящее время возникает вопрос: есть ли у Государственной Думы реальные властные рычаги для отклонения кандидатуры на пост главы исполнительной власти?

Вторым аспектом, подтверждающим некую «ограниченность» Государственной Думы, является тот факт, что в настоящее время одновременно и главой Правительства, и председателем Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ», которая составляет парламентское большинство в Государственной Думе, является Д. А. Медведев. Безусловно, можно говорить о том, что Председатель Правительства в данном положении имеет возможность контролировать как исполнительную, так и законодательную ветви власти. Указанное, на наш взгляд, еще раз подчеркивает необходимость расширения полномочий парламента.

Одним из направлений реформирования основного Закона страны является предложение о привлечении нижней палаты парламента при назначении федеральных министров, а именно: необходимо закрепить право депутатов участвовать в консультациях и вносить

президенту свои предложения по составу правительства. Беря приведенный выше пример о «предусмотренной безальтернативности» при назначении кандидатуры на пост Председателя Правительства РФ, считаем объективным не просто указать это право как консультативное, а придать ему императивный смысл.

Также следует предусмотреть возможность участия депутатов Государственной Думы от субъектов Российской Федерации в процедуре назначения кандидатуры на пост главы данного субъекта Российской Федерации Президентом. Формами участия могут быть предложения кандидатуры, предоставление особого мнения о кандидатах. В данном нововведении мы хотим подчеркнуть неразрывную связь депутатского корпуса с субъектом, который он представляет в нижней палате парламента. Кроме того, посредством участия депутатов Государственной Думы в назначении главы субъекта будет соблюдено не только «горизонтальное», но и «вертикальное» взаимодействие органов исполнительной и законодательной власти*.

Уверены, что ни у кого не возникнет сомнения в том, что предложенные инициативы не позволят президенту занять место в системе сдержек и противовесов, аналогично английской королеве (*здесь мы имеем ввиду отсутствие должных властных рычагов у представителя монаршей династии Соединенного Королевства*), так как на деле в современной России президент сохраняет атрибуты высшей власти. Считаем, что предложенное позволит сформировать властную конструкцию, которая будет наибольшим образом соответствовать демократическому развитию Российской Федерации.

Солидарны с позицией В. В. Володина в том, что не стоит проводить фундаментальные изменения Конституции. Сейчас нам стоит говорить об актуализации статуса Государственной Думы, увеличении полномочий парламента в части парламентского контроля правоприменения исключительно в целях устранения недостатков действующей Конституции, которые во многом исходят из существующего дисбаланса ветвей власти.

Литература

1. Эбзеев Б. С. Конституционное право России. М. : Проспект, 2019. 768 с.
2. Российский федерализм: конституционные принципы построения, механизм обеспечения единства государства, ответственность субъектов Федерации : коллективная моногр. / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов : ПАГС имени П. А. Столыпина, 2004. 148 с.
3. Липчанская М. А. Конституция Российской Федерации – основа стабильности государства и общества // Вестн. ПАГС. № 6. 2004. С. 128–133.
4. Конституция Российской Федерации: К 25-летию принятия Основного Закона: Текст. Комментарий. Алфавитно-предметный указатель. М. : Статут, 2018. 240 с.
5. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Рос. газ. 10 октября 2018. № 226 (7689).
6. Володин В. В. Живая Конституция развития // Парламентская газ. URL: <https://www.pnp.ru/politics/zhivaya-konstituciya-razvitiya.htm>. (дата обращения: 19.07.2019).
7. По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П // Собр. законодательства Рос. Федерации № 52 от 28.12.1998 г., ст. 6447.
8. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации № 42 от 18 октября 1999 года, ст. 5005.

* Отметим, что участие депутатов представительных органов муниципальных образований при назначении кандидата на пост главы субъекта предусмотрено Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [8]. А именно: «В числе лиц, поддержавших кандидата, должны быть от 5 до 10 процентов депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных районов и городских округов субъекта Российской Федерации».

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.57+343.976

Власова Е. А., Кабанов П. А.
Vlasova E. A., Kabanov P. A.

«СМЕСИ», СОДЕРЖАЩИЕ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

“MIXTURES” CONTAINING NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOACTIVE SUBSTANCES: PROBLEMS OF CRIMINAL QUALIFICATION

В статье рассмотрены особенности определения размера «смесей», содержащих наркотические средства и психотропные вещества, их влияние на квалификацию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, возникающие при этом проблемы и пути их решения.

The article discusses the peculiarities of determining the size of “mixtures” containing narcotic drugs and psychoactive substances, their influence on the qualification of crimes in the sphere of illicit traffic in narcotic drugs and psychoactive substances, the problems that arise and ways to solve them.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, смеси, квалификация, преступление.

Keywords: narcotic drugs, psychoactive substances, mixtures, qualification, crime.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 года № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (далее – Перечень наркотических средств и психотропных веществ), кроме «контроля за наркотическими средствами и психотропными веществами ведется контроль за всеми смесями, содержащими психотропные и наркотические вещества первого списка, несмотря на их количество в смеси. Правило распространяется и на те препараты, в составе которых имеются психотропные вещества и наркотические средства, представленные в указанном Перечне, несмотря на количество и наличие нейтральных ингредиентов (тальк, сахарный песок, вода, натрия бикарбонат, крахмал и прочее)» [1].

Вопросы противодействия неправомерному обороту психотропных и наркотических средств регулируются конвенциями Организации Объединенных Наций, которые ратифицированы РФ: Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года, Конвенция о психотропных веществах (принята 21 февраля 1971 года), Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (принята 20 декабря 1988 года). В первой статье Единой конвенции 1961 г. предложено четкое определение термина «препарат», который трактуется как жидкая либо твердая смесь, содержащая любой наркотик. Пункт третий ст. 2 данной конвенции утверждает, что все препараты обязаны контролироваться тем же образом, что и наркотические вещества, присутствующие в них [2].

Третья статья Конвенции 1971 года предполагает применение к препарату всех необходимых мер по контролю, как и к тем психотропным веществам, которые есть в его составе. Когда в препарате содержится несколько веществ, он подпадает под действие мер, применяемых к тому из веществ, которое подлежит наиболее строгим мерам контроля [3].

8 января 1998 года был принят Федеральный Закон РФ № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – Федеральный закон № 3-ФЗ). Одной из целей документа является выполнение перечня международных обязательств Российской Федерации. Согласно Федеральному закону № 3-ФЗ, «препарат» – смесь веществ в различных физических состояниях, в которой есть одно/несколько психотропных веществ либо наркотических средств, присутствующих в Перечне наркотических, психотропных веществ и прекурсоров, попадающих под контроль Российской Федерации (ст. 1). По отношению к таким препаратам предпринимаются строгие меры по контролю, они абсолютно идентичны тем, которые установлены к психотропным веществам и наркотическим средствам, имеющимся в их составе (п. 4 ст. 2). Все психотропные вещества, наркотические средства заносятся в соответствующие списки, это зависит от тех мер контроля, которые применяются государством (п. 1 ст. 2). Перечень проходит утверждение Правительством Российской Федерации по представлению органа исполнительной власти по контролю за незаконным оборотом психотропных веществ, наркотических средств, а также федеральным органом исполнительной власти в области здравоохранения (п. 2 ст. 2) [4].

В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 от 15 июня 2006 года «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами», если наркотическое средство или психотропное вещество, включенное в список I (или кокаин, кокаина гидрохлорид), входит в состав смеси (препарата), содержащей одно наркотическое средство или психотропное вещество, его размер определяется весом всей смеси [5].

На протяжении последних лет сложность квалификации преступлений, касающихся оборота наркотических средств при выявлении размера «смесей», продолжает оставаться актуальной. В 2009–2010 гг. мы занимались детальным изучением уголовных дел Самарской области, а именно города Тольятти. Все они касались преступлений в сфере оборота психотропных веществ, наркотических средств. В процессе анализа мы столкнулись с несколькими подходами экспертов, которые по-разному устанавливали размеры дезоморфина – наркотического средства. Что касается экспертов-химиков, работающих в действующей на тот момент Федеральной службе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков Российской Федерации (далее – ФСКН РФ) по г. Тольятти, то они определяли его вес общей массой в жидком состоянии. Данный подход объяснялся тем, что дезоморфин является представителем списка I Перечня наркотических средств и психотропных веществ. Согласно данному перечню совершенно любая концентрация дезоморфина будет считаться смесью, и поэтому она учитывается в полном объеме при определении его размера. Что касается экспертов Министерства внутренних дел Российской Федерации, то прежде чем определить общий вес дезоморфина, они обязаны были довести его до постоянной массы, используя температуру 110–115 °С. Судебные инстанции поддерживали мнение специалистов Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В частности, особый интерес вызывало уголовное дело № 1-523/09 от 12 октября 2009 г., оно было расследовано следователем отдела ФСКН РФ по городу Тольятти. Эксперты ФСКН РФ определили массу дезоморфина в жидком состоянии. Суд назначил проведение повторной экспертизы, поэтому вес смеси был доведен до сухого остатка. Как следствие, все действия подсудимого перекалибровали с ч. 2 ст. 228.1 на ч. 1 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Позиция судебного органа была обоснована тем, что Постановление Правительства РФ № 681 от 30 июня 1998 года, устанавливающее контроль над наркотиками (дезоморфин – не исключение) в любом виде, даже при наличии нейтральных ингредиентов, не является руководящим в процессе определения общей массы наркотических средств для целей Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Представленный документ от 30 июня 1998 года устанавливает стандартный порядок оборота наркотиков на территории Российской Федерации. Что касается определения общей массы наркотических средств для целей УК РФ, то для этого было принято особое Постановление Правительства РФ № 76 от 7 февраля 2006 года (Постановлением Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002 признано

утратившим силу с 1 января 2013 г). Важно заметить, что судебная инстанция сослалась на показания эксперта Министерства внутренних дел Российской Федерации, который смог пояснить, что в чистом виде дезоморфин является кристаллами пластинчатой формы, по определению дезоморфин признан сухим веществом. На основании всех показаний, экспертных заключений суд вынес вердикт, что изначально изготовленный дезоморфин представляет собой сухое вещество, которое можно растворить в воде для более удобного применения. Если высушить всю жидкость, можно получить первоначальную смесь, состоящую из солей соляной кислоты, дезоморфина, красного фосфора и прочих примесей [6].

Добиться результата в отмеченных спорах удалось после принятия Постановления Правительства РФ от 01.10.2012 года № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». В соответствии с примечанием к списку I данного Постановления установлено, что вес любого раствора/жидкости, содержащих наркотик или психотропный препарат (представленный в списке I Перечня), определяется весом сухого остатка после полного высушивания жидкости при температуре от семидесяти до ста десяти градусов по Цельсию до постоянной массы.

Кроме того, в указанном Постановлении № 1002 от 01 октября 2012 года так же, как и в предыдущем Постановлении Правительства РФ № 76 от 07 февраля 2006 года (утратило силу с 1 января 2013 г), отражено, что для смеси, в состав которой входит хотя бы одно наркотическое средство или психотропное вещество, перечисленное в списке I, независимо от их содержания в смеси, крупный и особо крупные размеры определяются, исходя из установленных крупного и особо крупного размеров, применяемых для наркотического средства или психотропного вещества списка I, для которого установлены более строгие меры контроля [7, 8].

Простыми словами – если имеется жидкость в составе, ее необходимо выпарить и уже потом определить размер, если смесь в сухом состоянии, тогда размер просто вычисляется массой всей смеси, учитывая при этом пояснения Верховного Суда Российской Федерации в Пленуме № 14 от 15 июня 2006 года «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами», где в п. 4 отмечено, что судебные органы, решая вопрос об определении размера смеси, обязаны также учитывать возможность применения конкретной смеси с целью немедицинского потребления [5].

Вроде бы, все стало понятно, однако на практике продолжают возникать проблемы. В качестве наглядного примера можно использовать постановление Верховного Суда Российской Федерации от 17. 01. 2018 года № 16-УД17-27 по делу Чухустова. Данный гражданин был осужден по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 228, а также п. «г» ч. 4. ст. 228.1 УК РФ. Вердикт был вынесен в Волгоградской области Волжским городским судом. После анализа материалов уголовного дела установлено, что мажеобразное вещество, прошедшее экспертизу, являло собой смесь героина и вазелина. Наркотик был специально смешан с вазелином с целью сокрытия, а не приема единой массой. Приговор был изменен Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации. В решении было указано Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 года №290-О-П, согласно которому все судебные инстанции общей юрисдикции обязаны учитывать свойства, интенсивность влияния на организм человека, а также количество конкретного наркотического препарата [9]. К огромному сожалению, на практике такого не происходит.

В связи с вышеизложенным полагаем, что есть острая необходимость внесения в современное законодательство по вопросу определения размера смесей в сфере незаконного оборота психотропных и наркотических веществ уточнения о выяснении степени их влияния на человеческий организм и других обстоятельств. Это поможет исключить проблемы, касающиеся определения квалификации действий тех лиц, которые нарушили закон и совершили преступление в области оборота психотропных веществ, наркотических средств. Таким об-

разом, «смесь» должна трактоваться как все смеси, содержащие минимум одно из психотропных веществ либо наркотических средств, перечисленных в списке I (или в списках II и III, если средство, вещество выделено сноской) Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 681 от 1998 года, независимо от их общего содержания в смеси, но при этом важно учитывать их основные свойства, количество, степень влияния на организм человека, возможности употребления с немедицинской целью.

Литература

1. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 30.06.1998 г. № 681 (ред. от 19.12.2018 г.). Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/77663526/> (дата обращения: 30.01.2019).

2. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с протоколом 1972 года о поправках к единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (вместе с «Перечнями наркотических средств, занесенных в Списки I, II, III, IV» по состоянию на 01.07.1993 г.) : заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961 (с изм. и доп. от 25.03.1972). Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2540957/> (дата обращения: 30.01.2019).

3. Конвенция о психотропных веществах : заключена в Вене 21.02.1971 г. : вступила в силу для СССР 01.02.1979 г. Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2540237/> (дата обращения: 30.01.2019).

4. О наркотических средствах и психотропных веществах : федер. закон № 3-ФЗ от 08.01.1998 г. : принят ГД ФС РФ 10.12.1997 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2018 г.). Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12107402/> (дата обращения: 30.01.2019).

5. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 г. № 14 (в ред. от 16.05.2017). Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/1356161/> (дата обращения: 30.01.2019).

6. Решение Комсомольского районного суда г. Тольятти № 1-523/09 от 12.10.2009 г. // Архив отдела по г. Тольятти Управления ФСКН России по Самарской области.

7. Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства РФ № 1002 от 01.10.2012 г. (ред. от 19.12.2018). Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70237124/> (дата обращения: 30.01.2019).

8. Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 07.02.2006 г. № 76 (Постановлением Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002 настоящее постановление признано утратившим силу с 01.01.2013 г.). Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12144875/> (дата обращения: 30.01.2019).

9. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации № 16-УД17-27 от 17.01.2018 г. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1616764 (дата обращения: 15.11.2018).

Дядькин Д. С., Дядькина С. Б.
Dyadkin D. S., Dyadkina S. B.

**КВАЛИФИКАЦИЯ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ,
СОВЕРШЕННЫХ НЕСКОЛЬКИМИ ВОДИТЕЛЯМИ**

**QUALIFICATION OF VIOLATIONS OF TRAFFIC RULES
AND VEHICLE OPERATION CARRIED BY MULTIPLE DRIVERS**

В статье рассмотрены вопросы уголовно-правовой квалификации действий нескольких водителей при наличии признаков состава преступления, предусмотренного статьей 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, в действиях каждого из них.

The article considers issues of a criminally-legal qualification of actions of several drivers having attributes of the crime stipulated in article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: автотранспортные преступления, неосторожное сопричинение, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Key words: motor transport crimes, careless causation, violation of traffic rules and vehicle operation.

Наиболее распространенные преступные деяния, составляющие криминологический комплекс автотранспортных преступлений, предусмотрены ст. 264 УК РФ. Составы преступлений, составляющие указанную статью, охватывают деяния, нарушающие правила дорожного движения (далее – ПДД) и эксплуатации транспортных средств, влекут за собой различные по тяжести преступные последствия, совершенные лицами, управляющими механическими транспортными средствами.

На данный момент перечень составов автотранспортных преступлений существенно расширен. Наряду с «традиционными» нормами, предусматривающими уголовную ответственность за ремонт транспортных средств неудовлетворительного качества и их выпуск в эксплуатацию при наличии различных технических неисправностей (ст. 266 УК РФ), а также за нарушение автомобильных транспортных отношений, выражающееся в нарушении правил, обеспечивающих безопасную работу автотранспорта (ст. 267, 268 УК РФ), «специальными» субъектами, к которым относятся пешеходы, велосипедисты, лица, управляющие новыми нетрадиционными средствами передвижения на электрическом или иных альтернативных источниках питания, погонщики, ремонтники и другие, появились новые уголовно-правовые запреты. Так, например, ст. 263.1 УК РФ в настоящее время предусматривает уголовную ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах. Статья 264.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность виновному лицу, ранее подвергнутому административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения, за аналогичное нарушение им ПДД, что приводит в конечном итоге к констатации в действиях лица уже преступного нарушения. Также появилась норма об ответственности за совершение действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ), совершенных по хулиганским мотивам (из хулиганских побуждений), которая расширяет перечень автотранспортных преступлений.

Анализ правоприменительной практики показывает, что преступные деяния, совершенные лицами, управляющими транспортными средствами, традиционно составляют львиную долю всех автотранспортных преступлений. Так, в 2016 г. по ст. 264.1 УК РФ было осуждено 75 282 человека, а по ст. 264 УК РФ – 10 406 человек [1].

Определяя проблемы квалификации по ст. 264 УК РФ, нельзя не затронуть вопросы о сопутствующих (совокупных) данному преступлению составах преступлений, содержащихся в ст. 125, 166, 168 УК РФ, а также конкурирующих составах преступлений, описанных в ст. 216, 238 УК РФ. Первая группа указанных составов подлежит вменению в том случае, если имеет место совокупность преступлений наряду с автотранспортным преступлением, вторая группа зачастую применяется правоохранительными органами в качестве альтернативы автотранспортным преступлениям.

В этом плане совершенно показательным является уголовное дело № 201600333/25 о ДТП, происшедшем 04.12.2016 под Ханты-Мансийском: автобус с детьми-атлетами из Нефтеюганска попал в аварию, в которой погибли 12 человек и 13 получили тяжкий вред здоровью. По данному уголовному делу к уголовной ответственности привлечены: Саитханов Р. Ф. – водитель грузового тягача (по ч. 5 ст. 264 УК РФ); Зайнуллин М. Р. – водитель автобуса, перевозивший погибших и получивших увечья спортсменов, Сидорук А. В. – владелец автобуса (по ч. 3 ст. 238 УК РФ); Тарасова И. Н. – директор спортивной школы, где обучались спортсмены (по ч. 3 ст. 293 УК РФ). Еще один водитель грузового тягача, следовавшего за тягачом Саитханова Р. Ф. и также попавшего в ДТП, его родной брат Саитханов В. Ф., на первоначальном этапе к уголовной ответственности не привлекался, однако в настоящее время в отношении него возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 264 УК РФ (уголовное дело № 11892007706000020). Суд первой инстанции, постановляя приговор, изменил квалификацию деяний Зайнуллина М. Р., Сидорука А. В. и Тарасовой И. Н., не усмотрев в их действиях причинной связи с преступными последствиями в отношении гибели и увечий пассажиров. Суд вменил им в вину п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ и ч. 1 ст. 293 УК РФ соответственно.

Из всего многообразия квалификаций указанных виновных лиц в качестве материала, описывающего предмет данной статьи, интересны квалификации лиц, управлявших транспортными средствами, участвовавшими в ДТП, а также владельца транспортного средства. Полагаем, первоначальная ошибочность и неполнота квалификации была вызвана как раз неправильным пониманием причинности неосторожных преступлений, а также устранением органов предварительного расследования и суда от разрешения правового вопроса о причинности и квалификации действий участников ДТП на основании лишь технической причинной связи, установленной автотехнической экспертизой.

Согласно доктринальным воззрениям, неосторожное сопричинение есть совершение несколькими лицами по неосторожности одного преступного деяния либо наступление в результате их деяний единого преступного результата [2, с. 11; 3, с. 14; 4, с. 28; 5, с. 35]. Данный институт достаточно давно известен в теории, однако до сих пор не получил законодательного закрепления в уголовном законодательстве. Большинство специалистов необходимыми условиями для применения института неосторожного сопричинения называются следующие: 1) преступное деяние должно представлять собой одно общее единое преступление; 2) в совершении преступного нарушения участвуют несколько субъектов уголовной ответственности; 3) имеет место быть взаимная связь и взаимно обусловленный характер совместного поведения, которое влечет за собой наступление соответствующего результата; 4) создается реальная угроза наступления преступных последствий или происходит их наступление, при этом такое последствие, предусмотренное конкретным составом, является единым для всех причинителей; 5) в правоотношении проявляется наличие детерминационной связи между предшествующим преступному событию поведением виновных субъектов и последующим за преступным нарушением результатом [6–7].

Однако, несмотря на это, возможность его применения относительно автотранспортных преступлений допустима с точки зрения как теории, так и судебной практики. В пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 г., посвященном делам о преступлениях, связанных с нарушением ПДД и эксплуатации транспортных средств, указано, «что при исследовании причин создавшейся аварийной обстановки необходимо установить, какие пункты правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств

нарушены и какие нарушения находятся в причинной связи с наступившими последствиями, предусмотренными статьей 264 УК РФ. В тех случаях, когда нарушения ПДД были допущены двумя или более участниками дорожного движения, содеянное каждым из них влечет уголовную ответственность по статье 264 УК РФ, если их действия по управлению транспортным средством находились в причинной связи с наступившими последствиями» [8].

В этом плане наиболее актуальным является вопрос обеспечения лицом, производящим квалификацию преступного деяния, максимального внимания установлению такого признака объективной стороны состава преступления, как причинно-следственная связь между нарушением ПДД и эксплуатации транспортных средств и наступившими общественно опасными преступными последствиями. Особо следует отметить, что данный вопрос носит сугубо правовой характер и имеет исключительное отношение к юридической компетенции. В пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 г. говорится о том, что специфическую компетенцию судебной автотехнической экспертизы составляют решения только специальных технических вопросов, имеющих отношение к дорожно-транспортному происшествию и сопутствующим ему условиям, поэтому при назначении автотехнической экспертизы правоохранительные органы и суды не могут и не должны ставить перед экспертами вышеобозначенные правовые вопросы, решение которых относится исключительно к компетенции суда [8].

Так, совершенно верно указывают специалисты, что в подобных случаях речь может идти только об установлении экспертами технической причинной детерминационной связи, которая может наличествовать:

- между технической неисправностью соответствующего транспортного средства и происшедшим дорожно-транспортным происшествием, повлекшим преступные последствия;
- имеющими место дорожными условиями, обстановкой и условиями, сопутствующими происшествию, и дорожно-транспортным происшествием, повлекшим преступные последствия;
- соответствующим действием или бездействием виновного водителя и дорожно-транспортным происшествием, повлекшим преступное последствие;
- отдельными событиями и обстоятельствами дорожно-транспортного происшествия, влекущими за собой преступные последствия.

Лицо, обладающее специальными техническими познаниями, во всех соответствующих случаях должно проводить необходимые технические измерения и расчеты. Это позволит эксперту составить суждения относительно момента и места возникновения опасности в данной дорожной ситуации; определить полную картину в статике и динамике образования опасной дорожно-транспортной ситуации; рассчитать скорости движения транспортного средства или транспортных средств для того, чтобы иметь возможность установить их соответствие требованиям ПДД, а также конкретной дорожной обстановке; определить максимальный и минимальный размер (длину) остановочного пути транспортного средства при воздействии на водителя предельных величин психофизиологического воздействия, а также влияние на время принятия водителем решения других технических параметров и обстоятельств конкретной дорожно-транспортной ситуации; разрешить вопрос о наличии или отсутствии у участников дорожно-транспортного происшествия реальной технической возможности для предотвращения возникновения или развития происшествия; определить и оценить действия или бездействие водителя, находившегося в нетрезвом состоянии и осуществляющего управление транспортным средством; выявить диапазон или конкретные значения критических скоростей начала заноса и (или) опрокидывания транспортного средства, что позволяет определить соответствие таковых требованиям ПДД, имевшей место дорожной обстановке, а также констатировать наличие или отсутствие реальной технической возможности предотвращения происшествия и др. [9].

В указанном уголовном деле о ДТП под Ханты-Мансийском в ходе расследования было установлено, что нарушение ПДД имело место в действиях всех указанных водителей,

а именно: в действиях Саитханова Р. Ф. (п. 9.1, 9.4, 9.10, 10.1, 10.3, 23.5), Саитханова В. Ф. (п. 10.1, 10.3), Зайнуллина М. Р. (п. 10.1, 10.3, 22.6, 2.3.1, 5.5, 7.4). Эксперты-автотехники при производстве экспертизы установили, что для предотвращения столкновения каждый из водителей был обязан снизить скорость движения, что ни одним из них не было сделано. При этом установлено, что опасность столкновения водители обнаружили как минимум за 200 м от места столкновения, что позволяло им снизить скорость вплоть до остановки транспортных средств. Также сделан вывод о том, что в данном случае предотвращение рассматриваемого ДТП зависело лишь от действий водителя Саитханова Р. Ф. и было возможным при условии его движения по своей стороне проезжей части, без выезда на сторону встречного движения. Далее указывается, что действия остальных водителей, участвовавших в происшествии, не могли предотвратить рассматриваемое дорожно-транспортное происшествие и, возможно, могли лишь снизить тяжесть его последствий.

В заключении экспертизы автотехнические эксперты указали, что в прямой причинной связи с наступившими последствиями находятся действия водителя Саитханова Р. Ф., действия других водителей находятся в косвенной причинной связи. Подобные выводы эксперта, безусловно, носят юридический характер и были недопустимы. Соответственно, и выводы суда, основанные на данных утверждениях, не могут считаться законными.

Более того, подобные выводы находятся в существенном противоречии с доктринальными положениями о признаках, свидетельствующих о наличии причинности в автотранспортных преступлениях. К таковым относят: 1) нарушение совершено лицом, которое должно и могло соблюдать возложенные на него правила безопасности; 2) время совершения преступного деяния предшествует времени наступления общественно опасных последствий; 3) действия водителя, нарушающие ПДД и создающие реальную опасность, выполняют «роль» условий наступления преступных последствий; 4) в случае неукоснительного выполнения водителем ПДД дорожно-транспортное происшествие не наступило бы; 5) причиной наступления преступных последствий является нарушение правовых обязанностей, установленных соответствующей нормой, т. е. непосредственно деяние виновного лица со всей внутренней необходимостью закономерно вызвало наступление соответствующего преступного последствия.

На первый взгляд может показаться, что выводы о том, что основной (прямой) причиной ДТП послужило нарушение Саитхановым Р. Ф. порядка движения по автодороге и его выезд на встречную сторону, хоть и сделаны экспертом неправомочно, но совершенно правомерны в смысле того, что в дальнейшем констатированы органами предварительного следствия и суда. Однако с этим сложно согласиться и вот почему. Во-первых, в данной ситуации не учтена так называемая категория привнесенных обстоятельств или приводящих явлений. Во-вторых, допущена логическая ошибка в оценке причинности относительно реально наступивших последствий, тяжесть которых была вызвана нарушением ПДД не только со стороны Саитханова Р. Ф., но и со стороны других участников ДТП.

Если говорить о приводящих явлениях, то под таковыми понимаются факторы, обстоятельства или условия, которые влияют на развитие событий и ход наступления преступных последствий таким образом, что они серьезно увеличивают объем причиненного вреда [10]. Таковыми могут выступать: ошибочные или халатные действия медицинских работников при оказании помощи пострадавшим от ДТП; невыполнение отдельных правил ПДД самими потерпевшими (например, правило об обязательной необходимости использования ремней безопасности либо использование небезопасного транспортного средства для передвижения); иные действия других участников ДТП, серьезно усиливающих преступные последствия аварии.

Именно это и имело место в данном ДТП, о чем как раз и имеются выводы, в том числе и автотехнической экспертизы, согласно которой указано, что в случае соблюдения всеми водителями п. 10.1 ПДД последствия были бы менее тяжкими. На необходимость учета данных обстоятельств прямо указывает и высшая судебная инстанция. Так, в п. 6, 7 вышеуказанного постановления сказано, что уголовная ответственность по ст. 264 УК РФ наступает,

если у водителя имелась техническая возможность избежать ДТП и между его действиями и наступившими последствиями установлена причинная связь. А при решении вопроса о технической возможности предотвращения ДТП судам следует исходить из того, что момент возникновения опасности для движения определяется в каждом конкретном случае с учетом дорожной обстановки, предшествующей ДТП. Опасность для движения следует считать возникшей в тот момент, когда водитель имел объективную возможность ее обнаружить [8].

В данном случае указанная ошибка устраняется органами следствия лишь в настоящее время путем возбуждения уголовного дела № 11892007706000020 по ч. 5 ст. 264 УК РФ в отношении Саитханова В. Ф. Неоднозначность квалификации действий Зайнуллина М. Р., Сидорука А. В. по ст. 238 УК РФ и отсутствие в их действиях причинной связи с гибелью и увечьем пострадавших нашли свое отражение в приговоре суда по данному делу. При этом правильность суждений суда об отсутствии в их действиях виновности по отношению к указанным последствиям подтверждает и судебная практика Верховного суда РФ. Так, по аналогичному уголовному делу в кассационном порядке уже принято решение, которое, по сути, определяет невозможность квалификации действий иных участников ДТП, а также владельцев транспортных средств, допускающих нарушение правил их эксплуатации, по ст. 238 УК РФ [11]. Таким образом, имеющий место в настоящее время тренд, связанный с вменением при совершении транспортных преступлений «универсальной» статьи – ст. 238 УК РФ: производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, – является неверным и не отвечающим закону и судебному толкованию высшей судебной инстанции.

В заключение можно сформулировать ряд рекомендаций относительно правил установления причинности при квалификации действий лиц по ст. 264 УК РФ:

1. Уголовный закон, толкование закона высшей судебной инстанцией и судебная практика допускают привлечение к уголовной ответственности нескольких водителей, если их действия по управлению транспортными средствами находились в причинной связи с наступившими последствиями.

2. При назначении экспертизы суды не вправе ставить перед экспертами правовые вопросы, решение которых относится исключительно к компетенции суда. При оценке выводов экспертов относительно причинной связи необходимо исходить из возможности существенного влияния на объем причиненных преступных последствий привходящих явлений, а именно нарушений ПДД иными участниками ДТП.

3. В случае наличия привходящих явлений, выражающихся в нарушении ПДД иными участниками ДТП, их влияние на возникновение и объем преступных последствий следует оценивать отдельно и самостоятельно по правилам установления причинности. В случае наличия причинной связи в части увеличения объема и размера преступных последствий необходимо констатировать виновность их в причинении такого вреда.

Соблюдение данных правил позволит не допускать ошибок при квалификации нарушений ПДД и эксплуатации транспортных средств, совершенных несколькими водителями; в полной мере восстанавливать нарушенные права и законные интересы потерпевших; достигать справедливости и неотвратимости наказания всех лиц, виновных в совершении авто-транспортных преступлений.

Литература

1. Статистические данные Судебного департамента ВС РФ. Статистические формы 10.2, 10.3 и 10.3.1 : офиц. сайт Судебного департамента ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 25.03.2018).
2. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. 158 с.
3. Кузнецова Н., Кудрявцев В. Квалификация соучастия в преступлении // Советская юстиция. 1962. № 19. С. 14–17.

4. Галиакбаров Р. Р. Неосторожное сопричинение как вид множественности участников // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью : тематический сб. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1981. С. 28–34.
5. Дагель П. С. Причинная связь в преступлениях, совершаемых по неосторожности // Вопросы борьбы с преступностью. 1986. Вып. 34. С. 35–37.
6. Мелешко Д. А. Сопричинение вреда без признаков соучастия в доктрине уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. Академия Генеральной Прокуратуры РФ. М., 2016. 233 с.
7. Салимгареева А. Р. Уголовная ответственность за неосторожное сопричинение // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2016. № 1. С. 53–59.
8. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 г. (в ред. Постановления Пленума ВС РФ от 24.05.2016 г. № 22). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Соктоев Э. Б. Причинная связь в дорожно-транспортных преступлениях // Lex Russica. 2013. № 7. С. 706–717.
10. Зимирева Л. А. О влиянии привходящих явлений на течение причинно-следственной связи // Уголовное право. 2015. № 1. С. 54–58.
11. Кассационное определение ВС РФ от 14 марта 2017 г. №11-УД17-2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.265

Ковалев М. В.
Kovalev M. V.

**К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ПРАВА ПРОЖИВАНИЯ ОСУЖДЕННОМУ
ЗА ПРЕДЕЛАМИ КОЛОНИИ-ПОСЕЛЕНИЯ КАК СПОСОБА
СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРАВОПОСЛУШНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

**ISSUE OF LAW IMPROVEMENT IN GRANTING RIGHT
TO RESIDENCE TO CONVICT OUTSIDE OF COLONY-SETTLEMENT
AS WAY OF ENCOURAGING LAW-ABIDING BEHAVIOR**

В статье проанализированы возможности стимулирования законопослушного поведения осужденных, отбывающих наказание в колонии-поселении. Автором рассмотрена возможность проживания осужденного за пределами исправительного учреждения как одна из мер, стимулирующих социально-активное поведение. Выявлены недостатки в содержании нормы о проживании за пределами колонии-поселения, препятствующие эффективному стимулированию правопослушного поведения. Предложены конкретные шаги по совершенствованию законодательства в сфере проживания за пределами колонии-поселения.

The article analyzes the possibilities of stimulating law-abiding behavior of convicts serving sentences in the colony-settlement. The author considers the possibility of the convict's residence outside the colony as one of the measures stimulating socially active behavior. The shortcomings in the content of the norm on living outside the colony-settlement, preventing the effective stimulation of law-abiding behavior are revealed. Specific measures are proposed to improve the legislation in the sphere of living outside the colony-settlement.

Ключевые слова: наказание, осужденный, колония-поселение, стимулирование, правопослушное поведение, поощрение.

Keywords: punishment, convict, colony-settlement, stimulation, law-abiding behavior, encouragement.

Уголовно-исполнительная система современной России – это обширная сеть пенитенциарных учреждений, задача которых, – с одной стороны, оградить общество от наиболее опасных проявлений преступных действий и лиц их совершивших, с другой – оказать положительное воздействие на тех, кто преступил закон, и достичь их исправления.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 УИК РФ исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Под стимулом О. Ю. Кокурина понимает побудительный фактор, который способен вызывать ту или иную реакцию или действие. В свою очередь стимулы в правовой науке рассматриваются как специфический механизм для повышения социально правовой активности граждан, достижения ими общественно полезного и одобряемого поведения [1, с. 103].

А. А. Косых, утверждает, что механизм стимулирования законопослушного поведения следует оценивать не только с внешней, формальной стороны как определенную «оболочку», включающую в себя ряд объективных факторов (виды режима, условия отбывания наказания и др.), а главным образом, с точки зрения ее активного движущего компонента, ориентированного на успешное решение задач уголовно-исполнительной системы. Он убежден в том, что процесс стимулирования должен быть нацелен на личность осужденного [2, с. 20]. Поэтому учет индивидуальных особенностей, эмоционального состояния, семейного поло-

жения, наличия несовершеннолетних детей должен иметь первостепенное значение в рамках воспитательной работы с осужденными для достижения целей наказания.

К числу исправительных учреждений относится и колония-поселение, в которой отбывают наказания лица, осужденные за совершение преступлений с неосторожной формой вины, а также лица, впервые совершившие преступления небольшой или средней тяжести. В отношении таких осужденных осуществляется весь спектр предусмотренных законом воспитательных мер, направленных на стимулирование законопослушного поведения, а также их дальнейшую социализацию в условиях проживания вне исправительного учреждения.

Одним из механизмов, стимулирующих законопослушное поведение осужденных, является возможность проживания со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположено исправительное учреждение.

Несмотря на длительный период действия п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ, остается немало сложностей, связанных с применением данной нормы. К тому же есть претензии к содержанию ряда ее положений. Более того, в настоящее время нет единства среди ученых относительно принадлежности института проживания за пределами исправительного учреждения к виду поощрения. Существует взгляд на институт проживания за пределами исправительного учреждения и как на самостоятельный институт уголовно-исполнительного права.

По мнению С. Л. Бабаяна, проживание осужденных вне исправительных учреждений представляет собой меру поощрения, преследующую цель стимулирования правопослушного поведения [3, с. 7].

Другого мнения об институте проживания за пределами исправительного учреждения придерживается А. И. Дроздов, указывая на его принадлежность к институту изменения условий отбывания наказания [4, с. 172].

В представлении В. Е. Южанина, проживание осужденных за пределами исправительных учреждений – это одна из форм подготовки осужденного к освобождению [5, с. 206].

Определение места института проживания за пределами учреждения не главный вопрос. Более важным является в таком случае вопрос значимости данного института для стимулирования правопослушного поведения осужденного и его исправления. Отбывая наказание в колонии-поселении, осужденный при квалифицированном воспитательном воздействии на него и правовом информировании осознает для себя возможность улучшения своего положения посредством законодательно предусмотренной процедуры проживания за пределами исправительного учреждения. И законодатель, понимая особую значимость такого института для стимулирования законопослушного поведения осужденного (исходя из содержания нормы), даже не пытается ставить какие-либо дополнительные условия, препятствующие реализации такого права в виде проживания за пределами исправительного учреждения. А между тем ряд положений уголовно-исполнительного законодательства, предусматривающих возможность проживания за пределами исправительного учреждения, содержит ограничения: это и необходимость отбытия не менее одной трети срока наказания для проживания за пределами исправительного центра (ч. 6 ст. 60 УИК РФ), и возможность проживания за пределами исправительного учреждения лишь за шесть месяцев до окончания срока наказания в исправительной колонии общего режима (ч. 3 ст. 121 УИК РФ). Разрешение проживать за пределами колонии-поселения, согласно п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ, осужденный, имеющий семью, может получить, всего лишь воздерживаясь от совершения действий, нарушающих установленный порядок отбывания наказания.

Проживание вне исправительного учреждения, по мнению А. Н. Петрова, и есть наиболее яркий пример приближения к условиям жизни на свободе, поскольку, предоставляя данное право, государство минимально ограничивает права осужденных [6, с. 559].

Приучение к законам человеческого общежития и жизни на свободе достигается путем ослабления изоляции осужденных, предоставления им возможности постоянно находиться за пределами исправительного учреждения в среде законопослушных граждан.

В период отбывания наказания необходимо постепенно изменять искусственно созданные условия режима и приближать их к нормальным условиям жизни законопослушных граждан для тех осужденных, которые стремятся к исправлению [7, с. 93].

Проживание за пределами исправительного учреждения как мера поощрения законопослушного поведения осужденного соответствует всем признакам, характерным для мер поощрения. Тем не менее говорить о применении данной меры всего лишь за один единичный факт социально-полезного поведения преждевременно. Администрацией исправительного учреждения должна быть установлена устойчивая направленность на добровольное законопослушное поведение и исправление, соблюдение осужденным правил внутреннего распорядка. То есть лицо своим поведением должно доказать свое исправление, и только в этом случае имеются предпосылки для разрешения осужденному проживать за пределами исправительного учреждения в качестве наиболее благоприятной меры поощрения, значительно (по сравнению с другими мерами поощрения) расширяющей индивидуально-воспитательное воздействие и его права.

Аналогичной точки зрения придерживается и Е. Е. Горина, указывая на то, что для определения степени исправления осужденных учитывается их участие в проводимых воспитательных мероприятиях колонии и применение к ним мер поощрения и взыскания от администрации учреждения, которые являются критериями оценки ресоциализации отбывающего наказание [8, с. 80].

Таким образом, можно говорить о том, что отдельные совершаемые осужденным социально-полезные действия, за которые к нему применяются меры поощрения, являются промежуточными звеньями, их конечная цель – достижение более глобальной, на ступень выше, меры поощрения в виде проживания за пределами исправительного учреждения

Анализируя положения п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ, можно прийти к выводу, что при формулировании этой нормы не были учтены все положительные возможности проживания за пределами исправительного учреждения, которые могут стимулировать осужденного к законопослушному поведению. При этом в содержании нормы учтены только интересы осужденных, имеющих семьи. Реализация такой возможности, безусловно, положительно скажется и на поддержании семьи и родственных связей, и, конечно же, на успехе в социальной адаптации после отбытия наказания.

Именно семейный вакуум способен определить мотивационные установки человека, его социальную активность, адекватное выполнение социальной роли [9, с. 107].

Воссоединение осужденного с семьей в период отбывания наказания – мощнейший мотив, стимулирующий его правопослушное поведение. С другой стороны, осужденные, не имеющие семьи, вообще лишены возможности проживания за пределами исправительного учреждения. Данное положение закона существенным образом ограничивает возможность оказания стимулирующего воздействия на осужденного в целях его исправления, да и попросту дифференцирует гарантированный законом равный доступ на применение мер поощрения за правопослушное поведение. А ведь проживание осужденного и без семьи за пределами исправительного учреждения дало бы серьезный импульс к совершенствованию собственного поведения в стремлении положительно зарекомендовать себя и доказать исправление. Проживание осужденного без семьи за пределами колонии-поселения в полной мере соответствовало бы принятой Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)», предполагающей совершенствование механизма исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы с пересмотром перечня средств исправительного воздействия на осужденных, дифференциацию и индивидуализацию условий отбывания наказания в зависимости от поведения осужденных, повышение роли средств стимулирования правопослушного поведения.

По мнению Д. В. Горбань, при применении института проживания осужденного за пределами исправительного учреждения достигается цель стимулирования его правопослушного поведения [10, с. 594].

Более того, в целях повышения не только стимулирующего воздействия на осужденных, но и их личной ответственности, особенно за будущее своих детей, необходимо предпринимать меры по совершенствованию законодательства и реализовывать возможность их проживания за пределами исправительного учреждения. К тому же, в действующем уголовно-исполнительном законодательстве есть норма, предусматривающая такую возможность в том числе для осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии общего режима. Особенно велика значимость осуществления такой возможности для женщин, отбывающих наказание в колонии-поселении. С большой долей вероятности можно предположить, что возобладание материнского инстинкта создаст необходимые предпосылки для соответствующего правомерного поведения и скорейшего достижения цели исправления осужденного.

Однако, как справедливо отмечают Б. П. Козаченко и Т. А. Шмаева, при решении вопроса предоставления возможности совместного проживания следовало бы учитывать отношение женщины к себе как к личности и к ребенку, личность осужденной (индивидуально-типологические особенности), соблюдение ею требований режима отбывания наказания и другие аспекты [11, с. 288].

Но это лишь одна из положительных сторон возможных изменений законодательства в сфере проживания за пределами колонии-поселения осужденных (как без семьи, так и с детьми) в жилых помещениях, находящихся в их собственности или пользовании. Государство в лице исправительного учреждения при реализации таких изменений сэкономит значительные средства, которые идут на содержание как самих осужденных, так и мест их проживания. Таким образом, при проживании осужденного за пределами колонии-поселения государство освобождается от дополнительной финансовой нагрузки, так как проживание осуществляется в помещениях, находящихся в собственности или пользовании осужденного, следовательно, он сам содержит в надлежащем состоянии такой жилой фонд и платит за него.

В связи с вышеизложенным, основываясь на анализе действующего уголовно-исполнительного законодательства, приходится признать необходимость его совершенствования.

Требуется внести в содержание п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ изменения, допускающие для лиц, отбывающих наказание в колонии-поселении, возможность проживания на арендованной или собственной жилой площади независимо от их семейного положения и наличия детей.

Законодательное закрепление такого положения позволит в полной мере реализовать весь положительный потенциал стимулирующего воспитательного воздействия на осужденного и будет способствовать формированию правопослушной модели поведения, необходимой как самому осужденному, так и всему обществу.

Литература

1. Кокурина О. Ю. Государственные награды как правовой механизм стимулирования социальной активности граждан // Вестн. академии права и упр. 2011. № 24. С. 103–110.
2. Косых А. А. Стимулирование правопослушного поведения осужденных в УИС: история и современность // Вед. уголовно-исполнительной системы. 2014. № 1. 16–20 с.
3. Бабаян С. Л. Поощрительные институты и их реализация при исполнении наказания в виде лишения свободы : монография / под общ. ред. Ю. В. Наумкина. М., 2009. 116 с.
4. Дроздов А. И. Изменение условий отбывания лишения свободы в механизме ресоциализации осужденных : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 204 с.
5. Южанин В. Е., Кириллов С. И., Бабунов В. Ю. Раннее предупреждение постпенитенциарного рецидива преступлений (уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты) : монография. Коломна, 2011. 251 с.
6. Петров А. Н. Проживание осужденного за пределами исправительного учреждения: организационно-правовые аспекты // Олимпиада обучающихся в федеральных государственных образовательных организациях Министерства юстиции Российской Федерации и

Федеральной службы исполнения наказаний : сборн. науч. трудов студентов и курсантов Самар. юрид. Ин-та ФСИН России за 2015–2017 гг. Самара : Самар. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний, 2017. С. 555–563.

7. Елеонский В. А. Отношение осужденных к наказанию и вопросы повышения эффективности их исправления и перевоспитания в местах лишения свободы. Рязань, 1976. 200 с.

8. Горина Е. Е., Денисов Д. Г., Мерзликин А. В. Физическая культура и спорт в системе ресоциализации осужденных // Социальные отношения. 2016. № 2 (17). С. 78–84.

9. Козацкая В. Э., Толченкина М. Э. Уголовно-исполнительное законодательство в системе правовых гарантий семейно-правового статуса лиц, осужденных к лишению свободы // Вестн. общественной науч.-исслед. лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2013. № 1. С. 106–120.

10. Горбань Д. В. Сравнительно-правовой анализ смежных пенологических институтов, связанных с нахождением осужденного за пределами исправительного учреждения // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 4. С. 591–596.

11. Козаченко Б. П., Шмаева Т. А. Некоторые особенности отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами, имеющими малолетних детей // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12, № 3. С. 284–289.

*Корнилова Т. В.
Kornilova T. V.*

**ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ДЛИТЕЛЬНОГО СРОКА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ**

**CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF PUNISHMENT IN FORM
OF LONG-TERM IMPRISONMENT IN RUSSIA**

В статье рассмотрена проблема определения сроков лишения свободы как длительных. Проанализированы статистические данные Федеральной службы исполнения наказаний России по осужденным (сроки наказания). Раскрыта позиция ученых по вопросу отнесения сроков лишения свободы к длительным. Сформулировано авторское понятие «длительный срок лишения свободы» и определен его временной критерий. Приведены результаты опроса сотрудников исправительных учреждений Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Вологодской области, непосредственно взаимодействующих с осужденными, и результаты исследования мнений осужденных по вопросу отнесения сроков лишения свободы к длительным. Рассмотрены критерии отнесения сроков лишения свободы к длительным, а также вопросы назначения и исполнения наказаний в виде длительных сроков лишения свободы. В работе также представлен анализ влияния длительной изоляции от общества на личность осужденного.

The article considers the problem of determining the terms of imprisonment as long-term. Statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia for the convicts (terms of sentences) are analyzed. The perspective of scientists on the issue of attribution terms of imprisonment to long-term is revealed. The author states the concept of “long-term imprisonment” and defines its time criterion. The opinions of the correctional officers of the Federal Penitentiary Service of Russia in Vologda Oblast, who directly interact with the convicts, are presented. The study results of the convicts’ opinions on the issue of determining the terms of imprisonment as long-term are provided. The article discusses the criteria for the duration of imprisonment, as well as the appointment and execution of sentences in the form of long-term imprisonment. The analysis of the influence of long-term isolation from society on the personality of the convict is given.

Ключевые слова: лишение свободы на определенный срок, длительные сроки лишения свободы, сотрудники исправительных учреждений, осужденные, цели наказания, эффективность уголовного наказания, исправление осужденных.

Keywords: deprivation of freedom for determined period, long-term imprisonment, correctional officers, convicts, purpose of punishment, effectiveness of criminal justice, reformation of convicts.

В российском уголовном праве под лишением свободы понимается мера возмездия, применяемая по отношению к субъекту, преступившему закон, если иным способом его исправление и гарантирование безопасности окружающих невозможно. Наравне с уголовным правом зарубежных стран российское уголовное право различает краткосрочные и длительные сроки лишения свободы, при этом не раскрывает значение длительности сроков лишения свободы, что влияет на неоднозначность данного понятия. Словарь русского языка Ожегова С. И. раскрывает понятие «длительный» как «долго продолжающийся во времени» [1, с. 154].

Дискуссия ученых о наиболее приемлемых сроках лишения свободы существует и сегодня. Одни считают, что цели наказания будут достигнуты при назначении отбывания сроков лишения свободы до 10 лет. Другие же, наоборот, поддерживают сторону увеличения сроков наказания. Сторонники первой точки зрения полагают, что добиться перевоспитания

и исправления осужденного наиболее эффективно можно в срок до 10 лет, другие ученые считают, что нельзя исключать и цель восстановления социальной справедливости, так как сроки прямо отражают принцип дифференциации ответственности и наказания [2].

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) установлены более длительные сроки лишения свободы по сравнению с Уголовными кодексами РСФСР 1926 и 1960 гг.

Анализ статистических данных Федеральной службы исполнения наказаний России показал, что в настоящее время происходит сокращение числа лиц, отбывающих сроки наказания, не превышающие 10 лет. Так, например, в 2008 г. их число составляло 626 790 человек, в 2013 г. данный показатель составил 464 543 человека, в 2016 г. – 426 212 человек, а в 2018 г. – 371 557 человек. Отметим, что в последние годы наблюдается рост числа лиц, отбывающих наказания сроком свыше 20 лет лишения свободы, в том числе пожизненно (в 2008 г. – 6 674 человека, а в 2018 г. – 8 631 человек). Подробнее статистические данные, характеризующие осужденных по срокам наказания, представлены в таблице [3].

Таблица

Характеристика осужденных по срокам наказания

Срок наказания	Число осужденных			
	2008 г.	2013 г.	2016 г.	2018 г.
До 1 года	18 824 чел.	18 537 чел.	16 806 чел.	18 696 чел.
1–3 года	163 943 чел.	109 797 чел.	104 077 чел.	90 037 чел.
3–5 лет	182 689 чел.	125 736 чел.	121 963 чел.	102 636 чел.
5–10 лет	261 334 чел.	210 473 чел.	183 366 чел.	160 188 чел.
10–15 лет	78 959 чел.	63 099 чел.	61 603 чел.	60 335 чел.
Свыше 15 лет	28 542 чел.	32 296 чел.	31 665 чел.	29 031 чел.

Взгляды ученых на вопрос определения сроков лишения свободы как длительных также не являются однозначными, так как низший предел длительных сроков может составлять от 3 лет до 25 лет.

Так, А. М. Смирнов говорит о том, что к длительным срокам лишения свободы следует относить сроки, длительность которых составляет от 5 до 15 лет изоляции от общества [4, с. 97].

В свою очередь С. С. Акуленко длительные сроки лишения свободы подразделяет на два вида:

- длительные сроки (от 10 до 20 лет);
- особо длительные сроки (от 20 до 30 лет).

В своей работе С. С. Акуленко говорит о том, что временное разграничение зависит от наличия психологического порога степени восприятия исправительного воздействия у осужденных. Так, при длительном пребывании в местах лишения свободы данная степень восприятия снижается и больше не возрастает [5, с. 49].

Рассматривая результаты исследования судейского правосознания стоит отметить, что 6 % работников областного и городского судов Вологодской области к длительным срокам лишения свободы относят срок, превышающий 25 лет; также 6 % признают длительным срок свыше 20 лет; 40 % к длительным срокам относят период, превышающий 10 лет изоляции от общества; 30 % – срок, превышающий 5 лет; 18 % считают длительными сроки наказания в виде лишения свободы от 3 лет [6].

На наш взгляд, к длительным срокам лишения свободы в РФ необходимо отнести срок свыше 7–8 лет, так как пик ориентирования на отрицательное поведение у большинства осужденных (около 82 %) проявляется после отбытия наказания, подпадающего под указанный промежуток времени. Также в этот период (7–8 лет) происходит усиление воздействия отрицательных факторов на осужденных и снижается эффективность воспитательного процесса. У отдельных осужденных такой пик проявляется после 5–6-летнего срока отбывания наказания [7]. Установление более коротких временных отрезков длительных сроков лише-

ния свободы, на наш взгляд, не способствует полноценному исправлению осужденного, так как часть срока наказания затрачивается на его адаптационный период и, как следствие, происходит исключение данного времени из процесса исправления.

Вышесказанное подтверждает и проведенное исследование, в котором приняли участие 38 сотрудников исправительных учреждений Управления Федеральной службы исполнения наказаний (далее – УФСИН) России по Вологодской области, которые непосредственно взаимодействуют с осужденными. В ходе исследования было выявлено, что 11 респондентов к длительному сроку отбывания наказания относят период от 5 до 7 лет лишения свободы, в то время как большинство опрошенных (27 сотрудников) к такому периоду относят срок более 8 лет лишения свободы.

Период лишения свободы, за который, как правило, достигается цель наказания (по мнению сотрудников исправительных учреждений УФСИН России по Вологодской области):

- до 3 лет лишения свободы (3 опрошенных);
- от 3 до 5 лет лишения свободы (11 опрошенных);
- от 6 до 8 лет лишения свободы (19 опрошенных);
- более 8 лет лишения свободы (5 опрошенных).

В целях изучения мнения осужденных по вопросу отнесения сроков лишения свободы к длительным нами в сентябре – октябре 2018 г. на базе исправительных учреждений УФСИН России по Вологодской области было проведено исследование, в котором приняли участие 96 осужденных (50 мужчин и 46 женщин). Участвовавшие в исследовании осужденные отбывают наказание в виде лишения свободы сроком свыше 8 лет впервые. Среди осужденных мужчин на момент анкетирования 7 человек отбыли наказание, срок которого не достигает 3 лет, 24 человека отбывают наказание на протяжении 3–5 лет, у 19 человек срок отбытого наказания составляет от 6 до 10 лет. Среди осужденных женщин на момент анкетирования 26 человек отбыли наказание, срок которого не достигает 3 лет, у 8 – отбытая часть наказания составляет от 3 до 5 лет, и у 12 человек срок отбытого наказания составляет от 6 до 10 лет. Интересен факт, что все участвовавшие в исследовании осужденные женщины и 39 осужденных мужчин, независимо от назначенного им срока лишения свободы, относят его к длительному.

Также рядом ученых высказывается позиция о том, что длительность лишения свободы должна определяться исходя из среднего значения максимально возможного срока лишения свободы.

Проблемным вопросом остается и определение критериев длительности срока лишения свободы. Так, ст. 15 УК РФ [8] все наказания, связанные с лишением свободы, классифицирует в зависимости от тяжести совершаемого деяния.

Помимо указанного критерия, М. Г. Детков предлагает ввести психологический критерий, который будет отвечать за восприятие осужденным применяемой к нему меры наказания. Автор указывает на то, что для субъекта с высокой степенью интеллекта и большим жизненным опытом наказание выступает временной мерой, в ходе которой происходит перевоспитание положительно направленного осужденного. В свою очередь рецидивисты и лица преклонного возраста в длительном наказании находят для себя лишь пользу, так как в данном случае у таких лиц отпадает надобность искать пути удовлетворения собственных потребностей [9, с. 30].

И. И. Авксентьевский определяет длительность срока лишения свободы через перспективу освобождения и возвращения осужденного в общество. Как утверждает автор, большинство осужденных способны представлять и планировать дальнейший процесс жизни в рамках пятилетнего срока отбывания наказания. После указанного срока осужденные не могут говорить с уверенностью о том, что их может ожидать в дальнейшей жизни [10].

Эффективность исполнения длительных сроков лишения свободы также является многогранной и актуальной проблемой современного мира.

Еще в 1968 году Б. С. Никифоров выразил свою точку зрения о том, что эффективность уголовного наказания проверяется практикой борьбы с преступностью и предупре-

ждением преступлений, адекватностью положений закона потребностям жизни, правильно-стью назначения и исполнения наказания и, наконец, эффективностью условий последующей жизни отбывших наказание [11, с. 137].

В назначении и исполнении длительных сроков наказания можно проследить полную противоречивость. С одной стороны, длительные сроки лишения свободы назначаются, как правило, особо опасным преступникам, тем самым общество на длительное время ограничивает себя от посягательств со стороны указанных лиц. Однако, с другой стороны, такого рода наказания несут за собой немалое количество отрицательных последствий. Длительное изолирование человека от общества несет разрыв его с социальной реальностью, эти последствия сказываются на психике осужденного, что приводит к неэффективности воспитательных целей, которые непосредственно преследует наказание. Эти противоречия требуют особого внимания и исследования для того, чтобы главные цели наказания были наиболее эффективными и служили перевоспитанию осужденного.

Длительный срок лишения свободы позволяет применить к осужденному полный комплекс мер, предусмотренных для его исправления, в то время как короткие сроки не способны сделать этого в полном объеме, так как в течение срока отбывания наказания помимо непосредственного срока отбывания наказания включается период предварительного заключения осужденного и период определения осужденного в тот вид исправительного учреждения, который подходит для его исправления.

Эффективность длительного заключения подтверждает факт стабильности состава осужденных, что в свою очередь дает возможность более подробно изучить личность каждого из преступников и использовать полный комплекс средств для их исправления. В то же время отбывание длительных сроков наказания может привести к появлению устойчивых и прочных связей между осужденными и работниками пенитенциарной системы, а это в свою очередь может способствовать росту должностных преступлений сотрудников исправительных учреждений.

В кругах правоведов обсуждению подлежит и вопрос о целесообразности длительного наказания. Так, большинство авторов считает, что длительное отбывание наказания не оказывает положительного влияния на осужденного, так как если исправление осужденного не произошло в первые 5 лет отбывания наказания, то и в последующем данная цель не будет достигнута.

Длительные сроки лишения свободы позволяют достигнуть лишь ту цель наказания, которая заключается в изоляции преступника от общества. В свою очередь исправление осужденного происходит на более ранних этапах отбывания наказания, что делает нецелесообразным процесс отбывания длительных сроков лишения свободы лицами, которые в будущем, скорее всего, не будут повторять своих действий (лица, совершившие преступления по неосторожности, вследствие случайного стечения обстоятельств и т. д.).

Так, еще С. П. Мокринский говорил о том, что максимально допустимым сроком изоляции является период, равный 5 годам, поскольку цель исправления осужденного достигается именно на протяжении указанного периода, так как не исправившийся в течение этого периода осужденный в дальнейшем также не исправится [12].

Как утверждает В. Е. Квашиш, длительные сроки лишения свободы являются неэффективными, так как при их отбывании происходит утрата социально полезных связей, в ходе чего у осужденного пропадает мотивация к исправлению, происходят дезадаптация личности, ухудшение здоровья, развиваются психические расстройства, что может послужить толчком к развитию агрессивного состояния [13, с. 254].

По мнению В. У. Ялунина, при длительном отбывании наказания осужденный утрачивает чувство вины за содеянное преступление. Также у осужденного происходит утрата социальных навыков, снижается социальная активность и мотивация к общественной деятельности, что вызывает деградацию личности и затрудняет возможность исправления [14].

В своих исследованиях Р. С. Нагорный рассматривает так называемый эффект решетки, который характеризуется стимулированием дальнейшей преступной деятельности путем влияния на осужденного длительного нахождения в местах лишения свободы [15].

На наш взгляд, трудно не согласиться с позициями указанных авторов, ведь наказание в виде длительного срока лишения свободы становится испытанием для человека, так как осужденный, привыкший к благам цивилизации и доступным удовольствиям жизни, помещается в условия жестких ограничений, когда удовлетворению подлежат лишь первичные (жизненно необходимые) нужды и потребности. Формальное уравнивание всех осужденных в правах, в том числе единая форма одежды, типовой рацион питания и распорядок дня, а также обязательная трудовая повинность должны вызывать привыкание к образу жизни, характеризующему скромностью и самоограничением. На самом деле, подобная реакция возможна лишь при формировании смирения, свойственного не многим людям, способным на совершение преступления, в то время как основную массу осужденных недостаточность свободы самоопределения, выбора и права голоса озлобляет, вызывая зачастую обратную реакцию.

Также при отбывании наказания в виде длительного лишения свободы происходит адаптация осужденного к условиям отбывания наказания и постепенное отождествление наказания с собственной жизнью. В данном случае происходит утрата ценности «свобода» и осужденный перестает воспринимать лишение свободы как наказание.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в России под длительным сроком лишения свободы понимается продолжительная изоляция осужденного от общества, осуществляемая путем помещения его в специальное учреждение, предназначенное для отбывания наказания, в котором осужденный претерпевает различные правоограничения по отношению к себе.

Исследования показывают, что наибольшая эффективность наказания достигается при отбывании срока от 1,5 до 10 лет, а свыше указанного периода наблюдается тенденция к ее спаду. При этом нельзя забывать и о других факторах. Например, отсутствие социальной почвы для реабилитации осужденных (отсутствие работы, жилья и других обстоятельств) способствует их отрицательному поведению.

Таким образом, современная система длительного лишения свободы накладывает на человека неизгладимый отпечаток, заставляя его утрачивать социально полезные связи с внешней средой и устанавливая социальные связи в исправительном учреждении. Длительность наказания влияет на полную адаптацию осужденного к условиям изоляции, что в дальнейшем вызывает нежелание возвращаться к привычной жизни. Именно этот фактор, на наш взгляд, влияет на рецидив преступлений. За время длительного срока лишения свободы осужденный отвыкает от тех норм, которые существуют в обществе, а при совершении повторного преступления он не боится снова оказаться в местах лишения свободы.

Литература

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 2006. 944 с.
2. Побожая А. Н. Проблема эффективности длительных сроков лишения свободы // Аллея науки. 2017. № 5. С. 456–457.
3. ФСИН России : официал. сайт. URL: Фсин.рф (дата обращения: 14.08.2019).
4. Смирнов А. М. Длительные сроки лишения свободы в отношении осужденных мужчин : монография. М., 2010. 200 с.
5. Акуленко С. С. Реализация целей наказания при длительных сроках лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 152 с.
6. Смирнов А. М. Понятие длительного срока лишения свободы как критерия развития уголовного законодательства и пенитенциарной практики ФСИН России на современном этапе // Уголов. судопроизводство. 2006. № 2. С. 43–47.
7. Коваль М. И. Социально-правовая адаптация лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. 22 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. Детков М. Г. Длительное лишение свободы: понятие, содержание, эффективность // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2008. № 2. С. 28–32.
10. Авксентьевский И. И. Общественное правосознание и уголовное наказание: феномен лишения свободы на длительный срок и пожизненно // Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание : материалы науч.-практ. конф., Вологда, 17–18 апреля 2002 г. Вологда, 2002. С. 85–90.
11. Никифоров Б. С. Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1968. 255 с.
12. Мокринский С. П. Наказание, его цели и предположения. Часть I. Общее и специальное предупреждение преступлений // Учен. записки Император. Москов. ун-та. Юридического факультета. Вып. 20. М. : Университет. тип., 1902. С. 1–157.
13. Квашис В. Е. Куда идет смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы : монография. СПб., 2011. 608 с.
14. Ялунин В. У. Соблюдение прав человека приоритетная задача УИС // Ведомости уголовно-исполнит. системы. 2002. № 5. С. 2–6.
15. Нагорный Р. С. Смертная казнь или пожизненное лишение свободы: за и против // Рос. следователь. 2006. № 4. С. 20–22.

*Михайлова Л. В.
Mikhailova L. V.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОРСКОГО ТРАНСПОРТА И ИНФРАСТРУКТУРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОРТОВ В НАРКОТРАФИКЕ

THE USE OF MARITIME TRANSPORT AND INFRASTRUCTURE OF INTERNATIONAL PORTS IN DRUG TRAFFICKING

В данной статье рассмотрены морские бассейны как маршруты, используемые наркогруппировками для перевозки наркотических средств, а также различные способы перемещения таких средств и психоактивных веществ морскими судами.

The article discusses sea basins as routes used by drug dealers for the transport of narcotic drugs, as well as various methods of their movement by sea vessels.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, морские бассейны, морские порты, морские суда.

Keywords: narcotic drugs, psychoactive substances, sea basins, seaports, sea vessels.

Большие деньги приходят с большим бизнесом, а незаконный оборот наркотиков – это крупный бизнес с международными возможностями. Все проводимые исследования относят преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, к самым опасным международно-правовым проблемам нашего времени [1–3]. При этом морской транспорт на протяжении многих лет непреднамеренно играет неблагоприятную роль в перевозке наркотических средств и психоактивных веществ. В России из 62,3 тыс. км границ 37,6 тыс. км приходится на морские и 24,6 тыс. км – на сухопутные границы [4], что предопределяет тесные, в том числе преступные связи с зарубежными территориями. Такой масштабный выход России к морям и океанам обеспечивает возможность установления экономических связей со 127 странами мира, а на суше – только с 18 государствами. Имеющаяся геополитическая позиция, а также трудности в организации и осуществлении пограничного и таможенного контроля повышают интерес к России со стороны международной организованной преступности, в том числе связанной с международным наркобизнесом.

Необходимо отметить высокий уровень организованности наркогруппировок и их хорошую техническую оснащенность, использование современных информационных и коммуникационных технологий. Одной из особенностей современной наркоситуации является продолжение процесса интернационализации незаконного оборота наркотиков. Интенсивное расширение российского рынка наркотических средств (далее – НС) и психоактивных веществ (далее – ПВ) продолжается. Для производства НС в России имеется значительная сырьевая база, но и технологии не стоят на месте, об этом говорит значительный рост числа изымаемых синтетических наркотиков. Их удельный вес в общей массе изымаемых НС и психотропных веществ на протяжении последних 10 лет увеличился в 13 раз и по итогам 2017 г. занимает второе место после каннабисных наркотиков (26,1 %; 5,6 т) [5]. В то же время доля незаконного оборота наркотиков, образовавшегося в результате их контрабанды, становится все более значительной. Основным источником пополнения российского наркорынка по-прежнему является контрабанда высококонцентрированных наркотиков, главным образом героина, из Афганистана и других стран Центральной Азии, а также синтетических наркотиков из стран Балтии, Китая, Нидерландов.

Наркобизнес включает в себя ряд этапов: производство, перевозку, сбыт. С учетом того, что лица, вовлеченные в незаконный оборот наркотиков, все чаще используют новейшие

интернет-технологии, осуществляют производство компонентов и прекурсоров в разных странах, организуют бесконтактный сбыт и применяют иные технологии с целью сокрытия своей нелегальной деятельности, можно констатировать, что производство и сбыт – наименее уязвимые этапы. И по-прежнему самым «узким» местом является именно транспортировка НС и ПВ. Так, нами было отмечено ранее, что порядка 70 % НС и ПВ прибывают в Россию из-за рубежа, при этом курьер или груз подвергаются наибольшему риску при пересечении государственных границ, которые по определению являются линиями повышенного контроля. В связи с этим наркопреступниками выбираются логистические маршруты и виды транспортных путей, которые пролегают в местах минимального количества проверок.

Правоохранительные органы оперативно отреагировали на изменение ситуации в пунктах пропуска на сухопутной границе, что нарушило ранее налаженные контрабандные схемы и заставило наркогруппировки менять действующие маршруты, изыскивать новые механизмы переброски наркотиков, применяя дробление партий и использование иных транспортных маршрутов, в том числе морских путей сообщения. Для этого ими часто используются возможности мультимодальных перевозок.

Тенденции развития системы наркотрафика показывают активизацию использования морского транспорта для перевозки наркотиков. Это обусловлено следующими факторами:

- обширность морских пространств;
- незначительное или полное отсутствие в них проверяющих и контролирующих органов;
- технологические и конструктивные особенности морских судов, делающие практически невозможными и неэффективными таможенные проверки;
- особенности перемещения груза и его объемы.

Указанные факторы облегчают контрабанду и обуславливают повышенный интерес к этой сфере международных транснациональных преступных сообществ, в том числе занимающихся наркобизнесом. Об активизации использования морских маршрутов в связи с укреплением сухопутных границ высказываются и в Управлении Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по наркотикам и преступности, где в представленном докладе говорится об основных наркомаршрутах через морские пространства [6]. Подтверждением данной тенденции является изъятие в портах Европы и российских портах крупных партий наркотических средств*. Ученые разных стран приходят к выводу о необходимости усиления борьбы с незаконным оборотом наркотиков в морских пространствах [7]. Для этого они считают необходимым внести изменения в Конвенцию ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. [8], позволяющие государству, осведомленному о противоправной деятельности, связанной с незаконным оборотом НС и ПВ, принимать меры к экипажу морского судна, причастного к контрабанде НС и ПВ: «... несмотря на автономность территории судна и открытость морских пространств...» [9].

Если аэропорты, железнодорожные вокзалы и станции в настоящее время подвергаются строгому контролю, морские порты по-прежнему предоставляют широкие возможности для сокрытия наркотиков внутри легальных товаров. Упрощение таможенных процедур при перевозке товара морским транспортом, большое скопление товара, ускоренная процедура погрузки и выгрузки делают контроль менее строгим, что притягивает и активизирует организованную преступность в морских портах. Так, иностранные товары могут перемещаться в режиме международного транспортного транзита, то есть без намерения их оставления и

* Две тонны кокаина с логотипом «Единой России» перехватили в Бельгии; в государстве Кабо-Верде на сухогрузе с российским экипажем было обнаружено 9,5 т кокаина; таможенные органы Южной Кореи заявили, что в порту Пусана на юго-востоке страны было изъято 63,88 кг кокаина; в порту балтийского Калининграда на сухогрузе «Джак викрам» обнаружена марихуана весом 236 кг; в порту Петербурга обнаружили 18 кг кокаина (источник: Lenta.ru).

использования на территории транзитной страны. По таким грузам досмотр вообще не проводится, осматривается только внешняя сохранность (например, контейнеры осматриваются на сохранность пломб), что делает возможным использовать Российскую Федерацию как площадку для транзита НС и ПВ. Например, в порту «Восточный» (г. Находка) был установлен контейнер, следовавший из Казахстана транзитом в Южную Корею, по документам в нем значились нити для шитья. При осмотре контейнера было обнаружено нарушение целостности пломбы контейнера, после его вскрытия обнаружено 14 тонн эфедры [10]. Масштабы мирового товарообмена таковы, что сейчас таможенные органы не в состоянии проводить тщательное изучение морских судов. С учетом того, что морские порты России ежегодно наращивают товарооборот, прогнозируется осложнение ситуации. Мировое сообщество знает примеры, когда транзитные поставки наркотиков при использовании непосредственно населения страны-транзитера оказывали влияние на безопасность и стабильность страны в целом путем давления на правоохранительные органы и политическую систему [11, с. 8–9]. Тенденции распространения НС и ПВ в Российской Федерации говорят об использовании следующих морских акваторий: кокаин в основном поступает в Россию через Балтийские порты, опиаты – через порты Черноморского и Каспийского бассейнов, так называемые синтетические наркотики – через порты Дальневосточного морского бассейна.

На границах со странами Балтии и в Калининградской области ситуация характеризуется интенсивным перемещением небольших партий контрабанды наркотиков растительного и синтетического происхождения. Наблюдается увеличение поступления синтетических наркотиков в странах Балтии и Калининградской области. Кроме того, необходимо отметить тенденцию роста ввоза прекурсоров, используемых для изготовления НС и ПВ, в страны Балтии. В частности, Санкт-Петербургский морской порт является северным узлом маршрутов незаконного оборота наркотиков, который может использоваться для доставки большого количества наркотиков в Европу с сокрытием в транспортных контейнерах. Данный маршрут также используется для транспортировки кокаина, предназначенного как для внутреннего рынка России, так и для транзита в европейские порты [12].

Отмечается значительная активизация наркотрафика синтетических наркотиков из Китайской народной республики (далее – КНР), в том числе морским транспортом. Основным наркоопасным направлением поступления синтетических наркотиков из-за рубежа являются города КНР, где находятся основные мощности китайской химической промышленности (Шицзячжуан, Сучжоу, Цзинчжоу, Шанхай) [13].

Значимым фактом оценки особенностей сложившейся обстановки является то, что все синтетические наркотики, перевозимые через таможенную границу Таможенного союза, приобретаются через Интернет и впоследствии отправляются от производителя, расположенного в КНР, получателю в Российскую Федерацию. При этом необходимо отметить, что данные наркогруппировки, отвечающие за маршруты передвижения, состоят из граждан нескольких стран.

Наркотоорговцы используют морской транспорт для контрабанды из КНР гашиша для распространения его членам рыбодобывающих и рыбообрабатывающих судов прямо в открытом море. Типичный маршрут данных судов: РФ – КНР – Республика Корея – Япония – Малайзия – КНР. Схема движения указывает на то, что члены экипажей приемотранспортных судов рыбопромыслового флота нашли способ обогащения, не нарушая при этом законодательство Российской Федерации по противодействию незаконному обороту наркотиков, так как сбыт наркотических средств, приобретенных в КНР, совершается без захода в российские порты.

С учетом осуществляемых маршрутов, основную угрозу для поставок наркотических средств в порты Дальневосточного морского бассейна составляют следующие направления:

- из стран Юго-Восточной Азии (КНР, Королевство Таиланд) в Российскую Федерацию;
- из Российской Федерации в страны Юго-Восточной Азии (возможен незаконный вывоз подконтрольных веществ, предназначенных для личного употребления).

В настоящее время оценить объемы поставок «китайского наркотрафика» не представляется возможным в силу того, что синтетические наркотики практически не поставляются, осуществляются поставки прекурсоров, уже подготовленных и расфасованных для изготовления НС и ПВ в домашних условиях.

Кроме китайского направления, существуют и активно развиваются поставки из Туркменистана через Каспийский порт Туркменбаши, из которого наркотики поставляются в Азербайджан и Россию. В связи со сложившейся логистической ситуацией наркогруппировки рассматривают порты как единственное стабильное направление и перебрасывают замаскированные в товаре и в морских судах партии.

В Туркменской транспортной системе морская отрасль занимает значимое место в обеспечении экспортно-импортных отношений. Из порта Туркменбаши наиболее интенсивное судовое движение осуществляется в порты Баку и Махачкалы. Довольно значительный туркменский грузопоток проходит транзитом через территорию Российской Федерации и через территорию Азербайджана. Комитет ООН по вопросам разоружения и международной безопасности неоднократно в своих докладах уделял внимание Азербайджану, как основной перевалочной базе афганских наркотиков. Для этой республики транзитные перевозки товаров являются стратегически важной составляющей государственной экономической политики, что активно используют наркогруппировки [14, с. 16].

Характерно, что все крупные контрабандные поставки наркотических средств организованы наркогруппировками, в состав которых входили лица азербайджанской национальности, принявшие российское гражданство. В министерстве национальной безопасности Азербайджана и в комитете ООН полагают, что российская наркомафия в значительной степени контролируется этническими азербайджанцами. Аналогичная информация содержится во всемирном докладе о наркотиках, где Азербайджан упоминается как государство-транзитер героина из Исламской Республики Иран. В докладе говорится о следующем маршруте: героин из Ирана транспортируется в Азербайджан, далее через Черное море в Украину, а затем по суше маршрут разделяется – наркотики уходят либо в Российскую Федерацию, либо через Республику Молдова доставляются в Румынию для дальнейшей перевозки по восточному ответвлению Балканского маршрута в Западную Европу [15]. Этому способствуют исторически сложившиеся отношения, родственные и этнические связи, особый режим пересечения границы и ведение совместной внешнеэкономической деятельности, что позволило трансграничным преступным наркосообществам обратить все эти условия в свою пользу.

Для борьбы с контрабандой необходимо знать способы совершения данных преступлений, исходя из двух основных ситуаций:

1. Капитан или члены экипажа осведомлены о контрабандном грузе.
2. Экипаж морского судна – контрабандист поневоле.

Рассмотрим способы совершения преступлений при первой ситуации. Анализ преступлений, связанных с незаконным оборотом в морских бассейнах, позволяет выделить комплекс методов и приемов, используемых при совершении преступлений на этих объектах:

1.1. Доставка НС и ПВ напрямую из морского порта. Доставка наркотиков с берега на суда (пассажирские, транспортные, рыболовные, исследовательские и т. д.), находящиеся в порту или входящие и выходящие из него. Для наркоторговца характерен наем курьера из членов экипажа или пассажиров морского судна. Курьер получает материальное вознаграждение за будущую или уже выполненную работу, его задача – занести наркотики на корабль, спрятать их, доставить до места назначения и вывезти с корабля. Более того, если член экипажа выступает в качестве курьера, у него больше вариантов, чем у пассажира. Курьер из числа членов экипажа имеет легкий доступ к местам, где удобно прятать наркотики (трюмы, цистерны с балластом, цистерны с топливом, различные склады и т. д.).

1.2. Поставка НС и ПВ в обход морского порта. Доставка НС и ПВ на суда или их выгрузка за пределами порта, вблизи побережья (внутренние воды, территориальное море) с использованием небольших самоходных и несамоходных судов (сооружений), с небольших

самолетов или других летательных аппаратов путем сброса контейнеров, оборудованных маяком. В дальнейшем происходит подъем контейнеров на борт в специально отведенных местах или в местах, где сработал маяк.

1.3. Поставка НС и ПВ через «перегрузку». Передача наркотиков между судами вдали от побережья путем швартовки друг друга и передачи партий наркотиков. Сбыт и передача НС и ПВ в открытом море происходят в момент поставки на борт, как правило, рыбоперерабатывающих судов продуктов питания и забора готовой рыбопродукции.

В таких странах-производителях кокаина, как Колумбия, Эквадор и Венесуэла, для перевозки наркотических средств чаще всего используются контейнеровозы и рыболовные суда. Очень часто используется следующая схема: судно принимает груз в нейтральных водах с так называемых полупогружающихся судов, представляющих из себя низкосидящие лодки длиной до 25 метров, надводная часть которых выступает над поверхностью на высоту не более 40 сантиметров, с экипажем от 2 до 4 человек. Такие суда могут брать на борт до 10 тонн груза. Данная лодка имеет ряд преимуществ: маневренность, низкая посадка и устройства к быстрому затоплению, малый расход топлива. Материал судна приближен к материалу, из которого созданы конструкции-«невидимки», что делает его практически неуязвимым для судов береговой охраны и пограничников.

При второй ситуации экипаж становится невольным участником контрабанды. Приведем лишь некоторые способы совершения преступления в этом случае:

2.1. Один из пассажиров заносит на судно багаж с наркотиками, прячет в укромное место, после чего сходит на берег, а в следующем ближайшем порту другое лицо входит под видом этого пассажира и выносит «багаж» в нужном ему порту (самый редко используемый способ).

2.2. При загрузке продуктов стивидорными компаниями или при мелком ремонте обслуживающим персоналом.

2.3. Путем помещения груза с легальным товаром, внутри которого спрятаны НС и ПВ.

2.4. Размещение НС и ПВ вне зоны видимости экипажа: снаружи судна возле руля или в нижней части корпуса судна.

2.5. Проникновение на судно при его движении (как правило при прохождении каналов в ночное время) и размещение НС и ПВ среди легального груза.

Таким образом, знание способа и маршрутов перемещения наркотических средств позволит правоохранительным органам разработать алгоритм действий по обнаружению и выявлению НС и ПВ как на судах, так и в морских портах, а также позволит членам экипажей более тщательно следить за судном, чтобы не стать жертвой преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков.

Проведенное исследование проблем использования морского транспорта и инфраструктуры международных портов в наркотрафике позволяет прийти к следующим выводам:

- интенсивное развитие морского транспорта значительно упрощает поставки наркотиков;

- каналы переброски всегда интегрированы в существующие или создающиеся транспортные магистрали, при этом наблюдается постоянное совершенствование способов транспортировки наркотиков.

Литература

1. Дроздова М. А. Международно-правовые аспекты предотвращения незаконного оборота наркотиков : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 194 с.

2. Калачев Б. Ф. Наркотерроризм как криминально-политическое явление. Его связь с наркобизнесом и организованной преступностью // Россия, XXI век – антитеррор : материалы Междунар. науч.-практ. конференции, 9–10 ноября 2000. М. : МВД России, 2000. С. 141–144.

3. Ромашев Ю. С., Корбут Л. В. Незаконный оборот наркотиков на море и борьба с ним. // Организованная преступность, терроризм и коррупция : криминолог. ежеквартал. альм. М. : Юристь, 2003. Вып. 4. С. 53–70.
4. Дзюба Р. Г. Совершенствование законодательства о Государственной границе в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации в пограничной сфере в условиях развития морской экономической деятельности // Военное право. 2015. № 1 (33). С. 76–91.
5. Статистика и аналитика // МВД : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 10.05.2019).
6. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2017 год. URL: <https://www.incb.org/documents/Publications/> (дата обращения: 11.06.2019).
7. Efthymios D., Papastavridis Crimes at Sea: A Law of the Sea Perspective. URL: <https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/380717654.pdf> (дата обращения: 11.06.2019).
8. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 г.) // Сб. междунар. договоров СССР и Рос. Федерации. Вып. XLVII. М., 1994, с. 133.
9. Charles R. Fritch. Drug Smuggling on the High Seas: Using International Legal Principles to Establish Jurisdiction Over the Illicit Narcotics Trade and the Ninth Circuit's Unnecessary Nexus Requirement. URL: http://openscholarship.wustl.edu/law_globalstudies/vol8/iss4/5 (дата обращения: 11.06.2019).
10. Архив Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу. Уголовное дело № 400124.
11. Губайдуллина М. Ш., Юрченко А. Ю. Маршрутизация наркотрафика «Северный» и «Каспийский» в проблематике региональной угрозы безопасности // Вестн. КазНУ. 2016. № 1 (73). С. 8–18.
12. Eventon R., Bewley-Taylor D. An overview of recent changes in cocaine trafficking routes into Europe : background paper commissioned by the EMCDDA for the 2016 EU Drug Markets Report. URL: <http://www.emcdda.europa.eu/system/files/publications/> (дата обращения: 11.06.2019).
13. Михайлова Л. В. Наркотрафик: проблематика и пути противодействия (анализ наркотических угроз применительно к Дальневосточному федеральному округу) // Актуал. проблемы противодействия наркотрафику на современ. этапе : материалы Междунар. науч.-практ. семинара, 6 апреля 2018 г. / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. С. 47–52.
14. Основные тенденции наркотрафика с использованием инфраструктуры международных портов, расположенных в акваториях Каспийского и Азово-Черноморского бассейнов / под ред. В. А. Овечкина. М. : ФСКН России, 2012. 29 с.
15. World drug report 2018. URL: https://www.unodc.org/wdr2018/prelaunch/WDR18_Booklet_3_DRUG_MARKETS (дата обращения: 11.06.2019).

**ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ
В ЦЕЛЯХ ИЗЪЯТИЯ У ПОТЕРПЕВШЕГО ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ**

**ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR HUMAN TRAFFICKING
FOR PURPOSE OF VICTIM'S ORGANS AND TISSUES REMOVAL**

В статье рассмотрено содержание цели использования органов и тканей потерпевшего как квалифицирующего признака торговли людьми. Отмечена спорность действующей редакции статьи 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации с точки зрения принципов уголовного права и уголовной политики, предложены пути ее дальнейшего совершенствования.

The paper is devoted to an analysis of the purpose of the victim's organs and tissues removal as an aggravating factor of trafficking in human beings. Disputability of the current wording of Article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of the fundamental principles of criminal law and criminal policy is noted. Possible ways of its further improvement are proposed.

Ключевые слова: торговля людьми, изъятие органов и тканей человека, незаконная трансплантация, принудительная беременность, суррогатное материнство, эксплуатация.

Keywords: human trafficking, human organs and tissues removal, illegal transplantation, forced pregnancy, surrogacy, exploitation.

За пятнадцать лет своего существования в российском уголовном законодательстве норма, криминализирующая торговлю людьми, подвергалась неоднократным изменениям, которые затрагивали как основной, так и квалифицированные составы данного преступления. На первый взгляд, эти реформы не коснулись п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, предусматривающего ответственность за торговлю людьми в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей. Между тем первоначальная редакция примечания 2 к ст. 127.1 УК РФ определяла эксплуатацию человека как использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние, а равно изъятие его органов или тканей. Поскольку данное примечание органически связано с ч. 1 ст. 127.1 УК РФ, изъятие органов или тканей потерпевшего оказывалось одновременно и криминообразующим, и квалифицирующим признаком, что можно рассматривать как двойной учет, а стало быть, нарушение принципа справедливости.

Попыткой исправить этот дефект юридической техники стало принятие Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ, в соответствии с которым, в частности, было исключено указание на изъятие органов или тканей как на одну из форм эксплуатации человека. Однако данную новеллу едва ли можно признать удачной: в литературе справедливо отмечалось, что куда логичнее было бы исключить эту цель из числа квалифицирующих признаков торговли людьми, а не из понятия эксплуатации как цели в рамках основного состава анализируемого преступления [1, с. 106–107; 2, с. 72]. Обоснование данного тезиса, на наш взгляд, можно свести к трем основным аргументам:

1. Торговля людьми относится к числу так называемых конвенционных преступлений: криминализация образующих ее деяний во многих странах (включая Россию) осуществлялась в порядке имплементации в национальное уголовное законодательство норм международных договоров о противодействии данному явлению. Согласно п. «а» ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организован-

ной преступности [3], который Российская Федерация подписала и ратифицировала, эксплуатация как цель торговли людьми включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов. Стало быть, отказ от признания изъятия органов и тканей человека разновидностью эксплуатации прямо противоречит нормам международного права, являющимся составной частью российской правовой системы. Заметим также, что «протокольное» определение анализируемого криминального феномена воспроизведено в ст. 4 Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми, принятой в Варшаве 16 мая 2005 г. [4]. Российская Федерация в данном договоре не участвует, однако анализ его положений позволяет утверждать, что европейским и мировым сообществами выработаны общепринятые подходы к пониманию криминальной эксплуатации как феномена, включающего в себя изъятие органов, и что позиция российского законодателя этим подходам явно не соответствует.

2. Квалифицированный состав преступления имеет место лишь при наличии всех признаков основного состава. В этой связи многие авторы, исследовавшие вопросы уголовной ответственности за торговлю людьми, отмечали фактическую неприменимость п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, поскольку для его вменения необходимо установить две цели – и эксплуатацию в том виде, в каком она сформулирована с учетом изменений 2004 г. (криминообразующий признак), и изъятие органов или тканей (квалифицирующий признак). Иными словами, торговцы людьми должны намереваться сначала использовать человека для сексуальной эксплуатации, рабского труда или подневольного состояния и только затем – изъять у него органы или ткани [5, с. 21; 6, с. 98; 7, с. 4].

Подчеркнем, что речь в обоих случаях идет лишь о целях (намерениях), но не об их фактическом осуществлении. Поэтому неточным представляется мнение М. Ю. Буряк, которая полагает, что «преступным будет считаться только изъятие органов или тканей у потерпевшего, например, проданного для сексуальной эксплуатации. Если же лицо эксплуатации подвергнуто не было, действия преступников могут быть квалифицированы лишь по ст. 120 УК РФ..., а торговля людьми вменяться не будет» [1, с. 106]. По смыслу закона торговля людьми имеет место независимо от того, удалось ли виновным достичь цели эксплуатации, ибо сама эксплуатация находится за рамками анализируемого состава и всегда требует дополнительной квалификации по ст. 105, 111, 112, 115, 127.2, 240–242.1 УК РФ и др. Статья 120 УК РФ применяется лишь в тех случаях, когда потенциальный донор – жертва торговли людьми – принуждался к даче согласия на изъятие у него тех или иных частей тела; если же изъятие произведено без попыток добиться такого согласия, осуждение по данной статье исключается.

Наконец, вызывает возражения предлагаемая М. Ю. Буряк квалификация действий лиц, виновных в торговле людьми, в целях изъятия органов (тканей), по п. «а» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ [1, с. 106]: тяжкие последствия, о которых идет речь в данном пункте, должны быть причинены по неосторожности, тогда как изъятие органов (тканей) представляет собой причинение вреда здоровью с прямым умыслом. Предпринимаемые отдельными (в том числе весьма авторитетными) учеными попытки доказать, будто бы упомянутая в п. «а» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ неосторожная форма вины относится только к первому квалифицирующему последствию (смерти), а в отношении остальных тяжких последствий возможны как неосторожность, так и умысел [8, с. 159–160], не представляются убедительными. Во-первых, это противоречит буквальному грамматическому толкованию анализируемой нормы. Во-вторых, налицо уравнивание ответственности за умышленное и неосторожное причинение вреда. В-третьих, игнорируется тот факт, что умышленно наносимые тяжкие телесные повреждения едва ли могут быть функционально связаны с действиями по торговле людьми, а потому полностью снимается проблема кажущейся критикуемым нами авторам несправедливости: хотя действия лиц, умышленно причинивших жертве торговли людьми тяжкий вред здоровью, и будут квалифицированы по ч. 2 или даже ч. 1, а не по ч. 3 ст. 127.1 УК РФ, это никак

не повлечет смягчения их ответственности, ибо посягательство на здоровье человека будет вменено им дополнительно по правилам реальной совокупности.

Следует отметить, что приведенные работы М. Ю. Буряк, И. Д. Измайловой, Ф. Н. Кадникова написаны до принятия Федерального закона от 25 ноября 2008 г. № 218-ФЗ, в соответствии с которым цель эксплуатации была оставлена в качестве обязательного признака не всех действий, составляющих торговлю людьми, а лишь вербовки, перевозки, передачи, укрывательства и получения. Соответственно, купля-продажа человека и иные сделки в отношении него наказуемы теперь сами по себе, независимо от субъективных устремлений «контрагентов», так что проблема «двойной цели» на сегодняшний день не столь актуальна, как раньше. При этом не должно возникать сложностей с привлечением к уголовной ответственности вербовщиков, перевозчиков, передатчиков, укрывателей и получателей при отсутствии (недоказанности) у них «эксплуаторских» целей: содеянное в таких случаях должно оцениваться по общим правилам о соучастии в преступлении (ст. 33 УК РФ).

3. Вряд ли можно согласиться с утверждением, будто торговля людьми в целях изъятия органов и тканей представляет повышенную общественную опасность в сравнении с остальными случаями сделок в отношении человека [5, с. 10, 21]. Приверженцы подобных взглядов исходят из того, что «изъятие органов и тканей прежде всего связано с причинением вреда здоровью, а не с использованием человеческих возможностей» [9, с. 77]. Это, конечно, так, однако систематическое толкование уголовного закона заставляет усомниться в убедительности данного аргумента. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов и тканей (едва ли не «крайнее» последствие для этой формы эксплуатации) наказывается максимум двенадцатью годами лишения свободы (если оно совершено организованной группой), в то время как за особо квалифицированные виды использования рабского труда и использование несовершеннолетних в целях изготовления порнографических материалов законодатель установил более строгую санкцию – от восьми до пятнадцати лет лишения свободы. А если изъятие органов и тканей не признаётся самой тяжкой формой преступной эксплуатации человека, то и создание условий для такой эксплуатации не должно считаться самой опасной разновидностью торговли людьми.

В литературе предложено два пути устранения данного несоответствия: либо исключить цель изъятия органов и тканей человека из числа квалифицирующих признаков торговли людьми, одновременно закрепив ее в качестве одной из форм эксплуатации (получения выгоды) в рамках ч. 1 ст. 127.1 [2, с. 38–44], либо признать квалифицирующим признаком торговли людьми любую эксплуатацию, включая извлечение органов и тканей [7, с. 19]. Полагаем, что первый подход ближе к истине, нежели второй. Хотя действия по торговле людьми вполне могут быть совершены и без цели эксплуатации [10, с. 60–61], в подавляющем большинстве подобного рода преступлений такая цель все же присутствует, а потому едва ли можно говорить о том, что общественная опасность «эксплуаторской» торговли людьми выше средней для данной категории противоправных деяний. С учетом вышесказанного представляется целесообразным вообще исключить из ст. 127.1 УК РФ упоминание всякой эксплуатации, помня о том, что последняя в случае ее фактического осуществления получит самостоятельную уголовно-правовую оценку.

Так или иначе, на сегодняшний день критикуемый нами квалифицирующий признак закреплен в ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, в связи с чем требуется обеспечить его единообразное применение на практике, а стало быть – установить его точное содержание, исключив любую возможность превратного толкования.

В западной литературе понятие извлечения органов зачастую сводится к их пересадке [11–12]. Это неудивительно, если учесть, что именно задачами борьбы с нелегальной трансплантацией руководствовались разработчики Палермского протокола и Варшавской конвенции, включая извлечение органов в понятие эксплуатации; при этом они исходили из принципиальной недопустимости того, чтобы части человеческого тела служили целям извлечения финансовой выгоды [4, с. 70–71; 13, с. 315–329]. В России же в основном возобладал

широкий подход, согласно которому изъятие у потерпевшего органов и тканей может быть связано не только с трансплантацией, но и с использованием их в промышленных целях (при изготовлении лекарственных препаратов, косметики и т. п.), для медицинских и прочих научных опытов и экспериментов, в ритуальных (окультистских) обрядах, а равно с такими мотивами и целями, как каннибализм, садизм, половой фетишизм, коллекционирование и проч. [1, с. 112; 2, с. 71; 6, с. 104; 14, с. 27; 15, с. 47; 16, с. 129; 17, с. 36–37]. В целом такая тенденция заслуживает одобрения, однако совершенно неприемлемы попытки под видом широкого толкования данного квалифицирующего обстоятельства протащить применение уголовного закона по аналогии, основанное на грубой подмене понятий.

Так, одно лишь недоумение вызывают следующие рассуждения Е. Б. Мизулиной: «По своему содержанию изъятие органов или тканей человека есть не что иное, как эксплуатация физиологических параметров человека, которая может заключаться также, например, в принудительном использовании женщины в качестве суррогатной матери. Пункт «g» ч. 1 ст. 7 Римского статута международного уголовного суда предусматривает и такой вид сексуальной эксплуатации физиологических параметров человека, как принудительная беременность. В примечании 2 к ст. 127.1 УК РФ ни принудительное использование женщины в качестве суррогатной матери, ни принудительная беременность не выделены в качестве самостоятельных видов эксплуатации, так как они во всяком случае связаны с применением насилия в отношении женщины и должны квалифицироваться по п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ» [18, с. 182–183]. Болезненное отношение определенной части нашего общества к суррогатному материнству общеизвестно. Однако неготовность некоторых деятелей и деятельниц принять вполне легитимный (а в свете ст. 51 и 52 СК РФ – и совершенно легальный) способ реализации естественного права человека на воспроизводство потомства никоим образом не оправдывает их призывов действовать вопреки закону и здравому смыслу.

Во-первых, в п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ говорится не об «эксплуатации физиологических параметров человека» вообще, а об одном-единственном частном случае такой эксплуатации – изъятии органов и тканей.

Во-вторых, остается загадкой, как Е. Б. Мизулиной удалось вывести применимость п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 к случаям суррогатного материнства (принудительной беременности) из насильственного характера таких действий – логичнее уж было бы говорить о п. «е» той же части.

В-третьих, непонятно, при чем тут вообще ст. 7 Римского статута: речь там идет вовсе не о торговле людьми, а о преступлениях против человечности, которые в качестве обязательного признака содержат так называемый контекстный элемент, означающий, что лежащие в основе их действия (в том числе и порабощение) совершаются в рамках широкомасштабных или систематических нападений на любых гражданских лиц. Этот контекстный элемент отнюдь не обязателен для преступления торговли людьми как такового, а потому учет данной нормы при квалификации преступлений по ст. 127.1 УК РФ не соответствует ее целям.

Более того, принудительная беременность в цитируемом Е. Б. Мизулиной пункте отнесена не к «эксплуатации физиологических параметров», а к формам сексуального насилия, что само по себе странно, если учесть, что данное деяние, согласно п. «f» ч. 2 той же самой ст. 7 Римского статута, совершается «с целью изменения этнического состава какого-либо населения или совершения иных серьезных нарушений международного права», т. е. не (обязательно) направлено на удовлетворение половой страсти и может быть вообще не сопряжено с какими бы то ни было действиями сексуального характера (например, при экстракорпоральном оплодотворении), но это уже на совести разработчиков Статута.

Наконец, Российская Федерация вообще не участвует во всей этой истории с псевдоуниверсальным уголовным правосудием: вышеназванный Римский статут ею так и не был ратифицирован, а потому содержащиеся в нем нормы не являются частью нашей правовой системы.

Позиция Е. Б. Мизулиной становится еще менее понятной, когда буквально через несколько страниц в той же самой монографии лапидарно констатируется: «Торговля людьми

в целях изъятия у потерпевших органов или тканей (п. «ж» ч. 2 ст. 127.1) предполагает, что потерпевший будет использован в качестве донора» [18, с. 187].

На грани аналогии уголовного закона находится и рекомендация Г. В. Овчинниковой квалифицировать по п. «ж» и «з» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ случаи, «когда за рубеж специально продаются беременные женщины с ранними сроками беременности для получения биологического материала – абортируемого плода (массы) в целях выделения стволовых клеток, которые в значительном количестве содержит этот биоматериал» [19, с. 14]. Во-первых, понятие «биоматериал» весьма широкое и включает не только органы и ткани, но и клетки, биологические жидкости, секреты и т. п. Во-вторых, едва ли можно считать абортируемый плод биоматериалом потерпевшей (тем более – ее органами или тканями).

С учетом вышеизложенного полагаем, что в рамках действующего законодательства торговля людьми в целях принудительной беременности должна рассматриваться в качестве частного случая «неэксплуаторской» торговли людьми, не связанной с изъятием у потерпевшего органов или тканей, и (при отсутствии других квалифицирующих признаков) получать правовую оценку по ч. 1 ст. 127.1 УК РФ.

Литература

1. Буряк М. Ю. Торговля людьми и борьба с ней. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. 216 с.
2. Кургузкина Е. Б., Полянская Е. М. Уголовно-правовые и международные аспекты борьбы с использованием рабского труда и торговлей людьми. Воронеж : Воронеж. гос. аграр. ун-т, 2016. 130 с.
3. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности : принят Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН (Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2004. № 40. Ст. 3884.
4. Конвенция Совета Европы «О противодействии торговле людьми» и пояснительная записка к ней / пер. с англ. К. А. Бойченко. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. 148 с.
5. Измайлова И. Д. Уголовная ответственность за торговлю людьми : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
6. Кадников Ф. Н. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, связанных с торговлей людьми : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 243 с.
7. Кудашов А. Н. Уголовно-правовые проблемы трансплантации органов и тканей человека в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. 22 с.
8. Иногамова-Хегай Л. В. Закон, наука и практика по противодействию преступлениям против похищения человека и торговли людьми // Правовое содержание уголовного закона : материалы круглого стола к юбилею Ю. В. Голика. СПб. : Юридический центр, 2017. С. 150–163.
9. Зайдиева Д. Я. Ответственность за торговлю людьми // Бизнес в законе. 2006. № 3–4. С. 72–79.
10. Силаев С. А., Ковылов И. В. Криминообразующие признаки торговли людьми в международном и российском уголовном праве // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. и обществ. науки. 2018. № 1. С. 55–65.
11. De Jong J. Human trafficking for the purpose of organ removal. Utrecht : Utrecht University, 2017. 167 p.
12. López-Fraga M., Van Assche K., Domínguez-Gil B., Delmonico F.L., Capron A. M. Human trafficking for the purpose of organ removal // Routledge Handbook of Human Trafficking / R. Piotrowicz, C. Rijken, B.H. Uhl (eds.). London : Routledge, 2018. P. 120–134.

13. McClean D. Transnational Organized Crime: A Commentary on the UN Convention and its Protocols. N.Y. : Oxford University Press, 2009. LVIII. 512 p.
14. Громов С. В. Уголовно-правовая характеристика торговли людьми и использования рабского труда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.
15. Дворкин А. И., Торбин Ю. Г., Смирнов Г. К., Кадырова А. Г. Торговля людьми в Российской Федерации: квалификация, предупреждение, расследование. М. : Юристъ, 2007. 294 с.
16. Жинкин А. А. Борьба с торговлей людьми и рабством: история и современность. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010. 226 с.
17. Чекмезова Е. И., Пестерева Ю. С. Торговля людьми: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Омск : Омск. юрид. акад., 2016. 96 с.
18. Мизулина Е. Б. Торговля людьми и рабство в России: междунар.-правовой аспект. М. : Юристъ, 2006. 591 с.
19. Овчинникова Г. В. Изменения и дополнения уголовного законодательства о торговле людьми // Криминалисть. 2009. № 2. С. 11–14.

Слободенюк М. А.
Slobodenyuk M. A.

**ПОНЯТИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ И МОЛОДЕЖЬЮ
ПО МОТИВУ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕНАВИСТИ**

**CONCEPT OF VIOLENT CRIMES COMMITTED BY MINORS
AND YOUNG ADULTS MOTIVATED BY NATIONAL HATRED**

В статье определено понятие «насильственные преступления, совершенные несовершеннолетними и молодежью по мотиву национальной ненависти», которое рассматривается как умышленные противозаконные общественно опасные действия лиц в возрасте от 14 до 30 лет, направленные на причинение физического и психического вреда организму другого человека (группе людей) против или помимо его воли, вызванные предубеждением в отношении видимых признаков принадлежности к другой национальности. Выявлены проблемы толкования терминов «насилие», «криминальное насилие» и «преступное насилие». Автор обращает внимание на специфику преступного насилия несовершеннолетних и молодежи, мотивированных национальной ненавистью.

The article defines the concept of violent crimes committed by minors and young adults motivated by national hatred. The concept is thought of as deliberate illegal socially dangerous actions of persons aged from 14 up to 30 years, intended to inflict physical and psychological harm on another person (or group of people), against their will, caused by prejudice concerning visible signs of belonging to other nationality. Problems of interpretation of the terms “violence”, “maleficent violence” and “criminal violence” are revealed. The author pays attention to specifics of criminal violence of the minors and young adults motivated by national hatred.

Ключевые слова: насилие, насильственные преступления, несовершеннолетние, молодежь, национальная ненависть, мотив национальной ненависти.

Keywords: violence, violent crimes, minors, young adults, national hatred, motive of national hatred.

Изучению разных аспектов криминального насилия, мотивов насильственных преступлений и личности насильственного преступника посвятили свои работы многие ученые всего мира. Тем не менее до настоящего времени не было выработано единого понимания того, что же представляет собой криминальное насилие среди несовершеннолетних и молодежи, совершенное по мотиву национальной ненависти.

Для начала обратимся к букве закона. Примечательно, что в Уголовном кодексе Российской Федерации понятие «насилие» не раскрывается, хотя в ряде его статей (14 статей УК РФ) оно уточняется как опасное или неопасное для жизни или здоровья (9 статей УК РФ), что требует дополнительного пояснения. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» под насилием, неопасным для жизни или здоровья, законодатель понимает побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.). Под насилием, опасным для жизни или здоровья, подразумевается насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату

общей трудоспособности [1]. При этом под вредом здоровью понимают нарушение анатомической целостности органов и тканей или их физиологических функций, а также заболевания или патологические состояния, возникшие в результате внешнего воздействия [2, с. 4]. Кроме того, в уголовном законе в полной мере не определены, но заявлены насильственные способы совершения преступления: жестокость, издевательство, мучения (ст. 63, 107, 111–113, 302, 335 УК РФ), насильственные действия (ст. 116, 117, 132, 278, 296, 334 УК РФ), садистские методы и садизм (ст. 63, ч. 1 ст. 245 УК РФ), побои (ст. 116, 117 УК РФ), пытка (ст. 117, 302 УК РФ), принуждение и угроза насилием [3].

Изученная по 120 уголовным делам судебная практика показала, что все эти способы в том или ином виде применялись несовершеннолетними и молодежью, совершившими насильственные преступления по мотиву национальной ненависти. Среди материалов уголовных дел часто встречаются случаи хулиганства с применением насилия (19,5 %), на втором месте находятся причинение побоев по мотиву национальной ненависти (17,2 %) и угроза убийством в связи с ненавистью, вызванной предубеждением в отношении видимых признаков принадлежности к другой национальности (17,2 %) [4]. Так, например, 05 октября 2013 г. в Нижнем Тагиле лица, обладающие ярко выраженной кавказской внешностью, вступили в массовую драку с лицами славянской наружности. По данному факту Следственным комитетом Российской Федерации возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 213 УК РФ (хулиганство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, по мотиву национальной ненависти) [4]. Участники снимали произошедшее на видеокамеру, при этом подвергали потерпевшую сторону оскорблениям, грубому обращению, физическому и психическому насилию, проявляли нетерпимость по национальному признаку.

Большое количество преступлений также приходится на причинение тяжкого вреда здоровью (14,4 %), нередки и случаи убийства по мотиву национальной ненависти (10,3 %). В одном из своих выступлений Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин заявил, что большинство таких преступлений совершается именно несовершеннолетними, потому что их сознание «отравлено» националистической пропагандой [5].

Таким образом, к насилию в широком смысле можно отнести все вспышки агрессии, ставящие под угрозу основы человеческого бытия в различных областях социальной жизни [6, с. 105]. При этом оно рассматривается с самых различных позиций, суть которых при обобщении сводится к пониманию насилия как принудительного незаконного применения силы. Данный широкий взгляд может быть приемлем для рассмотрения значительного круга общественных отношений, начиная от угрозы военных действий, заканчивая проблемами экономических санкций и т. д. Однако все виды насилия можно объединить в рамках единого общего понятия – социальное насилие, которое связано с существующими в обществе противоречиями и групповыми конфликтами [7].

В основу любого насилия заложена агрессия (от лат. *aggredere* – нападать) – это индивидуальное или групповое поведение, направленное на причинение психического, физического или материального вреда себе, другим людям или обществу, но это определение подходит для широкого круга различных явлений: от словесных оскорблений до мировых войн [8, с. 9]. С точки зрения криминологии более предметно будет дополнить понимание агрессии признаками умышленного и противоправного воздействия, таким образом мы отграничиваем криминальную агрессию от других ее видов, например, спортивной, защитной и т. д. [9]. Следовательно, и насилие как таковое не всегда является общественно опасным, поэтому необходимо отграничивать криминальное насилие от других его видов (политического, экономического, военного, социального, воспитательного и др.), принятых в обществе [10, с. 51].

Таким образом, можно предположить, что применение насилия с точки зрения общественно опасных последствий не всегда несет негативный эффект: оно также может быть общественно нейтральным (защита лица, вынужденного отражать нападение) или даже общественно полезным (реализация мер уголовно-процессуального, административного, уголовно-исполнительного принуждения).

Несмотря на то, что в науке пока не выработано единое определение насилия, существует общая точка зрения на существенные признаки криминального насилия: под криминальным насилием понимается преступное посягательство, при котором причиняется физический и психический вред личности для достижения антиобщественной цели [11]. Р. Д. Шарапов уточняет это определение так: криминальное насилие – это не просто преступное посягательство на личную безопасность человека в виде умышленного противоправного причинения физического или психического вреда потерпевшему, а только то посягательство, которое осуществляется вопреки его воле путем энергетического или информационного воздействия на его организм [2, с. 4]. И. С. Скифский также дает широкое определение криминального насилия как умышленного деяния, выражающегося в принуждении личности к действиям, противоречащим ее желаниям, с целью причинения личности психологического и физического вреда, а также материального и иного ущерба [12, с. 20].

Итак, криминальное насилие – это умышленное, противозаконное, общественно опасное, физическое и психическое внешнее воздействие (механическое, физическое, химическое, биологическое, информационное, эмоциональное), осуществляемое на органы, ткани, психологические или физиологические функции организма другого человека, причиняющее человеку физический и психический вред (смерть, вред здоровью, физическую боль, страдания, утрату физической свободы), осуществляемое против воли человека [13].

Необходимо также различать физическое и психическое криминальное насилие. Физическое насилие в этом смысле выражается в умышленном, общественно опасном и противозаконном физическом воздействии на жертву, вызывающим болевые ощущения и причиняющим физический вред здоровью, вплоть до лишения жизни человека. При этом способы совершения такого насилия среди несовершеннолетних и молодежи отличаются значительным разнообразием: нанесение побоев, толкание с горы, заламывание рук, прижигание, проведение болевых приемов, связывание, сбивание с ног и др. [7]. Описанные способы физического криминального насилия относятся к действию как одной из форм преступного деяния, но закономерно возникает вопрос о том, возможно ли совершение физического насилия путем бездействия. Ведь именно запугивание, демонстрация своего превосходства, а также угроза физической расправой являются наиболее распространенным способом психического криминального насилия среди несовершеннолетних и молодежи, мотивированных национальной ненавистью. В данном аспекте согласимся с рядом авторов (М. В. Кроз, Н. А. Ратинова, О. Р. Онищенко), что психическое криминальное насилие представляет собой неправомерное причинение психического вреда потерпевшему через насильственное психологическое воздействие, которое необходимо отличать от принуждения и понуждения [14, с. 46].

Согласно точке зрения А. А. Пионтковского, насильственное психологическое воздействие на личность заключается в понуждении к действиям против ее воли [15]. Понуждение в то же время отличается от принуждения тем, что первое достигается посредством угроз, которые не подавляют волю потерпевшего, а лишь склоняют его к определенным действиям в пользу преступника [16, с. 47]. Еще один способ криминального насилия – это угроза жизни и здоровью потерпевших. Этот способ психического воздействия часто применяется среди несовершеннолетних и молодежи, мотивированных национальной ненавистью, и непосредственно содержит психотравмирующую информацию, вызывающую страдания и страх у потерпевших [17, с. 45–47]. С этим также согласен Р. Д. Шарапов, который считает, что причинение физического вреда возможно через информационное воздействие. Такое влияние оказывается на психику другого человека посредством передачи ему сведений, вызывающих стресс, тревогу, страх которые могут сопровождаться психосоматическими расстройствами. Поэтому причинение физического вреда путем психического воздействия на потерпевшего следует считать одной из разновидностей физического насилия [2, с. 3].

Обратим внимание, что цель психологического воздействия при криминальном насилии должна заключаться в причинении страдания потерпевшему, т. е. в случае, если осуществляется угроза жизни и здоровью потерпевших для достижения иной цели (например,

корыстной), речь идет об инструментальном насилии. Соответственно, в узком смысле к насильственным преступлениям относятся только те деяния, где насилие составляет один из элементов преступной мотивации [18, с. 562].

В широком смысле совокупность всех деяний, характеризующихся использованием криминального насилия, образует собой насильственную преступность, ячейкой которой является насильственное преступление [19, с. 303]. Отметим, что насильственные преступления по мотиву национальной ненависти, как правило, совершаются с прямым умыслом, так как реализуют специальную цель преступника [20, с. 25].

Для насильственных преступлений свойственна особая внутренняя взаимосвязь, которая детерминирована социально-психологическими алгоритмами поведения, образующими комплекс негативных поведенческих процессов: агрессию, негативизм, пренебрежение к окружающим, самоутверждение за счет насилия над другими людьми [21, с. 92]. Особую роль в этом играет отчуждение личности, выражающееся в состоянии тревоги человека за свой биологический или социальный статус [22, с. 103].

Для молодежи в возрасте от 18 до 30 лет свойственны общие с несовершеннолетними особенности психологического развития [23, с. 89]. В большинстве приговоров по насильственным преступлениям, совершенным по мотиву национальной ненависти, в качестве смягчающего обстоятельства учитывался молодой возраст подсудимого, несмотря на достижение им возраста 18 лет. Молодые люди не соответствуют по зрелости своему физиологическому возрасту. В качестве основных причин такого поведения молодежи можно выделить:

- снижение роли воспитательной работы, осуществляемой в образовательных учреждениях и на предприятиях;
- активную пропаганду насилия в средствах массовой информации;
- низкий уровень доходов населения и т. д. [24].

Молодой человек, находящийся в неблагоприятной жизненной ситуации, с повышенной готовностью принимает групповые правила поведения и криминальную субкультуру, поэтому основой мотивации насильственных преступлений несовершеннолетних и молодежи служат не только индивидуальные биологические и социальные потребности, но и групповые [25]. Криминальные молодежные группировки имеют жесткую иерархичную структуру, которая направлена на реализацию криминальных целей банды, но непосредственным исполнителем при нападениях зачастую выступает младший по возрасту участник группировки.

В то же время встречаются случаи, когда мотив как элемент мотивации или же как средство достижения криминальной цели не всегда ясен самому преступнику [26, с. 291]. В данном случае речь идет о так называемом «мнимом» мотиве национальной ненависти, который служит не только в качестве оправдания низменных мотивов несовершеннолетних и молодежи, совершающих насильственные преступления, но и является основанием для объединения их в группу, так как появляется общность идей и целей. Подтверждением мнимости мотива служат случаи нападений на представителей той же национальности, что и нападавшие.

Обобщив все вышесказанное, можно заключить, что насильственные преступления, совершенные несовершеннолетними и молодежью по мотиву национальной ненависти – это умышленные противозаконные общественно опасные действия лиц в возрасте от 14 до 30 лет, направленные на причинение физического и психического вреда организму другого человека (группе людей) против или помимо его воли, вызванные предубеждением в отношении видимых признаков принадлежности к другой национальности. Насилие по мотиву национальной ненависти, особенно с участием несовершеннолетних и молодежи, вызывает напряженность социально-политической обстановки в стране, население находится в состоянии тревожности, повышается недоверие к правозащитникам, поэтому необходимо максимально точно понимать сущность и генезис данного негативного явления, так как именно от этого зависит не только качество среды воспитания нового поколения, но и национальная безопасность Российской Федерации.

Литература

1. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 6 февраля 2007 г. № 7, от 23 декабря 2010 г. № 31, от 3 марта 2015 г. № 9, от 24 мая 2016 г. № 23 и от 16 мая 2017 г. № 17) : постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 29 от 27 декабря 2002 г. URL: <http://legalacts.ru/> (дата обращения: 06.03.2019).
2. Шарапов Р. Д. Насилие как уголовно-правовая категория и его виды // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2006. № 1. С. 3.
3. Афанасьева О. Понятие и содержание криминального насилия. URL: <http://отрасли-права.рф/article/1560> (дата обращения: 06.03.2019).
4. Генеральная прокуратура Российской Федерации : официал. сайт. URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 21.01.2019).
5. Выступление Первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации Бастрыкина А. И. на расширенном заседании коллегии Следственного комитета при прокуратуре РФ. URL: <http://sledcom.ru/news/item/509752/> (дата обращения: 21.01.2019).
6. Жалинский А. Э. Насильственная преступность и уголовная политика // Государство и право. 1991. № 3. С. 105.
7. Абельцев С. Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. 2000. 207 с.
8. Жмуров Д. В. Криминальная агрессия подростков : моногр. Иркутск, 2007. С. 9.
9. Дышлевой А. Ю. Агрессия как форма противоправного сексуального поведения // Междунар. мед. журн. 2002. Т. 8, № 4. С. 69–72.
10. Насильственная преступность. / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М. : Спартак, 1997. С. 51.
11. Криминология : учеб. / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. СПб. : Питер, 2002. 432 с.
12. Скифский И. С. Объяснение и прогнозирование насильственной преступности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тюмень, 2006. С. 20.
13. Подгайный А. М. К понятию преступного насилия // Вестн. Ставропол. ин-та им. В. Д. Чурсина. Ставрополь. 2004. Вып. 3–4. С. 52–54.
14. Кроз М. В., Ратинова Н. А., Онищенко О. Р. Криминальное психологическое воздействие. М. : Юрлитинформ, 2008. С. 46.
15. Пионтковский А. А. Преступления против личности : учеб. пособие. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 135 с.
16. Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / под ред. С. П. Щерба М. : Юрлитинформ, 2002. С. 47.
17. Симонов В. И., Щукин В. Г. Преступное насилие: понятие, характеристика, квалификация насильственных посягательств на собственность : учеб. пособие по спецкурсу. Пермь : ПГУ, 1992. С. 45–47.
18. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М. : НОРМА, 2001. С. 562.
19. Криминология : учеб. М. : ВолтерсКлувер, 2005. С. 303.
20. Уголовное право России : учеб. для вузов. М., 2009. С. 25.
21. Шиханцов Г. Г. Криминология. М. : Изд-во Гревцова, 2009. С. 92.
22. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология : учеб. пособие. Томск : Томск. гос. ун-т, 2017. 284 с.
23. Антонян Ю. М., Гончарова М. В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. Сер.: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 89.

24. Попов В. О., Попова О. О. Причины и особенности экстремизма в молодежной среде. Меры противодействия молодежному экстремизму. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 04.03.2019).

25. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 1998. С. 11–12. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie20599.html> (дата обращения: 04.03.2019).

26. Ваулина А. А. К вопросу о некоторых проблемах подростковой преступности в современной России // Молодой ученый. 2019. № 4. С. 289–292.

*Шапов К. В.
Sharov K. V.*

**ТАКТИКА ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ**

**INTERROGATION METHODS OF VICTIMS AND WITNESSES
IN INVESTIGATION OF CRIMES RELATED
TO ILLEGAL ARMS TRAFFICKING**

Одной из основных задач при раскрытии преступлений является проведение следственно-оперативных мероприятий. Незаконный оборот оружия представляет серьезную опасность для общественного порядка, поэтому необходимо тщательное и объективное расследование с привлечением потерпевших и свидетелей.

В статье подробно рассмотрены тактика допроса и методы воздействия на потерпевших и свидетелей с целью получения достоверной информации относительно расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Доказана эффективность установления психологического контакта между следователем и допрашиваемым лицом для получения сведений, необходимых для раскрытия преступления.

One of the main tasks in the solving of crimes is to conduct investigative and operational activities. The illicit trafficking of arms poses a serious threat to public order, and a thorough and objective investigation involving victims and witnesses is therefore necessary.

The article describes in detail the tactics of interrogation and methods of influence on victims and witnesses to obtain reliable information on the investigated crimes related to illegal arms trafficking. Scientific novelty and relevance of the study are the effectiveness of establishing psychological contact between the investigator and the interrogated person for obtaining the necessary information as soon as possible.

Ключевые слова: оборот оружия, допрос, свидетели, получение информации.

Keywords: arms trafficking, interrogation, witnesses, obtaining information.

Одним из этапов расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, является допрос свидетелей и потерпевшего. С помощью грамотно проведенного допроса следователь может получить необходимую информацию по делу без искажения фактов. От выбранной тактики допроса потерпевших и свидетелей зависит итог расследования.

Цель исследования – выработка и построение тактики допроса потерпевшего и свидетеля при рассмотрении дел, связанных с незаконным оборотом оружия.

Автором при разработке темы акцентировано внимание на этапах допроса, важности установления психологического контакта с допрашиваемыми лицами.

В процессе написания статьи были использованы труды отечественных ученых: К. Н. Назаровой, А. И. Поповской, И. Г. Пятковой, а также нормы действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Наиболее распространенным следственным действием на сегодняшний день является допрос свидетелей. Данные действия регулируются нормами ст. 187–191 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1].

Под допросом подразумевается способ передачи информации, которая напрямую относится к материалам уголовного дела, включая передачу данных об иных причастных к делу лицах. Но не стоит забывать, что в момент допроса оказывается влияние на психическое

состояние допрашиваемого лица, а также на объективные и субъективные факторы, которые могут исказить или дополнять картину произошедшего.

Предметом допроса являются обстоятельства, которые относятся к установлению личности обвиняемой либо потерпевшей стороны, а также взаимоотношения, связывающие их со свидетелями.

Согласно ст. 56 УПК РФ, свидетелем является лицо, которому по тем или иным причинам известны либо могут быть известны любые обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний.

Нормы ст. 42 УПК РФ указывают на то, что потерпевшим является физическое лицо, которому в ходе преступления причинен физический, имущественный либо моральный вред. Решение о признании лица потерпевшим принимается незамедлительно либо после получения данных о нем.

Однако стоит учитывать специфику дел по незаконному обороту оружия и понимать, что данное преступление не предполагает потерпевшего как такового. Потерпевший появляется уже после того, как незаконно полученное оружие было применено.

Необходимо подчеркнуть, что допрос свидетеля и потерпевшего производится следователем на основании одних правил. Проведение допроса свидетелей и потерпевших не имеет существенных отличий, кроме предписания, которое касается первоочередного порядка допроса потерпевшего, а только затем свидетелей, при этом тактика допроса неизменна. Лицо, осуществляющее допрос, должно выяснить, знакомы ли потерпевший и свидетель, характер их взаимоотношений (дружеские или неприязненные, что послужило причиной таких отношений), а также являются ли они родственниками, сослуживцами или соседями [2, с. 11].

Таким образом, в процедуре допроса отсутствует четкая разница между допросом свидетеля и потерпевшего.

Согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства, допрос проводится по месту производства предварительного следствия, в крайнем случае – по месту нахождения допрашиваемого лица (дома, в больнице).

Допрос не может длиться более 4 часов. Продолжение допроса допускается после перерыва не менее чем на один час для отдыха и принятия пищи, причем общая продолжительность допроса в течение дня не должна превышать 8 часов. Также необходимо заключение врача, если допрашиваемое лицо находится в медицинском учреждении.

Вызов на допрос осуществляется повесткой, которая вручается лицу, вызываемому на допрос, под расписку либо передается с помощью средств связи.

В соответствии с криминалистической тактикой, допрос свидетеля и потерпевшего делится на 4 этапа:

1. Установление психологического контакта с допрашиваемым лицом.
2. Свободный рассказ допрашиваемого.
3. Постановка уточняющих вопросов.
4. Ознакомление свидетеля и потерпевшего с протоколом допроса и аудио-, видео-записью показаний.

В рамках первичного допроса свидетелей и потерпевших следует задавать наиболее подробные вопросы, так как в дальнейшем возможен их подкуп виновными лицами.

Допрос свидетеля относится к первоначальным следственным действиям, его следует производить в максимально короткие сроки после совершения деяния, так как для свидетеля данное событие, как правило, не имеет особого значения и быстро забывается. Необоснованная задержка проведения допроса ведет к потерям доказательной базы. Кроме того, заинтересованные в ложных показаниях лица способны путем шантажа, подкупа, использования дружбы со свидетелем отговорить его от дачи показаний.

Вопросы во время допроса направлены в первую очередь:

- на установление места и времени преступления, характера преступного деяния, типа используемого оружия;

- получение информации о свидетелях, которые способны предоставить данные о наличии либо изготовлении и продаже незаконного оружия;
- получение данных, которые характеризовали бы личность подозреваемого;
- установление причин, которые побудили к совершению уголовного преступления, а также иных обстоятельств, имеющих прямое отношение к материалам дела.

Приведенный перечень вопросов не является исчерпывающим и напрямую зависит от обстоятельств уголовного преступления, а также данных, которыми владеет свидетель.

На установление надлежащего психологического контакта существенное влияние оказывают следующие факторы: обстановка при проведении допроса, сущность и правильная последовательность задаваемых вопросов, манера поведения следователя, его умение владеть собой, тон и внешний вид.

Немаловажное значение имеет предупреждение допрашиваемого лица об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний, так как оно влияет на правосознание допрашиваемых лиц, является некоторым сдерживающим фактором относительно искажения реальных фактов со слов потерпевшего или свидетеля. Форма предупреждения об ответственности должна учитывать личность допрашиваемого, его реакции на вынесенное предупреждение и ожидаемое поведение. Для закрепления контакта с допрашиваемыми лицами необходимо использовать также и беседу, в ходе которой следователь может интересоваться не только анкетными данными, но и иной информацией о жизнедеятельности лица, что позволит изучить личность допрашиваемого [3, с. 250].

Так как не все допрашиваемые по делам о незаконном обороте оружия идут на первоначальный контакт со следователем, то в определенных обстоятельствах рекомендуется:

- расположить к себе допрашиваемое лицо, дать понять, что ему сочувствуют и не осуждают;
- приступить к главным вопросам постепенно, начав с нейтральных тем (образ жизни, увлечения и интересы допрашиваемого лица);
- помочь советом, дать контактный номер служебного телефона для связи в случае крайней необходимости;
- установить причины, которые мешают дать показания, попытаться их преодолеть [4, с. 175].

Важно отметить, что для разрешения конфликтных ситуаций, применяются тактические приемы, направленные:

- на распознавание правдивых и ложных показаний (создание не отвлекающей внимание допрашиваемого обстановки; уточнение и конкретизацию неопределенных, неполных показаний; постановку вопросов для повторного изложения отдельных или всех фактов; формирование у допрашиваемого представления о невозможности лгать или умалчивать о фактах; использование «географической уловки»: наблюдая за реакцией допрашиваемого, можно установить, говорит ли он правду или же дает ложные показания);
- отграничение заблуждений от умышленно ложных показаний (уточнение условий по восприятию допрашиваемым лицом событий и фактов; выяснение субъективного состояния потерпевшего, свидетеля в момент восприятия события; постановка вопросов, возбуждающих или ослабляющих эмоциональное состояние допрашиваемого лица; внезапный переход направления допроса – от одних фактов к выяснению других; постановка провокационных вопросов, направленных на выявление заведомо ложных показаний; выяснение причин, вследствие которых потерпевший или свидетель заинтересован в даче заведомо ложных показаний [5, с. 53]);
- использование положительных качеств личности допрашиваемого лица (купирование и последующая нейтрализация отрицательных качеств допрашиваемого лица; мотивация лица на применение его положительных качеств, призыв к совести, справедливости и честности, а также оказанию содействия в борьбе с преступностью);

- избличение потерпевшего и свидетеля в даче заведомо ложных показаний (создание на допросе только рабочей обстановки; корректное поведение следователя по отношению к допрашиваемому лицу; формирование у допрашиваемого лица представления о бесполезности лживых показаний и том, что ложь будет разоблачена; решительный настрой следователя относительно выяснения истины по расследуемому делу; внезапная постановка вопросов по важным обстоятельствам расследуемого дела; создание представления у допрашиваемого лица о полной осведомленности следователя относительно произошедшего и наличии неоспоримых доказательств; отвлечение допрашиваемого от надуманной лжи и построения схемы мнимой защиты; предъявление доказательств без разъяснения относительно их отношения к материалам уголовного дела; неожиданное предъявление веских улик либо оглашение их определенной последовательности с целью уличения допрашиваемого во лжи; предъявление видео- и аудиозаписей, вещественных доказательств и документов) [6, с. 34].

Важным является следующий этап допроса – свободный рассказ – это изложение известными лицу фактов, касающихся незаконного оборота оружия, в определенной последовательности, предлагаемой следователем или выбранной потерпевшим или свидетелем.

Особенности свободного рассказа:

- возможность получения всего объема информации по фабуле дела, которым располагает свидетель или потерпевший;
- изложение данных по делу в удобной для допрашиваемого последовательности;
- более полное и четкое представление о взаимоотношениях допрашиваемого с иными участниками следственных действий, об избранной линии поведения потерпевшего или свидетеля и степени его фактической осведомленности.

Таким образом, в тактике ведения допроса особое место занимает свободный рассказ, при помощи которого свидетель и потерпевший излагают известные им факты в удобной для них интерпретации.

Если в расследовании преступления имеется большое количество эпизодов, то следователь рекомендует определенную последовательность изложения для свидетеля и потерпевшего. Для этого необходимо предложить допрашиваемому начать рассказ с определенного факта, который выстроит всю цепочку произошедших событий. Такой прием позволит направить рассказ в нужное русло для выяснения наиболее важных обстоятельств по делу и удержит допрашиваемое лицо от дачи ложных показаний, если существует такое опасение. Предоставив сведения об одном факте, допрашиваемый будет вынужден правдиво рассказать и об остальных событиях [7].

Следователь не должен мешать свободному рассказу либо прерывать его, так как это может привести к путанице и произвольному сокрытию важных деталей дела.

Задать вопрос либо вмешаться в рассказ возможно лишь при отклонении допрашиваемого от предмета допроса, при этом необходимо объяснить, что говорить следует по существу.

В процессе свободного рассказа протоколирование вести не следует, так как это может отвлечь допрашиваемого, ослабить его усилия по воспроизведению важных фактов и нарушить ассоциативные связи. На данном этапе допроса следователь делает заметки о соображениях, возникших у него по ходу свободного рассказа, намечая вопросы, которые нужно будет задать в дальнейшем.

Для установления полноценного психологического контакта допрашиваемое лицо должно чувствовать заинтересованность в его показаниях, что в свою очередь укрепит его в осознании важности исполняемого им гражданского долга и оказываемой им помощи следствию и затем послужит стимулом к даче правдивых показаний.

Завершив этап свободного рассказа, следователь путем постановки вопросов восполняет и уточняет полученные от свидетеля и потерпевшего показания; выявляет новые факты, не упоминавшиеся в свободном рассказе; получает контрольные данные для проверки показаний; помогает свидетелю или потерпевшему вспомнить забытые детали преступления.

Обобщая и анализируя полученные показания, следователь на заключительном этапе должен:

- при добросовестном заблуждении свидетеля и потерпевшего – помочь им исправить ошибки;
- при умышленной даче заведомо ложных показаний – изобличить лицо и побудить дать правдивые показания.

В целях «оживления» памяти свидетеля или потерпевшего применяются следующие тактические приемы допроса:

1. Допрос с использованием ассоциативных связей. В сознании свидетеля или потерпевшего возникают события, которые вступают друг с другом в определенные связи так, что припоминание одного факта стимулирует воспоминания о предшествующих и сопутствующих, а также последующих или сходных данных.

2. Допрос на месте – разновидность допроса с использованием ассоциативных связей, когда исследуется повторное восприятие той обстановки, в которой происходил незаконный сбыт либо приобретение оружия.

3. Повторный допрос по ограниченному кругу обстоятельств. При повторных показаниях допрашиваемое лицо может вспомнить упущенные или забытые им факты, а также факты, которые он пытался скрыть.

Необходимо отметить, что в арсенале следователя имеется большое количество тактических приемов, при правильном применении которых допрос свидетеля и потерпевшего может существенно помочь расследованию дел, связанных с незаконным оборотом оружия [8, с. 130].

Можно сделать вывод о том, что следователи, расследующие преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, обязаны не только иметь соответствующую подготовку и обладать высокой квалификацией в области права, но и уметь продуктивно взаимодействовать с личностью в процессе производства следственных действий. Кроме того, они должны совмещать в себе волевые качества и способность разбираться в психологических особенностях людей, проявлять умеренную настойчивость и целеустремленность, а также быть коммуникабельными при взаимодействии с сотрудниками оперативно-розыскных подразделений МВД и ФСБ.

Перечисленные качества помогут в своевременном раскрытии наиболее сложных преступлений, вне зависимости от срока давности и квалификации таких деяний.

Таким образом, деятельность по расследованию и раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия должна быть комплексной и проводиться во взаимодействии с раскрытием и расследованием иных категорий преступлений.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 22.11.2001 г. : одобрен Советом Федерации 05.12.2001 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Рагулин И. Ю. Организационные аспекты методики расследования незаконного оборота оружия и боеприпасов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 28 с.

3. Камышников А. П., Лукашин В. И. Незаконный оборот наркотиков. М. : Щит-М, 2018. 348 с.

4. Чиненов А. А. Некоторые особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов // Перспективы развития науки и образования : сб. науч. тр. по материалам XXVII междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. В. Туголукова. 2018. № 1. С. 174–175.

5. Пяткова И. Г. Тактика допроса свидетелей и потерпевших по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 4. С. 52–55.

6. Поповская А. И. Тактика и психологические основы допроса свидетелей // Наука и современность. 2013. № 21. С. 32–37.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 24.05.1996 г. : одобрен Советом Федерации 05.06.1996 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Шевченко Е. И., Шиманов А. И. Особенности криминалистического обеспечения при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 3 (15). С. 128–130.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрienко Анастасия Ивановна – преподаватель кафедры государственного и муниципального права, Сургутский государственный университет

Anastasia I. Andrienko – Lecturer, Department of Public and Municipal Law, Surgut State University

E-mail: aai1409@rambler.ru

Власова Екатерина Александровна – магистрант, Тольяттинский государственный университет

Ekaterina A. Vlasova – Master's Degree Student, Togliatti State University

E-mail: katya12315@yandex.ru

Гордеева Ирина Вячеславовна – начальник правового управления, Администрация города Сургута

Irina V. Gordeeva – Head, Legal Department, Surgut City Administration

E-mail: Gordeeva_iv@admsurgut.ru

Дядькин Дмитрий Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет; профессор кафедры правоохранительной деятельности и адвокатуры, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск; адвокат

Dmitry S. Dyadkin – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Legislation and Proceedings, Surgut State University; Professor of the Law Enforcement and Advocacy Department, Yugra State University, Khanty-Mansiysk; Lawyer

E-mail: lex.dds@gmail.com

Дядькина Светлана Борисовна – преподаватель кафедры уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет

Svetlana B. Dyadkina – Lecturer, Department of Criminal Legislation and Proceedings, Surgut State University

E-mail: ddssurgut@rambler.ru

Кабанов Павел Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Тольяттинский государственный университет

Pavel A. Kabanov – PhD (Law), Assistant Professor, Department of Criminal Legislation and Proceedings, Togliatti State University

E-mail: baklushina05@rambler.ru

Казанцев Михаил Федорович – доктор юридических наук, заведующий отделом права, Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук, г. Екатеринбург

Mikhail F. Kazantsev – Doctor of Science (Law), Head, Legal Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg

E-mail: kazan.m@mail.ru

Ковалев Максим Викторович – старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин, Брянский филиал Всероссийского института повышения квалификации МВД РФ

Maxim V. Kovalev – Senior Lecturer, Department of General Legal Disciplines, Branch of Advanced Training Institute of the MIA of Russia, Bryansk

E-mail: koff.maxim2015@yandex.ru

Корнилова Татьяна Владимировна – научный сотрудник организационно-научного отдела, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний
Tatiana V. Kornilova – Researcher, Organizational and Scientific Department, VILE of the FPS of Russia, Vologda
E-mail: tanya.bystrova2012@mail.ru

Липчанская Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного права, директор Института юстиции, Саратовская государственная юридическая академия
Maria A. Lipchanskaya – Doctor of Science (Law), Professor, Head, Department of Constitutional Law, Director, Institute of Justice, Saratov State Law Academy
E-mail: lipchan_maria@mail.ru

Михайлова Лариса Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД, Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск
Larisa V. Mikhailova – PhD (Law), Assistant Professor, Department of Criminal Intelligence of the Department of Internal Affairs, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Khabarovsk
E-mail: Lora.mihailova@mail.ru

Нагиев Руслан Сохбатович – специалист-эксперт (дознатель) Федеральной службы судебных приставов России по ХМАО – Югре по Сургутскому району
Ruslan S. Nagiev – Expert (Investigator), Federal Bailiffs Service of Russia in KhMAO – Ugra in Surgut District
E-mail: nagiev.r@mail.ru

Силаев Семён Александрович – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Кемеровский государственный университет
Semyon A. Silaev – Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University
E-mail: silajeu@tut.by

Слободенюк Марина Александровна – ассистент кафедры уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет
Marina A. Slobodenyuk – Assistant Professor, Department of Criminal Legislation and Proceedings, Surgut State University
E-mail: 150592@mail.ru

Чарковская Ноэми Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права, Сургутский государственный университет
Noemi I. Charkovskaya – PhD (Law), Associate Professor, Department of Civil Procedure and Labour Law, Surgut State University
E-mail: charkovskaya-n@yandex.ru

Шаров Константин Викторович – адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России
Konstantin V. Sharov – Postgraduate, Postgraduate Military Course, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: kostia_sharov55@mail.ru

Шиндина Анна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Саратовская государственная юридическая академия

Anna V. Shindina – PhD (Law), Assistant Professor, Constitutional Law Department, Saratov State Law Academy

E-mail: iz1@ssla.ru

Шкаревский Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Сургутский государственный университет

Denis N. Shkarevsky – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, Department of State and Law Theory and History, Surgut State University

E-mail: shkarden@mail.ru

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ АВТОРОВ

«Вестник Сургутского государственного университета» – рецензируемый научный журнал, издается с 2013 г., 4 раза в год. Основное содержание журнала представляет собой оригинальные научные статьи.

Издание публикует статьи по следующим отраслям науки:

08.00.00 Экономические науки;

12.00.00 Юридические науки.

Полные тексты статей размещаются в бесплатном доступе на сайте surgu.ru и в базе данных Научной электронной библиотеки на сайте elibrary.ru, сведения о публикуемых материалах включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию статей, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Тип рецензирования – одностороннее слепое (анонимное) рецензирование (рецензент знает фамилии авторов, авторы не знают фамилию рецензента). По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи.

Редакция оставляет за собой право сокращения и редактирования статей. В случае направления рукописи на доработку исправленная статья (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через неделю.

Недопустимо предоставление в редакцию статей, опубликованных ранее либо направленных в другие издания.

Статьи, не соответствующие требованиям, не рассматриваются.

Для всех категорий авторов публикации бесплатны.

Статья представляется в редакцию в электронном варианте.

Статья и сведения об авторах должны быть представлены в разных файлах, которые передаются вложением в электронное письмо, отправленное по адресу: ashirova_av@surgu.ru. Название файла должно содержать фамилию автора (Иванов_статья.doc; Иванов_сведения.doc).

Все авторы должны предоставить о себе информацию **на русском и английском языках**:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень (если есть);
- звание (если есть);
- должность;
- место работы (без аббревиатур);
- электронный адрес.

Образец оформления сведений об авторе

Иванова Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Сургутский государственный университет

Ivanova Anna Ivanovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Surgut State University

E-mail: ivanova@mail.ru

В файле, содержащем информацию об авторе, также должны быть указаны:

- специальность (название и шифр по классификации ВАК);
- контактные телефоны;
- требуется ли печатная версия журнала (да/нет);
- если нужна печатная версия – адрес с почтовым индексом.

Образец

08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством

628412, Сургут, ул. Университетская, д. 7, кв. 32

89221234567

печатная версия журнала требуется

Объем статьи: от 10 000 до 20 000 печатных знаков с пробелами (для статей по экономике – от 15 000 до 30 000 печатных знаков с пробелами), включая аннотацию, ключевые слова, библиографию и иллюстрации.

Структура статьи

1. Фамилия (полностью), имя, отчество (инициалы) автора на русском и английском языках (полужирным курсивом, по правому краю).
2. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима) на русском и английском языках (жирным шрифтом, по центру). Точка после названия не ставится.
3. Аннотация статьи на русском и английском языках (до 8 строк). Слово «аннотация» не пишется. Использование аббревиатур не допускается.
4. Ключевые слова (3–6 слов, для статей по экономике – 5–15 слов) на русском и английском языках.
5. Текст статьи (обоснование актуальности проблемы, основная часть, выводы, предложения).
6. Литература (пристатейный библиографический список источников, на которые автор ссылается в тексте).

Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторах должны быть переведены профессиональным переводчиком.

Оформление статьи

Текст статьи набирается в программе Microsoft Office Word, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, интервал 1, поля 2 см, абзацный отступ 1,25 см.

Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию.

Использование цветных заливок и выделений не допускается.

Все сокращения и аббревиатуры, кроме общепринятых, должны быть расшифрованы при первом упоминании.

Единицы измерения даются в соответствии с Международной системой СИ.

На все таблицы, схемы и иллюстрации должна быть сделана ссылка в тексте с указанием их номера.

Образец оформления статьи

**Филиппова Н. А.
Filippova N. A.**

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ
В ПАРЛАМЕНТЕ И ВНЕ ПАРЛАМЕНТА:
РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

**INDIGENOUS REPRESENTATION
IN PARLIAMENT AND OUTSIDE PARLIAMENT:
RUSSIA AND FOREIGN EXPERIENCE**

В статье предложен сравнительный анализ современных институтов публичного представительства коренных народов, их эволюция и особенности в сравнении с институтами представительства иных национальных меньшинств. Определены перспективы использования таких институтов в субъектах Российской Федерации.

This author proposes a comparative analysis of modern institutions for public representation of indigenous peoples, their evolution, and especially, in comparison with other institutions for national minorities' representation. It defines the prospects of such institutions' operation in the Russian Federation.

Ключевые слова: коренные народы, публичное представительство, парламент, консультативный совет.

Keywords: indigenous peoples, public representation, parliament, an advisory board.

При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми. Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, иначе при изменении границ страницы элементы могут смещаться. В диаграммах должны быть подписаны оси координат (при наличии), указаны единицы измерения, объяснены все условные обозначения. При создании таблиц и диаграмм в Excel обязательно прилагается исходный файл в формате .xls.

В подписях рисунков шрифт 10, жирный, точки нет, выравнивание по центру. В примечаниях к рисункам и таблицам шрифт 10, обычный, выравнивание по ширине.

Образец оформления таблицы

Таблица 1

Классификация научных исследований

Наименование	Характеристика
Фундаментальное	Направлено на изучение общих соотношений между феноменами, на познание реальности без учета практического эффекта от применения знаний
Прикладное	Проводится в целях получения знания, которое должно быть использовано для решения конкретной практической задачи
Монодисциплинарное	Проводится в рамках отдельной науки
Междисциплинарное	Предусматривает сотрудничество представителей разных областей в решении комплекса проблем (социологии, антропологии, этологии и др.) и проводится на стыке нескольких научных дисциплин

Образец оформления рисунка

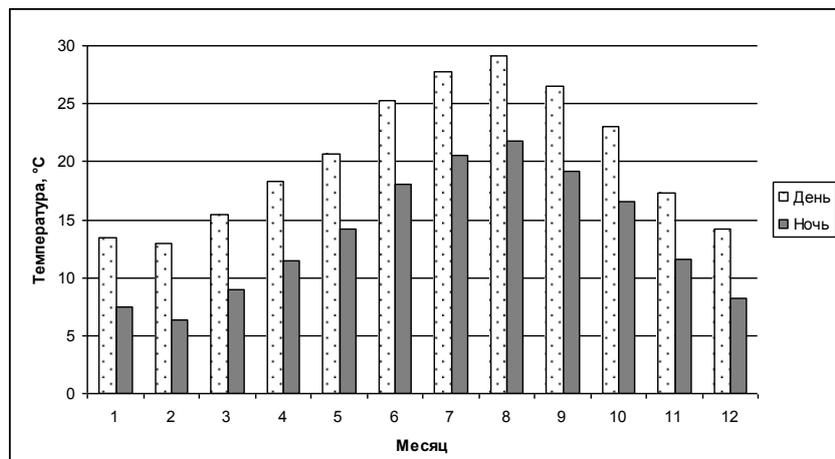

Рис. 1. Средняя температура воздуха (г. Барселона)

У каждой публикуемой научной статьи должен быть пристатейный библиографический список, содержащий сведения о других документах, цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи, оформленные в соответствии с требованиями к затекстовым библиографическим ссылкам, предусмотренными ГОСТ Р 7.0.5–2008.

Источники приводятся в алфавитном порядке. Упорядочение изданий осуществляется по первой букве первого слова библиографического описания. Если первая буква повторяется – соблюдается алфавит второй, третьей и последующих букв. Источники на иностранных языках указываются в конце списка.

Образец оформления списка литературы

Литература

1. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психолингвистика: теория речевой деятельности : учеб. пособие для студентов педвузов. М. : Астрель ; Тверь : АСТ, 2006. 319 с. (Высшая школа).
2. Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и он-лайновых сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml? page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).
3. Карпов В. П. Освоение газовых и нефтяных ресурсов Ямала в 1960-80-е годы // Горные ведомости. 2007. № 12. С. 80-93.

Библиографические ссылки в тексте статьи выделяют квадратными скобками, указывая номер источника в списке литературы (например, [2]). Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер источника и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [10, с. 81]. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют запятой: [1, 3, 14].

Образцы оформления библиографических ссылок

10. Валукин М. Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М. : ГИТИС, 2006. 251 с.

8. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования : сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования ; под ред. А. Е. Марона. М. : ИОВ, 2007. 118 с.

12. Ефимова Т. Н., Кусакин А. В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы регион. экологии. 2007. № 1. С. 80–86.

11. Лешкевич И. А. Научное обоснование медико-социальных и организационных основ совершенствования медицинской помощи детскому и подростковому населению г. Москвы в современных условиях : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001. 76 с.

7. Канарский Д. И. Успех как механизм конституирования социальной реальности (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2000. 23 с.

2. О рынке ценных бумаг : федер. закон Рос. Федерации от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 марта 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 апр. 1996 г. // Рос. газ. 1996. 25 апр.

1. Приемопередающее устройство : пат. 2187888 Рос. Федерация. № 2000131736/09 ; заявл. 18.12.00 ; опубл. 20.08.02, Бюл. № 23 (II ч.). 3 с.

4. ГОСТ Р 7.0.4–2006. Издания. Выходные сведения. Общие требования и правила оформления. М., 2006. II, 43 с. (СИБИД).

Библиографическая ссылка на издание, имеющее более трех авторов

5. Логинов С. И., Басова О. Н., Ефимова Ю. С., Гришина Л. И. Физическая активность человека как фактор адаптации к условиям Югорского Севера // Физиологические механизмы адаптации человека : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 26 октября 2010 г. Тюмень: Лаконика, 2010. С. 34–36.

Указываются фамилии всех авторов такого документа в том порядке, в котором они перечислены в исходном тексте.

Библиографические ссылки на электронные ресурсы

1. Дирина А. И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право : сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).

9. О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 нояб. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Переводчик

М. О. Бенская

Редактор

Ю. Р. Бобрус

Верстка

Е. А. Мельниковой

Фото на обложке

Татьяны Букиной

Оригинал-макет подготовлен в Издательском центре СурГУ.

Тел. (3462) 76-30-66.

Отпечатано в Издательском центре СурГУ.

Адрес учредителя, издателя и типографии:

бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

«Сургутский государственный университет»,

628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.

Тел. (3462) 76-31-79.

Подписано в печать 23.09.2019. Дата выхода в свет 30.09.2019. Формат 60×84/8.

Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 100. Заказ № 215.

Цена свободная.